

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ

Партии и выборы

Хрестоматия

Часть 2

Москва 2004

ББК 66.6; 66.3
П. 18

Серия
«Политология»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки
Отдел правоведения

Отв. ред. и сост. *Г.Н.Андреева, Н.В.Анохина,
Е.Ю.Мелешкина*

П.18 **Партии и выборы: Хрестоматия/ РАН. ИНИОН.**
Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки, отдел правоведения. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Г.Н. Андреева, Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина – Ч.2. – М.: ИНИОН, 2004. – 176 с. (Сер.: «Политическая наука»).

ISBN 5-248-00249-4

В хрестоматии представлены переводы, рефераты и оригинальные работы исследователей, посвященные отдельным аспектам функционирования политических партий, партийных систем и выборов. Освещаются вопросы методологии сравнительного анализа, представлены различные концепции и подходы, примеры наиболее значительных исследований.

Предназначено для студентов, изучающих политическую науку и смежные дисциплины, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется развитием важнейших институтов современной демократии: партий и выборов.

ББК 66.6; 66.3

ISBN 5-248-00249-4

©ИНИОН РАН, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. Нормативные основы электоральной конкуренции и их эффекты.....	7
Законодательство зарубежных стран об участии политических партий в выборах и определении результатов выборов	7
<i>А.Г.Антонос</i> Государственное регулирование финансирования политических партий и предвыборных кампаний во Франции.	19
<i>Ж.-П. Камби</i> Конституционный совет и пятьсот подписей: Поручительство за кандидатов на президентских выборах. (Реферат)	28
<i>Н.Б.Яргомская, А.В.Лихтенштейн</i> Закон Дюверже и система относительного большинства на думских выборах	33
II. Современные тенденции в развитии политических партий и избирательного процесса.	53
<i>Т.Погунтке</i> Партии без устойчивой социальной опоры? Партийная организационная взаимосвязь. (Реферат).	53
Киберпартии как результат трансформации политических партий в информационном обществе. (Реферативный обзор).....	61
<i>Я.-Э.Лейн, С.Эрссон</i> Политика и общество в Европе. (Реферат).....	64
<i>Ж.-И.Камю</i> «Крайне правые» в Европе: где, как и почему?	69
<i>С.С.Колеман</i> Избирательная кампания онлайн. (Реферат)	84

III. Партии и выборы в посткоммунистических обществах.....	88
<i>А.Рёмелле А.</i> Структура размежеваний и партийные системы в Восточной и Центральной Европе.	88
<i>Д.-Л.Сейле</i> Применимы ли размежевания Роккана к Центральной Европе? (Реферат).....	109
<i>Дж.Т.Ишияма.</i> Партии—преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике.....	117
<i>Г.В.Голосов</i> Форматы партийных систем в новых демократиях: Институциональные факторы неустойчивости и фрагментации.	139
<i>А.В.Лихтенштейн</i> Политические партии и российский президентализм: Границы применения теорий	165

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сознательный исследователь политики, по мнению Дж.Сартори, отличается от несознательного и сверхсознательного тем, что применяет известные мировой науке исследовательские инструменты (от себя добавим — знаком с ними и способен их использовать), однако делает это разумно, понимая их ограниченность. Для сознательного подхода важно понимание достоинств и недостатков тех или иных теоретических конструкций, методологических подходов, инструментов анализа. Очевидно, что для этого необходимо освоение значимых научных достижений. Таким образом, в процессе приобретения профессиональных знаний и умений будущих исследователей особое место должно занимать знакомство с исследовательской литературой, в которой представлены наиболее известные концепции и подходы, показаны возможности их использования.

Данная задача особенно актуальна для России. Молодость отечественной политологии и в то же время необходимость преодолевать периферийный характер, встраиваться в русло современных мировых научных тенденций обуславливают особое значение критического анализа мирового научного наследия. Только решив эту задачу, отечественные политологи смогут адекватно осмыслить различные аспекты российского политического процесса и внести свой вклад в развитие мировой политической науки.

Целью данной хрестоматии как раз и является ознакомление будущих специалистов-политологов с основными концепциями, методологическими направлениями и инструментами сравнительного анализа аспектов политической жизни, связанных с функционированием двух важнейших институтов современной демократии: партий и выборов. В книге представлены переводы, сокращенные варианты оригинальных текстов и рефераты монографий и статей, в которых рассматриваются проблемы изучения партийных и избирательных систем, роли выборов и электро-

рального поведения и т.д. Часть этих работ может быть отнесена к классическим, своего рода веховым трудам, получившим признание мирового научного сообщества. Другая часть включает в себя обзор и анализ состояния исследований тех или иных проблем. Третья представляет попытку сознательного критического переосмысления известных концепций и исследовательских инструментов, их использования для решения специфических познавательных задач, их дополнения и развития.

Часть переводов и рефератов была подготовлена специально для хрестоматии в том числе силами студентов факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ. Большинство остальных материалов – перепечатки из различных изданий и, в первую очередь из сборника научных трудов ИНИОН РАН «Политическая наука».

Материалы, собранные во второй части хрестоматии, сгруппированы в отдельные тематические разделы. В первом разделе представлены выдержки из избирательного законодательства ФРГ, Франции и Италии, работы, анализирующие существующие в различных странах правила проведения выборов и их эффекты. Во второй части исследуются некоторые аспекты современного развития партийной и электоральной политики. Третья включает в себя работы, анализирующие развитие политических партий и формирование партийных предпочтений в странах Восточной Европы.

При отборе текстов и структурировании книги редакторы и составители руководствовались в первую очередь необходимостью обеспечения учебными материалами студентов, изучающих курсы «Партии и партийные системы: сравнительный анализ», «Избирательные системы и избирательный процесс: сравнительный анализ». Вместе с тем, мы надеемся, что хрестоматия будет интересна не только тем, кто изучает эти курсы, а также аспирантам и преподавателям.

Мы благодарим редакцию журнала «Полис» за предоставленную возможность перепечатать сокращенные версии отдельных материалов, вошедших в хрестоматию, и коллег из отдела политической науки ИНИОН РАН за высказанные ценные замечания в ходе работы над текстом книги.

*Г.Н.Андреева,
Н.В.Анохина,
Е.Ю.Мелешкина*

І.НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ИХ ЭФФЕКТЫ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ОБ УЧАСТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ВЫБОРАХ И ОПРЕДЕЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ¹

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН О ВЫБОРАХ ФРГ² (Bundeswahlgesetz – BWG³)

(Извлечение)

§1

Состав Бундестага и принципы избирательного права

(1) С учетом содержащихся в настоящем Законе оговорок, Бундестаг состоит из 598 депутатов. Они избираются обладающими избирательным правом немцами путем всеобщих, прямых, свободных, равных и

---

¹ Источник: Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства: Авт. Проекта: Ю.А.Веденеев, В.В.Маклаков / Отв.ред. А.А.Вешняков – М.: Весь мир, 2004.

² В редакции, объявленной 23 июля 1993 г. (БГБл.³, часть I, с.1288, 1594), измененной Законом от 28 января 1994 г. (БГБл., часть I, с.142), от 10 мая 1994 г. (БГБл., часть I, с.993), от 15 сентября 1994 г. (БГБл., часть I, с.2417), от 28 сентября 1994 г. (БГБл., часть I, с.2734), от 15 ноября 1996 г. (БГБл., часть I, с.1712), объявления от 1 декабря 1997 г. (БГБл., часть I, с.2772), Законом от 20 апреля 1998 г. (БГБл., часть I, с.706), от 1 июля 1998 г. (БГБл., часть I, с.1698), от 25 августа 1998 г. (БГБл., часть I, с.2430), от 13 ноября 1998 г. (БГБл., часть I, с.3431), от 21 мая 1999 г. (БГБл., часть I, с.1023), от 27 апреля 2001 г. (БГБл., часть I, с.701), от 3 декабря 2001 г. (БГБл., часть I, с.3306), от 27 апреля 2002 (БГБл., часть I, с.1467), окончательно измененной статьей 1 Закона от 7 мая 2002 г. (БГБл., часть I, с.1529).

³ В ФРГ принято после официального названия закона давать его аббревиатуру, которая также используется официально при ссылках на документ. – Прим.перев.

тайных выборов в соответствии с принципами, сочетающими мажоритарную и пропорциональную избирательные системы.

(2) 299 депутатов избираются по избирательным округам, остальные – на основе избирательных заявлений в землях (земельные списки).

§4

Голоса

Каждый избиратель имеет два голоса: первый голос – для выборов по избирательному округу, второй голос – для выборов по земельным спискам.

§5

Выборы по избирательным округам

В каждом избирательном округе избирается один депутат. Избранным считается кандидат, получивший наибольшее число голосов. При равенстве полученных голосов вопрос решается путем жеребьевки, проводимой окружным руководителем по выборам.

§6

Выборы по земельным спискам

Для распределения мест по земельным спискам сначала подсчитываются все вторые голоса, отданные за каждый земельный список. При этом не учитываются вторые голоса тех избирателей, отдавших свой первый голос за избранного по избирательному округу кандидата, который был выдвинут либо в соответствии с § 20, абзац 3, либо партией, список которой в данной земле не был допущен. Из общего числа депутатов (§ 1, абзац 1) вычитается число кандидатов, победивших в избирательных округах, упомянутых в предложении 2, или выдвинутых партий, не подлежащей учету согласно абзацу 6.

(2) Оставшиеся после вычитания согласно абзацу 1 предложения 3 места распределяются по земельным спискам партий, исходя из вторых голосов, в соответствии с абзацем 1, предложения 1 и 2. Общее число оставшихся мест умножается на отношение числа вторых голосов, полученных земельным списком по всей территории проведения выборов, к общему числу учитываемых вторых голосов, полученных по всем учитываемым земельным спискам. Каждый земельный список получает сначала столько мест, сколько по нему получилось целых чисел. Оставшиеся места распределяются по земельным спискам в соответствии с размером

остатка от округления неправильной дроби, получившейся в результате вычисления в соответствии с правилом предложения 2. Если имеет место равенство остатков, то решение принимается путем вытягивания Федеральным руководителем по выборам жребия.

(3) Если при распределении мест, в соответствии с правилами абзаца 2, земельный список, собравший более половины общего количества вторых голосов, получает не более половины распределяемых мест, то, в исключение из установленного в абзаце 2 предложения 4 и 5, дополнительное место предоставляется в первую очередь именно этому земельному списку. Затем оставшиеся места распределяются в соответствии с правилом абзацем 2 предложения 4 и 5.

(4) Из определенного таким образом количества мест, полученных партией, вычитается количество мест, полученных кандидатами партии в избирательных округах. Оставшиеся места распределяются по земельному списку партии в соответствии с установленной в нем последовательностью. Лицо, получившее место по избирательному округу, при распределении мест по земельному списку не учитывается. Если на земельный список приходится больше мест, чем имеется кандидатов, то остающиеся места остаются незанятыми.

(5) Полученные партией в избирательных округах места сохраняются за партией и в том случае, если их количество превышает число, найденное в соответствии с абзацами 2 и 3. В таком случае общее количество депутатских мест (§ 1, абз.1) увеличивается на число, равное разнице; повторная процедура расчетов в соответствии с абзацами 2 и 3 не проводится.

(6) При распределении мест по земельным спискам принимают участие только партии, которые получили не менее 5% всех отданных на территории Германии действительных вторых голосов или получили депутатский мандат не менее чем в трех избирательных округах. Предложение 1 не применяется к спискам, представляемым партиями национальных меньшинств.

§7

Соединение земельных списков

(1) Земельные списки партий считаются заблокированными, если не будет объявлено, что один или несколько участвующих в объединении земельных списков должны быть исключены из него.

(2) При распределении мандатов соединенные списки рассматриваются по отношению к спискам других партий как единый список.

(3) Места, приходящиеся на соединенный список, распределяются по отдельным спискам соединения согласно § 6, абзац 2. Соответственно действуют § 6, абзац 4 и 5.

§20

Содержание и форма предложений о выдвижении кандидатов по избирательному округу

(1) Предложение о выдвижении кандидата по избирательному округу должно содержать имя и фамилию только одного кандидата. Каждый кандидат может быть выдвинутым только в одном избирательном округе и только в одном предложении о выдвижении кандидатом. Кандидатом может быть выдвинуто только лицо, давшее на это свое согласие в письменном виде; согласие не может быть отозвано.

(2) Заявление о выдвижении кандидатом от данной партии должно быть подписано собственноручно от имени правления земельной организации данной партии или, — если партия не имеет земельной организации, то правлением партийной организации следующего более низкого уровня (§ 7, абзац 2 Закона о партиях), в пределах территории которой находится избирательный округ. Предложение о выдвижении кандидата названных в § 18, абзац 2 партий должно быть, кроме того, подписано собственноручно не менее чем 200 избирателями данного округа; в момент подписания каждый из них должен обладать активным избирательным правом и наличие его должно быть подтверждено для каждого подписавшего при подаче заявления. Требование 200 подписей не относится к партиям национальных меньшинств.

(3) Любое другое заявление о выдвижении кандидата должно быть подписано собственноручно не менее чем 200 избирателями данного округа. При этом действует абзац 2 предложение 2, вторая половина.

(4) Заявление о выдвижении кандидата должно содержать полное название выдвигающей его партии и если у нее имеется сокращенное название, то и его также; другие предложения о выдвижении кандидатов должны содержать условное обозначение.

§21

Выдвижение кандидатов от партий

(1) В предложении о выдвижении кандидатом от партии может быть назван только тот, кто был избран кандидатом на партийном собрании по выборам кандидата в избирательном округе или на особом или общем собрании представителей партии, посвященном выдвижению кандидата. Партийное собрание для выборов кандидата в избирательном округе – это собрание членов партии, которые в момент собрания обладают правом голоса в данном избирательном округе для выборов в Бундестаг. Особое собрание представителей – это собрание представителей, избранных членами партии из своих рядов на такого рода партийном собрании. Общее собрание представителей – это собрание группы представителей, избранной членами партии из своих рядов на такого рода партийном собрании в соответствии с уставом партии (§ 6 Закона о партиях) вообще для предстоящих выборов.

(2) В уездах и городах вне уездов, где образовано по несколько избирательных округов, кандидаты по избирательным округам, территория которых не пересекает границу уезда или города вне уезда, могут быть выбраны на совместном партийном собрании или собрании представителей.

(3) Кандидаты и представители на собрания представителей избираются тайным голосованием. Каждый обладающий правом участия в голосовании участник собрания обладает правом внесения предложений. Кандидатам должна быть предоставлена возможность в течение достаточного времени представить собранию себя и свою программу деятельности. Выборы кандидатов должны проводиться не ранее чем через 32 месяца, а собрания по выборам представителей – не ранее чем через 29 месяцев после начала легислатуры Бундестага; это положение не действует, если легислатура заканчивается досрочно.

(4) Правление земельной партийной организации или, если таковой не существует, правления следующего более низкого уровня (§ 7, абзац 2 Закона о партиях), в сфере деятельности которых находится избирательный округ, или иная партийная инстанция, предусмотренная Законом о партиях, могут заявить протест против решения партийного собрания или собрания представителей. В случае протеста голосование должно быть повторено. Результат повторного голосования является окончательным.

(5) Подробнее выборы представителей для собрания представителей, созыв и кворум партийного собрания и собрания представителей, а также выборы кандидата регулируются партиями в их уставах.

(6) Экземпляр протокола собрания о выборах кандидата с указанием места и времени собрания, формы приглашения на собрание, количества явившихся, а также результата голосования должен быть представлен вместе с предложением о выдвижении кандидата по избирательному округу. При этом председатель собрания и двое назначенных собранием участников должны принести клятвенное заверение окружному руководителю по выборам о том, что требования к выборам кандидата согласно абзацу 3 предложения с 1 по 3 были соблюдены. Окружной руководитель по выборам уполномочен принять такое клятвенное заверение; он считается в этом случае органом власти в смысле § 156 Уголовного кодекса.

§27

Земельные списки

(1) Земельные списки могут подаваться только партиями. Они должны быть лично и от руки подписаны правлением земельной партийной организации, а при отсутствии таковой – правлением партийной организации следующего более низкого уровня земли; в случае партий, названных в § 18, абзац 2, необходимы, кроме того, личные и от руки подписи одной тысячной от числа избирателей земли на последних выборах в Бундестаг, но не более 2 тыс. избирателей. Избирательное право подписавших предложение каждой из названных в § 18, абзац 2, партий должно быть подтверждено в момент подачи земельного списка. Это требование дополнительных подписей не относится к партиям национальных меньшинств.

(2) Земельный список партии должен содержать наименование этой партии и ее сокращенное название, если таковое имеет место.

(3) Имена лиц в земельном списке партии должны быть перечислены в четком порядке.

(4) Кандидат может быть предложен только в одной земле и здесь только в одном земельном списке. В земельном списке может стоять имя лишь того кандидата, который письменно заявил о своей согласии; это согласие не может быть отозвано.

(5) § 21, абзац 1, 3, 5 и 6, а также §§ 22 – 25 действуют соответственно, с учетом того, что клятвенное заверение в соответствии с § 21,

абзац 6, предложение 2 должно также распространяться и на то, что последовательность кандидатов в земельном списке была установлена на основе тайного голосования.

§42

Определение итогов голосования по земельным спискам

(1) Земельная комиссия по выборам устанавливает, сколько голосов подано в данной земле по каждому земельному списку.

(2) Федеральная комиссия по выборам устанавливает, сколько мандатов приходится на каждый земельный список и сколько кандидатов избрано.

(3) Земельный руководитель по выборам извещает избранных и просит сообщить письменно в течение недели, согласны ли они принять мандаты депутатов Бундестага.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС ФРАНЦИИ

(Code électoral. Paris: Les éditions des journaux officiels, 2002.

Journal officiel de la République française. Lois and décrets. 31 juillet. 2003. —

P.13016.)

(Извлечение)

Статья L.0.119. Число депутатов Национального собрания, избранных в департаментах, составляет 570.

Статья L.0.120. Национальное собрание переизбирается полностью.

Статья L.0.122. Кроме случаев роспуска, всеобщие выборы проводятся в течение шестидесяти дней, предшествующих истечению полномочий Национального собрания.

Статья L.0.123. Депутаты избираются по униноминальной мажоритарной системе в два тура.

Статья L.0.124. Голосование проводится по избирательным округам.

Статья L.0.126. Никто не может быть избран в первом туре, если он не получил:

1) абсолютного большинства поданных голосов;

2) количества голосов, равного четвертой части от числа избирателей, внесенных в списки избирателей.

Во втором туре достаточно получения относительного большинства голосов.

В случае равенства голосов считается избранным старший по возрасту кандидат.

Статья L.0.175. Общий подсчет голосов по каждому избирательному округу проводится комиссией, состав и деятельность которой устанавливается декретом, рассмотренным Государственным Советом, в понедельник, следующий за днем голосования, в главном городе департамента в присутствии представителей кандидатов.

ДЕКРЕТ ПРЕЗИДЕНТА ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ №361 ОТ 30 МАРТА 1957 Г.

Одобрение Сводного текста законов, содержащих нормы
о выборах Палаты депутатов
(с последующими изменениями)

Suppl. Ord. Alla Gazzetta Ufficiale n. 139 del 3 giugno 1957; Il Codice costituzionale. – Piacenza, 2001. P.182.

(Извлечение)

1.1. Палата депутатов избирается всеобщим, прямым и равным, свободным и тайным голосованием в один тур.

2. Территория страны делится на многомандатные избирательные округа... Распределение мандатов по пропорциональной системе в соответствии со статьями 77, 83 и 84 осуществляется на заседании Центрального общенационального бюро.

3. В каждом многомандатном округе 75% мандатов замещается в соответствующем количестве одномандатных округов, где избранным считается кандидат, набравший наибольшее число голосов в округе.

4. В каждом многомандатном округе 25% мандатов замещается на пропорциональной основе посредством распределения между соперничающими списками в соответствии со статьями 77, 83 и 84.

4.2. Каждый избиратель имеет:

1) один голос для избрания кандидата в одномандатном округе, который должен быть выражен в специальном бюллетене, содержащем

имя и фамилию каждого из кандидатов, а также одну или несколько эмблем¹ ...

2) один голос для голосования за список с целью распределения мандатов на пропорциональной основе, который должен быть выражен в другом бюллетене, содержащем эмблему и перечень кандидатов каждого из списков. Количество кандидатов, входящих в список, не может превышать одну треть от общего числа мандатов, замещаемых в округе на пропорциональной основе, с округлением до большего числа. Списки, содержащие несколько имен, формируются путем чередования кандидатов-мужчин и кандидатов-женщин.

77. ...Центральное окружное бюро...:

1) объявляет в соответствии с установленными результатами избранным в каждом из одномандатных округов кандидата, получившего наибольшее число действительных голосов;

2) определяет окружную избирательную цифру каждого из списков. Эта цифра равняется сумме голосов, полученных списком на отдельных избирательных участках округа, за вычетом в каждом из тех одномандатных округов, где был избран связанный со списком кандидат в соответствии с пунктом 1, количества голосов, равного полученному кандидатом, следующим за избранным по числу голосов, плюс один голос, однако в любом случае не менее 25% действительных голосов, поданных в этом округе, при условии, что эта цифра в процентном отношении не окажется выше голосов, полученных избранным кандидатом; если избранный кандидат связан с несколькими списками кандидатов, вычет голосов осуществляется в долевом отношении пропорционально числу голосов, полученных каждым из указанных списков в пределах территории округа. В этих целях Центральное окружное бюро умножает сумму голосов, полученных на отдельных избирательных участках округа каждым из списков, с которым связан избранный кандидат, на общее число подлежащих вычету у списков голосов, согласно положениям второго предложения, и делит полученный результат на общее число голосов, полученных этими списками в округе; количество голосов, подлежащих вычету у каждого из списков, равняется целой части квоты, полученной таким образом;

---

¹ Речь идет об эмблеме, которой себя обозначает в списках кандидат. — Прим.ред.

3) определяет в целях, предусмотренных ст.84, индивидуальную цифру каждого из кандидатов, выдвинутого в одном из одномандатных округов, на территории многомандатного округа, если он не был объявлен избранным в соответствии с пунктом 1 данной части. Она устанавливается путем умножения на 100 количества полученных действительных голосов и деления полученного результата на общее число проголосовавших в округе лиц;

* * *

4) сообщает посредством направления выписки из протокола Центральному общенациональному бюро окружную избирательную цифру каждого списка, а также общее число действительных голосов в округе и общее количество действительных голосов, полученных каждым из списков в округе, в целях, предусмотренных пунктом 2 части 1 статьи 83.

* * *

83.1. Центральное общенациональное бюро после получения выписок из протоколов всех Центральные окружные бюро...:

1) определяет общенациональную избирательную цифру каждого списка. Эта цифра представляет собой сумму избирательных цифр, которые получены в отдельных округах списками, имеющими одну и ту же эмблему;

2) затем устанавливает те списки, которые в общенациональном масштабе получили не менее 4% действительных голосов;

3) приступает к распределению мандатов среди списков, указанных в пункте 2, исходя из общенациональной избирательной цифры каждого из списков. Для этого сумма общенациональных избирательных цифр списков, указанных в пункте 2, делится на количество мандатов, подлежащих распределению на пропорциональной основе; таким образом получают общенациональную избирательную квоту. Возможные остатки не учитываются при делении. После этого общенациональная избирательная цифра каждого из списков, допущенных к распределению мандатов, делится на эту квоту. Полученная таким образом целая часть квоты составляет количество мандатов, которые должны быть выделены каждому из списков. Мандаты, оставшиеся незамещенными, соответственно выделяются спискам, которые в результате последнего деления имеют наибольшие остатки, а при равенстве остатков – тем спискам,

которые получили самую высокую общенациональную избирательную цифру; при равенстве последних применяют жеребьевку;

4) приступает после этого к распределению в отдельных округах мандатов, выделенных таким образом различным спискам. Для этого в первую очередь выделяют каждому списку столько мандатов, сколько полных окружных квот он получил в данном округе. Окружная квота определяется путем деления суммы избирательных цифр, полученных в округе списками, допущенными к распределению мандатов на пропорциональной основе, на количество мандатов, подлежащих распределению в округе на пропорциональной основе. Те мандаты, которые могут остаться незамещенными, выделяются спискам, согласно таблице, где расположены в убывающем порядке десятичные доли квоты, полученные каждым из списков до тех пор, пока не будут распределены все мандаты в округе. В этих целях начинают подсчеты с того округа, который имеет наименьшие демографические показатели. При распределении мандатов не принимаются в расчет списки, уже получившие все мандаты, на которые они имеют право в соответствии с расчетами, предусмотренными в пункте 3. По завершении этих действий мандаты, которые могут еще оставаться для выделения какому-либо списку, передаются этому списку в тех округах, где он получил наибольшие остатки, в первую очередь используются те остатки, которые не привели к распределению мандатов.

83.2. Центральное общенациональное бюро сообщает конкретным Центральным окружным бюро количество мест, выделяемое каждому из списков.

* * *

84. 1. Председатель Центрального окружного бюро, получив от Центрального общенационального бюро сведения, предусмотренные частью 2 статьи 83, объявляет избранными кандидатов, входящих в список, согласно порядку их выдвижения, в пределах того числа мандатов, на которое имеет право каждый из списков. Если кто-либо из них уже объявлен избранным в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 77, то избранными объявляются кандидаты, которые следуют за ними в списке в порядке выдвижения. Если списку полагается больше мандатов, чем у него имеется в наличии кандидатов, то Председатель Центрального окружного бюро, если еще есть соперничество за мандаты, причитающиеся списку, объявляет на основании соответствующих индивидуальных цифр

избранными кандидатов (связанных с данным списком. — Прим.ред.),
...которые еще не были избраны или объявлены избранными (по одно-
мандатным округам. — Прим.ред.).

А.Г.АНТОНОС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ ВО ФРАНЦИИ¹ (Обзор)

Во Франции не существует мощных политических партий, выражающих интересы различных слоев населения; они слабы организационно и превратились в организации, проталкивающие своих представителей в выборные органы и активизирующиеся в электоральный период. Поэтому депутаты сразу же становятся самостоятельными и не чувствуют себя связанными предвыборными программами и обещаниями: они могут формировать и свергать правительства, не оглядываясь на избирателей.

До конца 80-х годов XX в. только членские взносы считались единственным легальным источником финансирования французских политических партий, как, впрочем, и незначительные дотации со стороны государства. Фактически нелегальное финансирование партий велось в виде трансфертов денежных средств из-за границы, частных пожертвований, как правило, связанных с обещаниями получения государственных инвестиций, взносов частных предприятий в кассу партий и кандидатов в периоды избирательных кампаний. Не обходилось и без создания секретных объединений, неизвестно чем занимающихся исследовательских фондов, набитых деньгами чемоданов и т.д. До поры до времени возникавшие проблемы регулировались с помощью Уголовного кодекса, но его статьи все меньше подходили к новым реалиям.

---

¹ Материал опубликован в реферативном журнале ИНИОН РАН «Государство и право» № 4 за 2003 г.

Однако французские парламентарии и политики довольно долго тянули с установлением правил, препятствующих приходу к власти денежных мешков. С 1970 по 1988 г. в парламент было внесено 29 предложений и один проект закона по регулированию финансирования политической жизни, однако они так и не были приняты. И только в 1988 г., когда официальные расходы двух главных претендентов на пост президента Франции приблизились к 100 млн. фр., был принят первый закон о регулировании, государственном финансировании политических партий и выборов, за которым последовал ряд других.

Законодательство о финансировании партий и предвыборных кампаний прошло в четыре этапа.

Сначала был принят Органический закон¹ № 82–226 и Закон № 88–227 (оба от 11 марта 1988 г.) о финансировании политической жизни; они устанавливали потолок предвыборных расходов на национальных выборах, обязанность кандидатов предоставить финансовый отчет о затратах на проведение своих кампаний, государственное финансирование политических партий и обязанность депутатов парламента и кандидатов в президенты Франции продать декларацию о своем имущественном положении².

В 1990 г. были приняты еще два нормативных акта: Закон № 90–55 от 15 января об ограничении предвыборных расходов и выявлении источников финансирования политической деятельности и Органический закон № 90–383 от 10 мая о финансировании кампаний по выборам президента Франции и депутатов парламента. Эти законы запретили такие дорогостоящие формы предвыборных кампаний, как коммерческая, радио- и телевизионная реклама; принцип ограничения расходов был распространен и на проведение местных выборов; введено правило сбора средств не самим кандидатом, а его официально уполномоченным

---

¹ Органический закон – это вид закона, который занимает промежуточное положение между Конституцией и обычными законами; он принимается в специальном порядке на основе норм Конституции, прямо указывающих на необходимость принятия органического закона.

² Это правило распространяется и на действующего президента страны, который обязан не ранее чем за два месяца и не позже одного месяца после истечения срока своих полномочий представить аналогичную декларацию. С 1995 г. это обязательство было распространено на министров, представителей Франции в Европейском парламенте, на всех лиц, занимающих выборные должности на всех уровнях, вплоть до мэров коммун с населением свыше 30 тыс. человек.

лицом или специально создаваемой ассоциацией по секторальному финансированию; создан независимый административный орган – Национальная комиссия по бюджету предвыборных кампаний и политическому финансированию и провозглашена амнистия по нарушениям, совершенным до 15 июня 1989 г. и связанным с финансированием предвыборных кампаний или политических партий.

29 января 1993 г. принимается Закон № 93–122 о предотвращении коррупции и о прозрачности экономической жизни и деятельности государственных учреждений, по которому максимальный уровень расходов на предвыборные кампании был снижен, увеличена государственная помощь на их проведение; выдвинуто требование об обязательном оглашении списка пожертвований партиям и кандидатам со стороны юридических лиц и создано Главное управление по предупреждению коррупции.

В 1995 г. Национальное собрание приняло еще три закона: 19 января Закон № 95–65 о финансировании политической жизни и два органических закона. Первый (№ 95–62) также от 19 января внес изменения в различные положения о выборах президента и депутатов парламента, второй, № 95–72 от 20 января, регулировал выборы президента Франции. По этим законам запрещалось финансирование предвыборных кампаний и политических партий со стороны частных предприятий, предоставлялись налоговые льготы частным лицам, финансирующим политическую жизнь; государственное финансирование распространялось на все выборы, расходы на проведение которых были законодательно ограничены, и еще больше снижался потолок расходов по проведению президентских, парламентских, европейских и честных выборов.

Согласно всем этим законам, государство финансирует как избирательные кампании, так и политические партии. Подлежит возмещению до 50% установленного законом максимума расходов на избирательные кампании: в 1990 и 1991 гг. на эти цели были выделены в целом 265 млн. фр., в 1992 – 280, в 1993 – 580, в 1994 и 1995 гг. – 526 млн. фр.¹. В 1997 г. каждая партия получала по 11,31 фр. за каждый поданный за нее голос на парламентских выборах, и эта ставка сохранялась до конца легислатуры. Государственные средства составляют важную часть

---

¹ По закону № 93–1352 от 30 декабря 1993 г., «теоретическая сумма» выплат в 580 млн. фр. была сокращена на 10% для партий и движений, представленных в парламенте, и на 5% для не имевших своего представительства в этом органе.

бюджета политических партий. Например, в 1995 г. они были равны 62% всех поступлений объединения в поддержку республики (RPR) и 45% — Социалистической партии.

В 1999 г. государство выплатило политическим партиям 526 млн. фр.; эта сумма, согласно закону № 90—55 от 15 января 1990 г., подразделялась на две равные части: первая выплачивается политическим партиям и объединениям в соответствии с их участием на выборах в Национальное собрание, а вторая предназначается для финансирования партий и движений, представленных в парламенте. На первую часть могут претендовать только те политические образования, которые выставили своих кандидатов в не менее чем 50 избирательных округах¹, и средства распределяются пропорционально количеству голосов, полученных в первом туре (около 11 фр. за голос). В 1999 г. этой формой государственной поддержки воспользовались 25 партий в самой Франции и 29 партий в ее заморских департаментах. Однако в 2000 г. французские законодатели решительно озаботились равенством мужчин и женщин, и 6 мая 2000 г. приняли закон, согласно которому, если количество мужчин и женщин кандидатов какой-либо партии различается более чем на 2%, то государственная помощь сокращается на половину этого различия: если какая-либо партия, например, выдвигает 60% кандидатов и 40% кандидаток, т.е. если разрыв между ними составит 20%, то государственная дотация этой партии сокращается на 10%; если соотношение окажется обратным, то, естественно, она на 10% увеличится. Как ожидается, количество женщин-депутатов может увеличиться до 20—25% депутатского корпуса, но не более. Скорее всего, партии выставят кандидатов-женщин в тех округах, в которых у них наименьшие шансы завоевать депутатские мандаты.

Вторая доля государственных средств (закон № 93—122 от 29 января 1993 г.) предназначается только тем партиям, которые, будучи представлены в 50 избирательных округах, сумели провести своих представителей в парламент, и ее объем зависит от количества депутатов и сенаторов, заявивших о своей принадлежности к той или иной, но только одной партии (примерно 300 тыс. фр. за избранника). В 1999 г. деньги из этой доли получили только 11 партий в самой Франции и девять — в ее

---

¹ Это положение привело к увеличению конкурса среди кандидатов: если в 1989 г. на парламентских выборах было пять кандидатов на одно депутатское место, в 1993 г. — девять и в 1997 г. — 11 претендентов.

заморских департаментах. Размеры государственной помощи каждой партии или объединению публикуются в окладе, прилагаемом к проекту закона о государственном бюджете текущего года.

Для политических образований государственная финансовая помощь имеет очень большое значение: в 1999 г. она составила 51% всех их декларированных доходов, тогда как взносы их членов и парламентариев – 22%; столько же приходилось на «прочие доходы» и лишь 6% – на пожертвования физических лиц, т.е. французы не очень щедры к своим политикам.

Таблица 1
(1999 г., в млн. евро)

	Общие финансовые средства партии, включая государственные дотации	Государственные дотации политическим партиям
Французская социалистическая партия	45,2	24,2
Объединение в поддержку Республики	25,3	17,2
Союз за французскую демократию	13	7,3
Национальный фронт	10,7	6,3
Французская коммунистическая партия	16,8	6,2
Либеральная демократия	6,5	5,4
Зеленые	3,6	1,8

Выборы в Европейский парламент происходят по пропорциональной системе и по спискам, объединяющим представителей различных политических сил: в 1979 г. этих списков было 11, а в 1999 и 2000 гг. – уже по 20 кандидатов, но только пять из них представляли партии или движения, имеющие своих депутатов в Национальном собрании. Предельный уровень расходов для каждого списка (1999) равнялся 58,8 млн. фр., пожертвования (только со стороны физических лиц) не могли превышать 11,76 млн. фр., остальные средства должны были внести сами

члены списка. Государство возмещало половину расходов, т.е. максимум 29,9 млн. фр., но только тем спискам, которые получили свыше 5% голосов либо провели хотя бы одного депутата в Европарламент¹. Ситуация выглядит заманчивой для малоизвестных стране — не говоря уже о Европе — формирований или второразрядных политиков, которые получают возможность заявить о себе на национальном и европейском уровнях без особых на то материальных затрат, а в случае успеха в значительной мере возместить и эти затраты. Кроме того, эти неустойчивые карликовые партии (типа Партии естественного права, «Объединения за четырехдневную рабочую неделю», «За немедленное сокращение налогов» и т.д.) получают право на бесплатные двух- трехминутные пропагандистские выступления во время избирательной кампании в Европарламент, но они и этим очень довольны. (Хотя парламентские партии имеют право на 30-минутные аналогичные передачи.)

Во Франции, наряду с «коллективной» государственной финансовой поддержкой, т.е. государственным финансированием политических партий, существует и система «индивидуальной» государственной помощи кандидатам на выборах, которая оказывается независимо от того, представляют ли они какие-либо политические группировки или нет. Обе эти системы существуют параллельно, дополняют друг друга и базируются на одних и тех же законах.

Начало «индивидуальной» государственной помощи было достаточно осторожным: государство обеспечивало рассылку и распространение всех документов предвыборной агитации кандидатов; затем оно стало возмещать кандидатам, получившим как минимум 5% голосов (что удавалось отнюдь не всем), стоимость бумаги, печатания бюллетеней для голосования, афиш и расходов на их вывешивание, предвыборных документов с изложением политических взглядов кандидата. С 1988 г. государство обязалось возмещать пятую часть от верхнего предела предвыборных расходов кандидатов (разумеется, получивших минимум 5% голосов в первом туре)². Однако, стремясь предотвратить превращение государственных средств в источник личного обогащения, французские

---

¹ Франция имеет в Европарламенте 87 депутатских мест.

² Вначале этот предел равнялся 500 тыс. фр., затем, в избирательных округах с населением менее 80 тыс. человек, он был снижен до 400 тыс. фр. Закон № 93–122 от 29 января 1993 г. установил верхний предел избирательных расходов 250 тыс. фр. на одного кандидата плюс один франк на каждого жителя избирательного округа.

законодатели тут же оговаривали, что государственная помощь не должна превышать общую сумму расходов кандидата, представленную в его финансовом отчете. При этом на государственное возмещение не могли претендовать кандидаты, не представившие финансовый отчет вовремя и в соответствующей форме.

Закон № 95–65 от 19 января 1995 г., запретивший любые пожертвования кандидатам от юридических лиц (кроме политических партий и формирований), предоставил им право на возмещение уже 50% предвыборных расходов, но не более всех собственных затрат кандидатов. Разумеется, при условии, что они соблюдали все ограничения. Так как подавляющая часть кандидатского корпуса строго следовала всем предписаниям, то расходы государства по персональной помощи составляли в 90-е годы примерно 150 млн. фр. на каждую предвыборную кампанию.

Помимо прямого финансирования со стороны государства во Франции существует и форма косвенной поддержки политических партий, формирований и кандидатов, каковой является снижение налогообложения доходов физических лиц, делающих пожертвования партиям и кандидатам в периоды предвыборных кампаний. Это снижение равняется половине суммы пожертвования, если оно составляет до 6% облагаемого налогом дохода налогоплательщика и не превышает 30 тыс. фр. для кандидатов и 50 тыс. фр. для политических партий. В 1999 г. общая сумма пожертвований физических лиц политическим партиям равнялась 58 млн. фр.; для бюджета Франции снижение налогов на пожертвования партиям и кандидатам составляет в целом потерю около 40 млн. фр. в год.

Существуют и такие формы поддержки, как помощь политических партий и образований кандидатам на выборах в денежной и неденежной (в виде разного рода товаров и услуг) форме, разнообразная помощь со стороны местных органов власти (предоставление помещений, активистов, обучение; групп поддержки и т.д.).

Французское законодательство по политическому финансированию является в настоящее время одним из самых полных, сложных и всеобъемлющих в Европе: оно ориентировано не только на регулирование выборов и деятельности политических партий и формирований, но и на борьбу с коррупцией путем достижения большей прозрачности средств и методов их финансирования. Оно охватывает самый широкий спектр видов политической деятельности, прямо или косвенно связанных с

деньгами: составление списков, выдвижение кандидатур, проведение избирательных кампаний, голосование. Помимо предоставления средств французское законодательство предусматривает и санкции за различные нарушения — от отказа возмещать расходы и денежных штрафов до снятия с выборов, лишения депутатского мандата, активного и пассивного избирательного права от одного до пяти лет и тюремного заключения до одного года.

Но даже эта система регулирования допускает значительные просчеты. Например, одним из важных ограничений для кандидатов является установление предельного уровня предвыборных расходов. Однако это правило служит серьезным ограничением для кандидатов, обладающих значительными финансовыми средствами, тогда как кандидаты, не имеющие шансов получить 5% голосов, вообще не обращают на него внимания и затрачивают на свои кампании минимальные средства. А вот кандидаты, обычно получающие от 5 до 15% голосов, не желают — или не могут — проводить дорогостоящие кампании, их главная цель — получить гарантированную государством половину предельного уровня расходов. Поэтому они всячески завышают свои затраты, включая в свои отчеты расходы, зачастую не имеющие прямого — и даже косвенного — отношения к предвыборной кампании. Тем самым некоторые кандидаты умудряются не только вести свои предвыборные кампании даром, но даже и обогатиться.

Хотя, как считается, французское законодательство обеспечивает очень жесткий и эффективный контроль над финансовыми источниками кандидатов на выборные должности всех уровней, наиболее тщательным оказывается контроль со стороны конкурентов, когда прибегают к любым видам отслеживания поступлений и расходов, использованию административного ресурса, засылки «казачков» в штабы противников, получению любыми способами информации о действительных тиражах листовок, маек, авторучек и т.д. с эмблемами, их реальной стоимости; скрупулезно собираются и анализируются сообщения центральных и местных СМИ. И вся собранная информация немедленно используется против конкурентов как в открытой полемике, так и в виде соответствующей корреспонденции в государственные контролирующие органы и судебные инстанции.

Список литературы

1. Code electorate. – P., 2001. – 677 p.
2. Medard J.–F. Finanziamento della politica e cormzione: il caso francese. – In.: Finanzia-mento della politica e corruzione. – Milano, 2000. – P. 165–198.
3. Borello R. La Francia ed i rapporti tra politica et denaro: a la recherche de la vertue perdue. – In.: Finanziamento della politica e corruzione. – Milano, 2000. – P. 239–262.
4. Meny Y. La corruption dans la vie publique // Problemes politique et sociaux. – P., 1997, 24 javvier, N 779. – P. 56–67.
5. Touvtr L. L'identification des depenses de campagne // Revue francaise de droit administra-tive. – P., 2001, 17 anee, N 3, mai-juin. – P.619–628.
6. Les parties politiques francais // Notes et etudes documentaries. – P., 2001, N 5131, avril. – 175 p.
7. Frowein J.A., Bank R. Financing of political parties in comparative perspective // Zeitschrift fur auslandiches und öffentliches Recht und Volkerrecht. – Stuttgart, 2001. – N 61/1. – S. 29–60.

КАМБИ Ж.-П.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СОВЕТ И ПЯТЬСОТ
ПОДПИСЕЙ: ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ЗА КАНДИДАТОВ
НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ***

(Реферат)

Camby J.-P.

**Le Conseil et les cinq cents: les “parrinages” des candidats à
l’élection présidentielle // Rev. du droit public et de la science
politique en France et à l’étranger. — P., 2002. — N 3. —
P. 595–617.**

Статья профессора Ж.-П. Камби, работающего в качестве приглашенного преподавателя (*professeur associé*) в Университете Париж I Пантеон–Сорбонна, посвящена изучению института поручительства при выдвижении кандидата на пост Президента Французской республики. Выдвижение на высший государственный пост во Франции, замечает автор, в значительной мере зависит от решений Административного трибунала Парижа, поскольку именно он рассматривает жалобы в первой инстанции на процедуру поручительства за кандидата. Для выдвижения кандидата на пост Президента требуется заручиться поддержкой 500 лиц, чьи должности точно установлены в ст.3 Закона «О выборах Президента республики всеобщим голосованием» (№ 62–1292 от 6 ноября 1962 г.). Органическим законом от 5 февраля 2001 г. введены некоторые новые должности, получившие право выдвижения кандидата. Согласно Закону, не позднее чем за 15 дней до первого тура выборов Президента Республики Правительство публикует список кандидатов.

---

* Реферат опубликован в «Реферативном журнале ИНИОН РАН», № за 2003 г.

Список предварительно составляется Конституционным советом из кандидатур, представленных ему не позднее чем за 18 дней до первого тура выборов не менее чем 500 гражданами – членами Парламента, региональных советов, Собрания Корсики, генеральных советов департаментов, территориальных коллективов Майотт и Сен-Пьер и Микелон, Совета Парижа, Собрания Французской Полинезии, конгрессов и собраний провинции Новая Каледония, Территориального собрания островов Валлис и Футюна, мэров, делегированных ассоциированными коммуна-ми, мэров округов Лиона и Марселя или членов, избранных в Высший совет французов, проживающих за границей. Председатели коллегиальных органов городских сообществ, сообществ агломераций или сообществ коммун и французские граждане – члены Европейского парламента, избранные во Франции, в равной мере представляют кандидата на президентских выборах. Кандидатура не включается в список, если среди подписавших заявление о выдвижении нет выборных членов, по меньшей мере из 30 департаментов или заморских территорий, причем не более десятой части их представляют один и тот же департамент или одну и ту же заморскую территорию.

Указанная норма расширяет круг лиц, имеющих право поручаться за кандидата на президентский пост. В частности, численность поручителей увеличена за счет членов Европейского парламента, председателей сообществ различных местных территориальных единиц и некоторых территорий (Французская Полинезия, территориальные коллективы Майотт и островов Валлис и Футюна и др.). В результате 2500 новых лиц, обладающих выборным мандатом, получили возможность стать поручителями, и общее число таких потенциальных лиц достигло более 40 тыс., точнее 46 793, согласно сведениям МВД Франции) (с.601).

Число 500 поручителей за каждого кандидата всегда было во Франции предметом обсуждений и споров. Такая система выдвижения распространяется только на президентские выборы. На любых других выборах к кандидату предъявляются стандартные требования (возраст, гражданство, соблюдение правил избираемости, иногда требования к домицилию), ни на одних из выборов нет обязательного условия – быть представленным другими лицами, получившими свой мандат на выборах. Названное правило не является единственным отличием выдвижения кандидата в Президенты. Согласно органическому закону от 11 марта 1988 г., в Конституционный совет должна быть представлена также декларация об имущественном положении таких кандидатов. Эта деклара-

ция публикуется в «Journal officiel» и в сборнике решений Конституционного совета. Новая декларация должна быть направлена в этот орган перед окончанием срока мандата. Автор считает, что такая декларация может рассматриваться как посягательство на личную жизнь, предусмотренное ст. 9 французского Гражданского кодекса и ст. 2 Европейской конвенции о правах человека 1950 г. (с. 597). Однако судебная практика исходит из того, что опубликование некоторых сведений об имущественном положении кандидатов на президентский пост не является посягательством на частную жизнь.

Поручительство за кандидатов существовало и до 1962 г., когда Президент Республики стал избираться путем прямых выборов, точнее — начиная с 1958 г. при выборах этого должностного лица коллегией выборщиков. Однако тогда требовалось всего 50 подписей. В 1962 г. число поручителей было увеличено до 100.

Формуляры о поручительстве отсылаются в Конституционный совет Министерством внутренних дел. Государственный совет, как высший орган административной юстиции, имеет, таким образом, право рассматривать правила, касающиеся отсылки названных формуляров. В частности, этот орган указал, что формуляры должны быть «индивидуальными» и исходить от соответствующих выборных лиц (с. 602); каждое лицо, обладающее правом поручительства при выдвижении, должно получать только один бланк формуляра, даже если о поручительстве у одного и того же лица просят несколько кандидатов, желающих быть выдвинутыми на президентских выборах.

Статья 3 Декрета от 8 марта 2001 г. установила, что выдвижение кандидатов может быть произведено только за 15 дней после опубликования соответствующего декрета о выборах. Другими словами, для предоставления документов о поручительстве («для размышления», как пишет автор) остается только 14 дней. Названный декрет упростил процедуру рассмотрения формуляров, поступающих в Конституционный совет, упразднив требование проверки правильности подписи поручителями, проводимую до этого соответствующим выборным органом территориального коллектива, к которому принадлежал поручитель. Подпись поручителя заверялась бюро или советом выборного органа. Эта процедура была «тяжелой» и малоэффективной (с. 604). Конституционный совет для проверки правильности подписей «мобилизует» шесть помощников докладчиков Совета. Участие соответствующего выборного органа в регистрации представления теперь ограничивается только приложе-

нием печати мэрии (ст. 4 Декрета от 8 марта 2001 г.). Практике известны случаи, когда одно и то же лицо, обладающее правом поручительства, предоставляло по несколько поручений за разных кандидатов. Конституционный совет признавал недействительными вторые и последующие представления.

Согласно ст. 3 Закона от 6 ноября 1962 г. в «Journal official» – официальном органе Французской Республики, – публикуются фамилии только 500 подписантов; если действительных формуляров поступает больше, все равно публикуется лишь 500 фамилий, которые выбираются путем жеребьевки. Публикация фамилий говорит только о законности выдвижения кандидата и ни о чем больше. Хотя, конечно, опубликование вызывает интерес у публики, и в течение 3–4 дней холл Конституционного совета бывает заполнен гражданами, желающими знать фамилии всех подписантов, а не только тех, чьи фамилии были опубликованы (с. 605). По мнению автора, это указывает на необходимость большей гласности (с. 605). В то же время ограниченное опубликование фамилий нивелирует неравенство в поручительстве за выдвигаемых кандидатов. В статье приводится таблица, в которой указано число поручительств за различных кандидатов, участвовавших на последних президентских выборах 2002 г. Так, у Ле Пэна было 533 поручителя, у Байру (Bayrou) – 1066, у Безансело – 543, у Ширака – 2737, у Жоспена – 3708, у Ю – 958, у Сен-Жоссе – 826 и т.д. В то же время у семи кандидатов было только по одному поручителю, а у трех других – от двух до восьми (с. 606). Поручителями по общему правилу являются мэры, их было на выборах 2002 г. около 13 тыс. Не обнаруживается связи между политической принадлежностью кандидата в Президенты и партийностью поручителей. Автор приводит случаи, когда за кандидатов в Президенты поручались представители оппозиционной партии (например, за Сен-Жоссе поручились более 30 мэров-социалистов).

Лицо, желающее выдвинуть свою кандидатуру на пост Президента Франции, не является кандидатом, пока не будет официально опубликован список таковых Конституционным советом; до тех пор они «предкандидаты» («pre-candidat»). Согласно ст. 8 Декрета от 8 марта 2001 г., которая заменила ранее действующие положения декрета от 14 марта 1964 г., любое лицо может представить возражения в отношении списка кандидатов, участвующих в первом туре президентских выборов, объявить какого-либо выдвинутого кандидата неизбираемым

лицом. В течение очень короткого срока в 14 дней Конституционный совет должен рассмотреть эти жалобы. Такие решения выносились неоднократно (с. 608).

Автор считает, что «порог» в 500 подписей для выдвижения кандидатов на президентский пост является слишком строгим, а опубликование фамилий только 500 подписантов — «устрашающим», поскольку жеребьевка этих лиц не показывает истинной поддержки, имеющейся у того или иного кандидата.

В качестве приложения к статье опубликовано решение Административного трибунала Парижа по жалобе одного из кандидатов на выборах Президента 2002 г. Ле Пэна в отношении представленных формуляров по включению в список Ж.Ширака, решение Государственного совета как высшего административного суда по этому же спору, а также решение Конституционного совета по поводу опубликованного списка кандидатов на президентских выборах 2002 г. и решения Конституционного совета о результатах выборов в первом и втором турах (с. 610—617).

В.В.Маклаков

Н.Б.ЯРГОМСКАЯ, А.В.ЛИХТЕНШТЕЙН*

ЗАКОН ДЮВЕРЖЕ И СИСТЕМА ОТНОСИТЕЛЬНОГО БОЛЬШИНСТВА НА ДУМСКИХ ВЫБОРАХ

Большинство исследователей приписывают избирательной системе ключевую роль в определении формата партийной системы, главной характеристикой которого является число политических партий... Однако опыт применения различного дизайна избирательных систем в новых демократиях выявил ограничения существующих объяснительных концепций, их чрезмерный нормативный уклон и слабые возможности прогнозирования последствий введения той или иной избирательной формулы для развития партийной системы. Российский случай оказался... одним из ярких примеров того, как эмпирические данные могут противоречить «классическим» моделям объяснения эффектов избирательных систем.

Выборы в Государственную Думу в России трижды проводились по смешанной избирательной системе, которая была принята в 1993 г. Как отмечают ряд исследователей, эффекты новой электоральной формулы оказались далеки от теоретических ожиданий. Система пропорционального представительства, которую Сартори причислял к системам со слабыми ограничивающими эффектами, ...в соответствии с общепринятым мнением должна была способствовать повышению партийной фрагментации. На думских выборах, однако, она показала крайне дис-

---

* *Н.Б.Яргомская и А.В.Лихтенштейн* – кандидаты политических наук, ассоциированные сотрудницы Европейского университета в Санкт-Петербурге. Мы печатаем сокращенный текст статьи, опубликованный в сборнике научных трудов ИНИОН РАН «Политическая наука» (2003 г., №1).

пропорциональные результаты и привела к снижению числа партий. В то же время, применение системы относительного большинства, которая традиционно считается воспроизводящей сильные ограничивающие эффекты (иначе говоря, способствующей снижению партийной фрагментации), не привело ни к складыванию биполярного формата партийного соревнования, ни к значимому сокращению партийной фрагментации. Этого не произошло как на общенациональном уровне, так и на уровне одномандатных округов. Подобное «опровержение» теоретических ожиданий объясняет растущий интерес исследователей к изучению российской смешанной избирательной системы...

Опыт применения смешанной избирательной системы в России

На парламентских выборах 1995 г. чрезмерная партийная фрагментация и высокий заградительный барьер пропорциональной части избирательной системы стали причиной того, что распределение депутатских мандатов в парламенте не совпало с распределением голосов избирателей. Партии, получившие наибольший процент на выборах, оказались в более выгодном положении в Думе, т.к. доля парламентских мандатов, которую они получили, значительно превысила долю полученных ими голосов избирателей. Напротив, малые партии, не преодолевшие заградительный барьер, оказались лишены парламентского представительства, несмотря на то, что за них в целом проголосовал достаточно большой процент избирателей. Такая «диспропорциональность» электоральной формулы обусловила сильные стимулы к снижению фрагментации на следующих выборах. Результатом этого стало как сокращение количества выдвинутых списков, так и снижение доли голосов, отданных за партии, не имеющие шансов преодолеть 15%-ный барьер по этой части избирательной системы (см. *табл. 1*).

Сдерживающий эффект формулы относительного большинства оказался менее сильным. Фрагментация в этой части избирательной системы на выборах в 1999 г. хотя и снизилась по сравнению с предыдущими выборами (см. *табл. 2*), но вместе с тем превысила средний показатель фрагментации партийных списков по пропорциональной части на уровне отдельных одномандатных округов.

Таблица 1

**Динамика партийной фрагментации по пропорциональной части
избирательной системы (данные 1995 и 1999 гг.)**

	1995	1999
Количество выдвинутых партийных списков	43	26
Количество партий, преодолевших 5%-ный барьер	4	6
Эффективное число партий	13,8	6,8
Доля голосов, отданных за партии, не преодолевшие 5%-ный барьер	44,47	13,38

*Эффективное число партий (ЭЧП) рассчитывается по формуле $ЭЧП=1/\sum(p_i^{-2})$, где p_i – доля голосов, поданных за каждую партию (в процентах). См. Laasko M., Taagepera R. «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies, 1979, vol.12, N1, P.3–27.

Таблица 2

**Динамика фрагментации в одномандатных округах
(данные 1995 и 1999 гг.)**

	1995	1999
Среднее число выдвинутых кандидатов в одномандатных округах	12,11	9,89
Среднее эффективное число кандидатов в одномандатных округах	7,59	5,92
Среднее эффективное число партий в каждом одномандатном округе	8,8	5,41
Средний процент голосов, поданных за победителя в одномандатном округе	28,74	33,57

*Рассчитано для каждого округа по той же формуле, что и эффективное число партий.

В одномандатных округах независимые кандидаты на выборах 1999 г., как и в 1995 г., остались весьма важными участниками электорального процесса, причем порой они были более успешными, чем кандидаты, выдвинутые от политических партий (см. *табл. 3*).

Таблица 3

**Участие независимых кандидатов в выборах в одномандатных округах
(данные 1995 и 1999 гг.)**

	1995	1999
Доля независимых кандидатов, участвовавших в выборах (%)	40,18	51,32
Количество независимых кандидатов-победителей	76	105
Средний процент голосов, поданных за независимых кандидатов-победителей	27,73	34,65
Средний процент голосов, поданных за партийных кандидатов-победителей	29,23	32,62

Приведенные выше данные находятся в явном противоречии с теоретически ожидаемым эффектом воздействия смешанной избирательной системы на партийную фрагментацию. Свидетельствует ли это об «уникальности» российского случая, и, соответственно, бесполезности объяснительных концепций, разработанных на материале стабильных демократий? Думаем, что нет. Выявленный парадокс побудил нас при анализе эффектов избирательной системы обратить внимание на влияние стратегического поведения акторов (действие «психологического эффекта» Дюверже). Обычно его воздействие на уровень партийной фрагментации определяется исследователями как «косвенное» (*indirect impact*) и в большинстве случаев рассматривается как остаточная категория...

Включение в поле исследования электоральных стратегий участников выборов (политических партий, кандидатов и избирателей) позволяет отойти от нормативных представлений об одностороннем воздействии избирательных систем на партийную систему и рассматривать взаимосвязь между ними как опосредованную действиями и стратегиями акторов. Неинституциональный подход дает возможность, в частности, переопределить само название применяемой в России смешанной «несвязанной» системы. Несмотря на то, что формально (т.е. на уровне подсчета голосов и распределения мандатов) обе части российской избирательной системы не связаны друг с другом, на уровне стратегий политических партий и избирателей между этими частями прослеживается явная связь. Ее можно установить, сопоставив друг с другом результаты выборов по каждой из частей избирательной системы. Так, например, политические партии в России систематически получают больший процент голосов по партийным спискам в тех округах, в которых выдвигают

ются кандидаты от этих партий... Кроме того, в смешанных системах была обнаружена зависимость между величиной партии и электоральным успехом по разным частям не только в России, но и в других странах, где применяется этот тип избирательных систем...

Изучение электоральных стратегий оказывается также релевантным для понимания логики действия каждой из частей избирательной системы в отдельности. В частности, это поможет найти ответ на вопрос, почему, вопреки воспроизводимому системой большинства высокому уровню диспропорциональности, эта часть избирательной системы оказалась на выборах в Государственную Думу более фрагментированной, чем пропорциональная часть. Обратимся к теориям, которые претендуют не только на объяснение логики действия системы относительного большинства, но и высказывает предположение относительно последствий... данной избирательной системы.

Закон Дюверже и его ограничения

Закон Дюверже, в соответствии с которым «система простого большинства в одномандатных округах способствует возникновению двухпартийной системы», ... и по сегодняшний день является отправной точкой при анализе эффектов системы относительного большинства... В качестве механизма, приводящего данный закон в действие, Дюверже выделил сочетание *механического*¹ и *психологического*² эффектов, которое благодаря своей объяснительной способности пользуется у исследователей не меньшей популярностью, чем сам закон Дюверже. В соответствии с моделью сочетания психологического и механического эффектов фрагментация партийной системы должна сокращаться вследствие диспропорционального характера избирательной формулы. Это происходит

---

¹ *Механическим эффектом* Дюверже назвал тенденцию к снижению числа парламентских партий по сравнению с количеством электоральных партий. Эффект заключается в занижении представительства третьей (т.е. наиболее слабой) партии, так как процент полученных ею мандатов оказывается ниже процента поданных за нее голосов. См. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000, с.286.

² *Психологический эффект* заключается в том, что из-за постоянной недопредставленности третьих партий, «избиратели быстро понимают, что их голоса будут попросту потеряны, ... отсюда естественная тенденция передавать их не самому худшему из соперников, с тем, чтобы предотвратить успех менее желательного из кандидатов» Дюверже М. Ук. соч., 2000, с.286.

потому, что избиратели в большинстве своем голосуют инструментально и заинтересованы в том, чтобы их голоса не оказались «потраченными зря». В то же время кандидаты стремятся эффективно использовать свои ресурсы и не склонны вступать в предвыборную борьбу, если их шансы на победу невелики. Из-за ограничивающего эффекта электоральной формулы, ведущего к диспропорциональному переводу голосов избирателей, полученных партией, в долю ее парламентских мандатов (механический эффект), со временем победу в округах начинают одерживать только крупные партии, так как, голосуя за них, избиратели не рискуют потерять свои голоса (психологический эффект).

Как показали дальнейшие исследования избирательных систем — и это нашло эмпирическое подтверждение на российском материале, — механический эффект присущ любой электоральной формуле, хотя сила его воздействия неодинакова для пропорциональных систем и систем большинства. Вместе с тем, система относительного большинства, используемая в одномандатных округах, считается наиболее диспропорциональной. Дает ли это достаточные основания для того, чтобы утверждать, что система относительного большинства будет *всегда* производить двухпартийность, как это происходит, например, в Великобритании, США или Новой Зеландии? Оказывается, что нет.

В своей работе Дюверже сам указывал на возможные исключения, не попадающие под действие закона, однако исчерпывающего объяснения причин их появления автор не представил... Первые попытки внести своего рода «поправки» к закону Дюверже были обусловлены существованием отклоняющегося случая Канады, ставшего впоследствии таким же «классическим», как и сам закон Дюверже. «Уникальность» канадского случая заключается в том, что, несмотря на длительное использование системы относительного большинства в одномандатных округах, на общенациональном уровне в стране сосуществуют три партии. Д.Рэ предложил объяснять особенности канадского случая спецификой географической концентрации базы поддержки третьей партии, которая позволяла ей выживать на общенациональном уровне... Впоследствии У.Райкер расширил анализ специфики географической концентрации и ввел в качестве объясняющей категории фактор федерализма: партии, которые имеют региональную базу поддержки, получают возможность участвовать в электоральном соревновании и на общенациональном уровне...

Следовательно, можно предположить, что наличие сильных региональных баз поддержки партий будет препятствовать формированию биполярного формата партийной системы. Так, если тенденция к двухпартийности сохраняется на уровне конкретного округа, то совсем не обязательно, что она будет выполняться и на национальном уровне... Логика построения аргументации сводится авторами в основном к необходимости учета социальной основы партийной конкуренции... Вероятность того, что в стране сложится двухпартийная система, будет зависеть от того, какие социальные расколы лежат в основе электорального соревнования... Если они носят локальный характер и не являются значимыми для большинства округов, то, скорее всего, это приведет к достаточно большой фрагментации партийной системы. Для других исследователей канадский случай послужил, напротив, доказательством универсальности закона Дюверже. Эти авторы при подсчете релевантных партий перешли в анализе с общенационального уровня на уровень одномандатных округов, где они и обнаружили воспроизводство двухпартийной модели соревнования, хотя в разных регионах основными соперниками были разные партии.

Таким образом, несмотря на то, что на общенациональном уровне применение системы относительного большинства демонстрирует отдельные отклоняющиеся случаи, на уровне одномандатных округов стабильные демократии демонстрируют биполярную модель электорального соревнования... Значимость региональной специфики, как переменной, влияющей на воспроизводство двухпартийности, привела к необходимости поиска объяснения механизма, который трансформирует двухпартийное соревнование на уровне отдельного округа в двухпартийное соревнование на общенациональном уровне. Закон Дюверже оставляет эту проблему за скобками... Он указывает лишь на существование двух уровней соревнования, один из которых имеет окружной характер, а другой – общенациональный, но не выявляет, какой из них имеет решающее значение для формирования двухпартийности. Случай Канады, таким образом, обнаруживает возможность несовпадения этих уровней, что и является причиной того, что закон Дюверже в данном случае «не срабатывает».

К несовпадению общенационального и окружного уровней электоральной конкуренции могут приводить не только региональные особенности партийных систем. Гэйнс, выделив общенациональный и локальный уровень соревнования, провел между ними различия, исходя из

предпочтений избирателей. Так, например, можно утверждать, что гражданам ориентируются на *общенациональный* уровень партийной конкуренции, если они при голосовании принимают во внимание будущих партнеров по правительственной коалиции или баланс политических сил в парламенте (в случае президентской системы). Напротив, если они заинтересованы в победе кандидата вне зависимости от того, будет ли его партия в правительстве обладать большинством в парламенте, голосование избирателей оказывается ориентированным *локально*... Подобным же образом рассуждала К.Бон при анализе раздельного голосования в Германии, где также используется смешанная избирательная система. Как установила автор, систематическая победа крупных партий (ХДС/ХСС и СДПГ) в одномандатных округах зависит от их потенциала при формировании правительства, что имплицитно подразумевает национально ориентированный характер голосования по этой части избирательной системы...

Таким образом, важным объяснением воздействия системы относительного большинства на уровень партийной фрагментации в той или иной стране оказываются стратегические ориентации избирателей, а точнее, соотношение общенациональной и локальной направленности голосования. Как можно видеть, ключевым моментом, определяющим институциональную логику данной электоральной формулы, является учет избирателями парламентских перспектив той партии, за которую они голосуют (как это происходит, например, в Германии). В противном случае, если при голосовании избирателей доминирует локальная составляющая, предсказать эффект системы относительного большинства становится практически невозможным.

Российские одномандатные округа: Биполярный или полицентрический формат соревнования?

В отличие от канадского, российский случай представляет еще больший научный интерес для исследования ограничений закона Дюверже. В России формула относительного большинства, являющаяся частью российской избирательной системы, как показано выше, не воспроизводит двухпартийность не только на общенациональном уровне, но

и на уровне одномандатных округов. Более того, ограничивающий эффект воздействия формулы относительного большинства на фрагментацию в одномандатных округах оказался даже слабее, чем воздействие пропорциональной части на партийную систему...

Стратегическое поведение избирателей... — ключевая категория данной работы. В исследованиях избирательных систем оно традиционно связывается с тенденцией к уменьшению числа нерелевантных кандидатов и политических аутсайдеров. В новых демократиях, в которых происходит становление политических институтов, либо в устойчивых демократиях при институциональном реформировании большую роль в появлении стратегического голосования играет снижение неопределенности... Становление новых институтов во многом зависит от того, как политические акторы воспринимают создаваемые ими ограничения и возможности. На снижение неопределенности влияет и появление новых акторов, наделенных ресурсами и способных привлечь голоса избирателей, ...прежде всего — на уровне одномандатных округов. Число этих акторов может варьироваться в зависимости от специфики электорального контекста. Согласно закону Дюверже, хотя в условиях *партийного* контекста электорального соревнования в стабильных демократиях число значимых акторов на уровне отдельного округа и может превышать два, в целом имеет место тенденция к формированию дуализма конкуренции. Этот факт нашел свое эмпирическое подтверждение в стабильных демократиях, использующих систему относительного большинства...

Однако если речь идет о *внепартийном* контексте электорального соревнования в ситуации становления институтов, то возникает вероятность появления большого числа кандидатов, обладающих ресурсами, полученными из разных, в том числе и внепартийных источников. Такими кандидатами на выборах в Государственную Думу являлись, главным образом, местные (и не только) нотабли, опиравшиеся не только и не столько на партийную поддержку, сколько на иные (финансовые, административные, персональные и пр.) ресурсы. Это нарушает существующую в стабильных демократиях с развитыми партийными системами тенденцию к дуализму: одновременно возникает несколько полюсов притяжения голосов электората. Следовательно, в данном контексте фрагментация в одномандатных округах может воспроизводиться и вопреки сильному механическому эффекту в силу отсутствия единой основы для электорального выбора. В стабильных демократиях такую основу созда-

ет межпартийная конкуренция. Но если для выбора избирателей определяющим фактором являются не партийная принадлежность кандидата, а специфические характеристики кандидата, связанные с его значимостью на локальном уровне (в округе), то влияние механического эффекта нивелируется. Следовательно, появление большого числа кандидатов, которые являются электорально привлекательными для определенной части избирателей в силу того, что они обладают специфическими значимыми для данного локального контекста ресурсами, также может служить основой для воспроизводства фрагментации.

Для того чтобы проверить, воспроизводится ли в российском контексте тенденция к снижению фрагментации, мы обратились к особенностям электорального соревнования в одномандатных округах на думских выборах 1999 г. Наше предположение состояло в том, что отсутствие тенденций к сокращению фрагментации электорального соревнования объясняется рядом факторов, которые не учитываются в рамках теоретических подходов, причем и некоторые из них являются специфическими для российских думских выборов.

Нужно отметить, что появлению двухпартийности естественным образом препятствует молодой возраст российской демократии. Сам Дюверже отмечал, что для того, чтобы в стране сложилась двухпартийная система, должно пройти достаточно продолжительное время, чтобы избиратели смогли «почувствовать» механический и психологический эффект избирательной формулы и «научиться» голосовать стратегически. Очевидно, что шести лет, в течение которых парламентские выборы в России проводились трижды (1993–1999), для этого явно недостаточно. Тем не менее, на наш взгляд, за это время вполне могли возникнуть тенденции к сокращению количества конкурирующих партий и кандидатов, что является предпосылкой дальнейшего становления двухпартийности. Поэтому именно наличие тенденции к уменьшению значимых акторов на электоральном поле одномандатных округов мы и использовали в качестве зависимой переменной анализа.

Факторы фрагментации в одномандатных округах: Гипотезы и переменные

Несмотря на то, что тенденция к сокращению эффективного числа партий — важная категория анализа электоральной политики, в исследовательской литературе было уделено незаслуженно мало внимания

изучению факторов, влияющих на воспроизводство фрагментации или препятствующих этому. Отсутствие научной и методологической «традиции» подобного рода исследований оправдывает выбор независимых переменных, который был сделан нами как на основе ранее предложенных теоретических обоснований, так и исходя из специфики российских парламентских выборов. Подчеркнем, что предложенный нами перечень факторов анализа далеко не является исчерпывающим. Дальнейшая работа в данном направлении, возможно, позволит дать и другие объяснения стратегического поведения российского избирателя.

Для аналитических целей мы распределили переменные на три группы, в зависимости от уровня их воздействия: общенациональные, региональные и локальные (уровень одномандатных округов). Выбор переменных первой группы основан на ранее сделанных теоретических предположениях о значимости влияния общенациональной ориентации избирателей на структурирование электоральных стратегий при голосовании по системе относительного большинства. Факторы регионального уровня позволяют учесть влияние регионального политического контекста на характер электорального соревнования в одномандатном округе. Наконец, переменные локального уровня ответственны за воздействие характеристик самих кандидатов на выбор избирателя. На основе регрессионного анализа мы попытались выявить, какие из этих факторов (и, в более широком контексте – какие из уровней...) более значимы для формирования биполярной модели электорального соревнования или, в исследуемом нами случае, для отсутствия тенденции к становлению такой модели.

Первым фактором общенационального уровня, который, как предполагается, должен оказывать влияние на стратегический выбор избирателя, является смешанная избирательная система. Смешанный характер избирательной системы не только создает две арены электорального соревнования, но и стимулирует избирателей к тому, чтобы разделять локальный и общенациональный уровни ориентации. Интересно, что пропорциональная часть избирательной системы по отношению к соревнованию в одномандатных округах с этой точки зрения выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет общенациональный уровень выборов по отношению к локальному в рамках системы относительного большинства. Пропорциональная система формирует у избирателей стратегические общенациональные ориентации, т.к. дает представление о возможной структуре законодательного органа в целом.

Тот факт, что доля голосов, отданных за крупные политические партии на думских выборах 1999 г., существенно возросла по сравнению выборами 1995 г., подтверждает этот тезис. В то же время одномандатные округа являются местом концентрации локальных предпочтений электората. Успех независимых кандидатов, а также достаточно большая доля голосов за кандидатов от малых партий свидетельствуют о значимости локального контекста в формировании стратегий избирателей.

В отличие от работ авторов, изучавших влияние локальных ориентаций избирателей на формат общенациональной, ...мы предположили обратную взаимосвязь. При анализе стратегического голосования на уровне округа для нас важно было выяснить, оказывает ли национальный уровень ориентаций избирателей воздействие на выбор ими кандидата в одномандатном округе. Вместе с тем, данное влияние можно выявить, если рассматривать партийный контекст электорального соревнования. Для того чтобы количественно представить влияние пропорциональной части избирательной системы на систему относительного большинства, мы выбрали две независимые переменные. Первая переменная отражает влияние общенациональных ориентаций избирателей на голосование в одномандатном округе. Интенсивность данного влияния можно проверить, используя показатель разрыва голосов (VOTEGAP), который использует в своей работе К.Бон... Он применяется для смешанных систем, в которых избирателю предоставляется два голоса. Разрыв (gap) — это разница в процентах голосов, полученных в одномандатном округе партийным списком и кандидатом этой же партии. Разрыв голосов оказывается положительным в случае, если партийный список выступает успешнее, чем партийный кандидат в округе, и, соответственно, отрицательным, если кандидат получает больше голосов, чем список его (ее) партии. Если разрыв положительный, то можно говорить о том, что партия оказывалась более значимой для избирателей, чем партийный кандидат. Если же отрицательный, то, значит, кандидат был более успешным, чем партия. С помощью этого показателя можно оценить электоральную значимость каждой из частей избирательной системы, а также эффект их «смешивания». Разрыв голосов демонстрирует наличие одновременного или раздельного голосования и за партийный список, и за партийного кандидата в округе, и масштабы этого эффекта. Правда, этот показатель позволяет оценить масштабы раздельного голосования и эффекты «смешивания» частей избирательной системы лишь примени-

тельно к партийным кандидатам. Таким образом, независимые кандидаты оказываются вне рамок заданной переменной.

Как показал проведенный анализ раздельного голосования на выборах 1999 г., ...положительный разрыв голосов был получен в основном крупными партиями. Для небольших партий разрыв в среднем был отрицательным... Однако этот вывод справедлив не для всех избирательных объединений, прошедших в Думу. Так, у «Яблока» средний показатель разрыва голосов оказался меньше нуля (хотя и незначительно). Кандидаты ОВР во многих округах также получали больше голосов, чем список самой партии. На основании этих выводов мы сделали предположение о том, что голосование за партии с узнаваемым лейблом может оказывать влияние на выбор избирателями электоральной стратегии в одномандатном округе. Голосование за кандидатов от этих партий носит стратегический характер и имеет в своей основе общенациональную ориентацию. Чтобы проверить данное утверждение, мы взяли долю кандидатов от крупных партий, выдвинутых в каждом округе, причем выбрали только тех кандидатов, для которых разрыв голосов (VOTEGAP) между процентом голосов за партию и за кандидата был положительным. Это позволило нам учесть влияние пропорциональной части избирательной системы и исключить из анализа тех независимых кандидатов, которые в силу своих внепартийных (например, финансовых или персональных) ресурсов могли воздействовать на голосование за партийные списки в тех или иных округах. Наше предположение состояло в том, что если избиратели голосуют по части относительного большинства с учетом общенационального контекста, то это будет способствовать снижению фрагментации в одномандатных округах за счет участия в электоральной конкуренции кандидатов от крупных партий. Если же голосование избирателей за кандидатов в одномандатных округах ориентировано на локальный контекст, то этот показатель окажется незначимым для сокращения фрагментации.

Следующая переменная «общенационального» уровня, включенная в анализ, касается электоральной активности малых партий в округах. В соответствии с полученными ранее результатами, ...малые партии чаще всего оказывались менее успешными в списочной части (т.е. получали меньший процент голосов), нежели выдвинутые ими кандидаты по части большинства. В большинстве случаев этот результат был обусловлен тем, что такие кандидаты обладали внепартийными финансовыми или иными ресурсами, полагаясь на которые, они и обеспечивали себе

победу. Партийный лейбл для таких нотаблей играл лишь вспомогательную роль. Активность малых партий в регионе, таким образом, могла вполне привести к уменьшению фрагментации в округе, т.к. участие в электоральном соревновании подобных сильных кандидатов естественным образом снижает неопределенность исхода выборов. Данную переменную мы операционализировали через долю кандидатов от малых партий, которые принимали участие в выборах в данном одномандатном округе (SHARE_SMALL).

Для проверки значимости факторов регионального уровня мы сконструировали переменную, демонстрирующую влияние главы исполнительной власти региона (далее – губернатора) на исход выборов в соответствующих одномандатных округах. Мы выделили губернаторов в качестве наиболее значимых акторов регионального уровня, обладающих ресурсами, и способных, следовательно, повлиять на снижение электоральной неопределенности. Некоторые авторы отмечают случаи возникновения в регионах так называемых «политических машин», ...используемых на региональных выборах для мобилизации поддержки в пользу действующего губернатора. Наше предположение состояло в том, что подобные механизмы (эффективность которых во многом зависит от политической силы и популярности губернаторов), могли быть использованы и в национальных электоральных кампаниях, причем воздействие этого фактора на уровне округа, по нашему мнению, должно сокращать фрагментацию.

Парламентские выборы 1999 г. стали свидетельством беспрецедентной активности губернаторов в партийном строительстве. Стремясь продемонстрировать свою лояльность будущему президенту, главы администраций записывались в создаваемые «партии власти», стараясь обеспечить в своем регионе победу этим партиям и выдвинутым ими кандидатам. Мы вряд ли можем с уверенностью говорить о наличии сильной взаимосвязи между региональным административным ресурсом и успехом федеральных партийных списков или кандидатов от «партий власти». Но тот факт, что в некоторых регионах «партии власти» получали более 70% голосов избирателей по пропорциональной части избирательной системы, дало нам основания к тому, чтобы учесть принадлежность губернатора к «партии власти» при конструировании переменной. В количественном выражении мы представили эту переменную через долю голосов, полученных губернатором в первом туре голосования на ближайших выборах, предшествовавших 1999 году, умноженную на бинар-

ную переменную: принадлежность губернатора к одной из «партий власти» (Единство или ОВР). Если губернатор пользовался значимой электоральной поддержкой в регионе и в ходе думской избирательной кампании лично присоединился к одной из «партий власти», то неопределенность электорального соревнования на уровне одномандатных округов, а следовательно, и фрагментация должны были снизиться. Переменная GUB_POWER сохраняет постоянное значение для округов одного региона.

Факторы локального уровня, влияющие на сокращение или воспроизводство фрагментации, мы выразили через ряд переменных. Прежде всего, это участие в выборах 1999 г. в одномандатном округе кандидата-инкумбента, победившего в этом же округе в 1995 г. В исследовательской литературе инкумбент рассматривается в качестве актора, который обладает значительными ресурсами, и, следовательно, может выступать как один из полюсов электорального соревнования, ...что также снижает неопределенность выбора избирателя. В работе эта переменная (INCUM) принимает значение 1, если в одномандатном округе баллотировался депутат, который на прошлых выборах был избран в том же округе, и 0 – если такового в округе не было. Кроме того, наличие или отсутствие значимой и/или располагающей большими ресурсами региональной фигуры в округе на федеральных выборах также способствует появлению новых полюсов притяжения голосов избирателей. По аналогии с INCUM, переменная REGADM принимает значение 1, если в одномандатном округе баллотировался кандидат—представитель региональной администрации, и 0, если таких кандидатов в округе не было.

Следующие переменные относятся к характеристикам кандидатов – победителей в одномандатных округах. Мы предположили, что как партийные, так и персональные ресурсы фаворита предвыборной гонки могут оказывать существенное влияние на структурирование электоральных предпочтений избирателей. В качестве одной из таких характеристик мы выделили принадлежность победителя к крупной партии. Был сконструирован ряд бинарных переменных для каждого победителя, которые принимают значение 1 в зависимости от того, принадлежит ли победитель к «Единству», ОВР, КПРФ, «Яблоку» и СПС¹ (соответственно, переменные W_ED, W_OVR, W_KPRF, W_YABL, W_SPS). Это по-

---

¹ «Блок Жириновского» не был включен в анализ, т.к. ни один из его кандидатов не победил в одномандатных округах.

зволило нам еще раз проверить значимость партийной составляющей для локального контекста выборов и определить, является ли принадлежность победителя к крупной партии фактором, снижающим уровень фрагментации. В качестве отдельной переменной (W_NEZ) были выделены победители – независимые кандидаты. В большинстве случаев победа независимого кандидата была обусловлена его значительными финансовыми или персональными (имидж, популярность) ресурсами. Это дает основания утверждать, что независимый фаворит также мог способствовать снижению неопределенности соревнования и уменьшению числа релевантных кандидатов в округе...

Результаты анализа

Исследование влияния рассмотренных переменных на стратегическое поведение избирателей было проведено с помощью регрессионного анализа, результаты которого представлены в *табл. 4*.

Таблица 4

Регрессионная статистика

Независимые переменные	Бета-коэффициент	Стандартная ошибка
VOTEGAP	-0,006	0,169
SHARE_SMALL	-0,135**	1,209
GUB_POWER	0,011	0,006
INCUM	-0,187**	0,336
REGADM	0,166**	0,363
W_ED	-0,164**	0,981
W_OVR	-0,242**	0,740
W_KPRF	0,080	0,683
W_YABL	-0,113	1,043
W_SPS	-0,053	1,221
W_NEZ	-0,224*	0,635

Количество наблюдений – 224

** $p < 0,05$; * $p < 0,1$

Как явствует из таблицы, из выделенных нами 11 возможных факторов значимыми оказались шесть. Данные регрессионного анализа не подтвердили предположение о наличии общенациональной ориентации голосования в одномандатных округах. Переменная VOTEGAP оказалась статистически незначимой с точки зрения снижения фрагментации при голосовании по системе относительного большинства. Голосуя за кандидата от какой-либо партии в одномандатном округе, избиратели рассматривают его не как участника будущей парламентской коалиции, а видят в нем актора локального значения, а партийная принадлежность в таком контексте выступает как вспомогательный ресурс. Следовательно, хотя партийный лейбл на уровне округа и может выступать значимым ресурсом, ограничивающим «нерациональный» разброс голосов избирателей, но национальная партийная система не рассматривается избирателями как значимый институт, способный оказывать серьезное воздействие на исход выборов в одномандатном округе.

Как можно видеть, проведенный регрессионный анализ в очередной раз продемонстрировал разнообразие организационного ландшафта партийной системы в России, а также возможности использования партиями различных видов ресурсов в электоральной борьбе в одномандатных округах. Принадлежность кандидатов—победителей к таким крупным партиям, как КПРФ, СПС и «Яблоко», оказалась незначимой для сокращения фрагментации, что также свидетельствует в пользу локальной ориентации избирателей при голосовании, а также о принципиальном различии оснований для голосования по пропорциональной системе и по системе относительного большинства. Если сила кандидатов от «Яблока» и СПС на уровне округов зависела в основном от персональных ресурсов этих кандидатов из-за слабости регионально развитых баз поддержки данных партий, то результат КПРФ оказался неожиданным. Как правило, КПРФ приводится в качестве примера партии, чье организационное развитие на региональном и местном уровне наиболее успешно (по сравнению с другими российскими партиями). Однако даже кандидатам-победителям от данной партии в одномандатных округах одного лишь партийного ресурса оказывается недостаточно для того, чтобы стать центром притяжения электората и, тем самым, значительно снизить фрагментацию в округе.

Особый случай представляют собой «партии власти» — ОВР и «Единство». Победа кандидатов от этих партий повлияла на концентрацию голосов и снижение числа релевантных кандидатов в округах. Из-

вестно, что основные ресурсы «партий власти», в отличие от КПРФ, основывались не на организационном потенциале местных отделений или идеологической привлекательности их программ, а на привлечении административных ресурсов. Поэтому в противоположность КПРФ успех кандидатов от данных партий в одномандатных округах можно объяснить не партийной принадлежностью кандидатов, а скорее использованием внепартийных (финансовых и административных) ресурсов.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что принадлежность кандидатов к партиям, преодолевшим 5%-ный барьер, таким как СПС и «Яблоко», оказалась менее значима для избирателей, чем принадлежность к малым партиям и выдвижение кандидатов как независимых. Как показал наш анализ, уровень фрагментации имел тенденцию к снижению в тех округах, в которых побеждали независимые кандидаты, а также где выдвигались кандидаты от малых партий. Это означает, что, в отличие от кандидатов от крупных партий (КПРФ, СПС, «Яблоко»), независимые кандидаты обладали ресурсами, более значимыми на уровне округов для того, чтобы притягивать голоса избирателей и тем самым снижать фрагментацию. Что касается кандидатов от малых партий, то их влияние на снижение фрагментации вполне соответствует нашим предположениям. Как на выборах 1995 г., так и в 1999 г. в одномандатных округах повторилась ситуация, когда кандидатами от этих партий зачастую выступали сами их лидеры, обладающие значительными персональными ресурсами для привлечения голосов избирателей. В 1999 г. одержать победу таким кандидатам оказалось сложнее, чем в 1995 г., тем не менее на уровне одномандатных округов многие из них по-прежнему оставались электорально привлекательными, оказываясь полюсами притяжения голосов и сокращая фрагментацию.

Другими значимыми акторами электорального соревнования, как мы и предполагали, стали представители региональной администрации. Однако, в отличие от кандидатов-победителей от «Единого» и ОВР, в локальном контексте их ресурсы и способность притягивать голоса избирателей повлекли за собой не снижение, а, напротив, увеличение фрагментации в округе. Подобный парадокс дает основания предположить, что на формирование негативных «поправок» к закону Дюверже могла повлиять конкуренция в одномандатных округах между различными нотаблями регионального уровня и сильными федеральными кандидатами.

Фактор электоральной популярности губернатора в сочетании с его принадлежностью к одной из «партий власти» — Единство или ОВР — оказался незначимым по своему воздействию на сокращение числа кандидатов, пользующихся поддержкой избирателей. Это дает основания утверждать, что, несмотря на значительные административные ресурсы, доступные губернаторам, взаимосвязь между региональной и национальной составляющими формирования стратегических предпочтений избирателей пока остается слабой.

Последней переменной, включенной в нашу регрессионную модель и оказавшейся значимой, стал фактор инкубентства. Его влияние на стратегическое голосование в одномандатных округах достаточно хорошо изучено... Как подтвердил наш анализ, инкубент является значимым актором для инструментального выбора избирателя, что обусловлено наличием финансовых, организационных и персональных ресурсов (известность в округе).

В целом регрессионный анализ позволяет сделать несколько основных выводов относительно характера голосования по системе относительного большинства на думских выборах. Во-первых, голосование по этой части смешанной избирательной системы ориентировано локально, а не общенационально. Во-вторых, политические партии не играют значимой роли в сокращении фрагментации на локальном уровне. В-третьих, внепартийный контекст электорального соревнования создает несколько полюсов притяжения электората, что препятствует воспроизводству дуализма, который наблюдается в стабильных демократиях. В-четвертых, влияние механического эффекта, который производит избирательная система, без влияния общенационального контекста (ориентация избирателей на формирование большинства в парламенте) или структурированного локального контекста (два полюса притяжения голосов избирателей на уровне округа), оказывается опосредованным различными факторами в округах, и в определенных случаях нивелируется.

Фрагментацию на уровне одномандатных округов снижают региональные и локальные ресурсы, используемые «партиями власти», а не механический эффект избирательной системы как таковой. Помимо кандидатов, использующих локальные ресурсы «партий власти», значимыми в снижении фрагментации оказываются местные нотабли, которые выступают как независимые кандидаты или как кандидаты от малых партий. Данные выводы подтверждают значимость уровня институционализации партийной системы для воспроизводства эффектов диспро-

порциональности системы большинства. Вне партийного контекста и в ситуации ослабления его значимости в силу смешанного характера избирательной системы закон Дюверже перестает работать, а стратегии избирателей выстраиваются, исходя из особенностей электоральной ситуации на уровне каждого конкретного округа. Те акторы, ресурсы которых оказываются наиболее значимыми на локальном уровне, способны сплотить вокруг себя электорат и таким образом снизить фрагментацию. Однако выяснение характера используемых ими при этом ресурсов, а также характеристики релевантных акторов на локальном уровне требуют, на наш взгляд, дальнейшего исследования.

II. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Т. ПОГУНТКЕ

ПАРТИИ БЕЗ УСТОЙЧИВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОПОРЫ? ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ (Реферат) Poguntke T.

**Parties without firm social roots? Party organizational linkage/
Keele European Parties Research Unit (KEPRU). –
Keele, 19. – (Working paper № 13).**

Работа известного современного политолога – специалиста в области политических партий Томаса Погунтке выполнена в рамках проекта Кильского университета по исследованию европейских партий и посвящена изменению политических связей между партиями и гражданским обществом в современной Европе. Автор рассматривает основные тенденции во взаимоотношениях партий и общества в условиях постиндустриальной и информационной модернизации европейской политической системы, приведшей к эволюции роли и места политических партий, а следовательно, и структуры политических связей.

Изменение роли европейских политических партий в рамках системы взаимоотношений «общество – партии – государство» во многом стало результатом новых явлений в жизни партий, тактика которых стала нацеленной, главным образом, на получение мест в правительстве. Это стало рассматриваться ими в качестве доминирующей установки в политической деятельности. Данное обстоятельство привело к возникновению совершенно нового типа партий, получивших название «кар-

тельных». В развитых демократиях они играют двойную роль. С одной стороны, они являются добровольными общественными организациями, с другой — проводниками государственной политики, выступая при этом частью государственного механизма. Учитывая данную специфику современных партий, автор ставит перед собой цель раскрыть особенности взаимосвязи между ними и их «социальной опорой», определив, насколько социальные корни являются значимыми для этих организаций.

Автор рассматривает политическую взаимосвязь как ключевую в обеспечении демократического управления, гарантирующую участие граждан в осуществлении государственной политики. При этом он опирается на определения, данные Латбегом и Кеем. Согласно первому, политическая взаимосвязь — это любые средства, которые применяет политический лидер в соответствии с желаниями, нуждами и требованиями общества при осуществлении публичной политики. Что же касается Кея, то он понимал политическую взаимосвязь как связь между массовым мнением и публичным решением. Автор подчеркивает, что политическая взаимосвязь — это не просто коммуникация, но и согласование решений элиты с предпочтениями граждан, что необходимо для партий, желающих добиться успеха на выборах и получить места в правительстве. Даже оппозиционные партии, которые не ставят перед собой цель участвовать в правительстве, обеспечивают взаимосвязь. Оказывая давление на конкурирующие партии, они вынуждают их регулировать свою политику, чтобы не допустить усиления политических оппонентов.

При рассмотрении политической взаимосвязи автор концентрирует внимание на ее организационном аспекте, так как успех взаимосвязи во многом зависит от эффективного построения партийных организаций. Обеспечивая открытую для обеих сторон связь между управляющими и управляемыми, партии могут добиться поддержки на выборах. Для достижения этой цели они могут использовать две стратегии, базирующиеся на механизме обмена голосов на политические курсы или политические обещания: непосредственная коммуникация с избирателями и опосредованная различными организационными посредниками. В зависимости от применения той или иной стратегии автор подразделяет политическую взаимосвязь на два типа: прямую и организационную. В первом случае взаимодействие реализуется через СМИ, нередко с использованием методов политического маркетинга. Основу прямой взаимосвязи составляет индивидуализированный обмен: политики стремятся узнать распределение индивидуальных предпочтений, а в обмен получить поддержку на

выборах, которая может поддерживаться посредством социально-психологической идентификации с партией.

Что касается организационной взаимосвязи, то она базируется на обмене между партийными элитами и элитами организаций, способными мобилизовать поддержку или, наоборот, отказаться от поддержки политической партии. Таким образом, эта взаимосвязь позволяет партийным элитам получить более ясное представление о состоянии соответствующих групп их электората, чем прямая. Если достигается согласие между партийной элитой и руководителями общественных организаций, то последние организационно мобилизуют электорат в поддержку партии. Пока организационная интеграция высока, члены организации могут отдать свой голос согласно рекомендации своих лидеров: они лояльны, прежде всего, своей организации. Таким образом, организационная взаимосвязь расширяет организационную «досягаемость» для партийных элит того пространства, которое находится за границей их собственной организации. При этом такое взаимодействие облегчает двустороннюю коммуникацию между партийными элитами и группами избирателей, установленную через организационные каналы и основанную на обмене электоральной мобилизации на политическую отзывчивость.

Помимо выделения прямой и организационной взаимосвязи автор различает также формальную и неформальную взаимосвязи.

Неформальные взаимосвязи между политической партией и заинтересованной организацией основываются на реакции на давление, которое осуществляется во время переговоров между элитами. Они имеют возможность мобилизовать своих членов против политики партии, например, отговорить их от голосования на выборах за соответствующую партию. Поэтому очевидно, что и партия, и сопутствующая организация должны принадлежать к одному и тому же политическому лагерю.

Формальные взаимосвязи между организациями могут также в некоторых случаях предполагать реакцию на давление, но, прежде всего, они основываются на принципе проникновения. В большинстве случаев это означает, что организационные элиты гарантируют постоянный доступ к органам принятия решений в партии (или наоборот). В относительно немногих случаях такие связи базируются на пропорциональном представительстве членов на партийных собраниях. Такие права доступа и участия обычно прописываются в уставе партии.

Формальная взаимосвязь более длительна, устойчива и эффективна, чем неформальная. Вместе с тем эффективность взаимосвязи

зависит не только от степени формальности контактов, но и от природы организационного окружения партии.

Автор предлагает классификацию типов организационного окружения, с которым партии стремятся установить устойчивые отношения, руководствуясь определенными целями. В качестве организационного окружения могут выступать как государственные институты, так и организации гражданского общества.

Среди последних выделяются новые общественные движения, сопутствующие организации и организации членов партии. Налаживание политической взаимосвязи между партией и новыми социальными движениями достаточно затруднительно в силу особенностей последних: недостатка формальной организации, организационной аморфности и отсутствия внутренней иерархии и стабильной управленческой элиты. Что же касается относительно формализованных движений, таких как Гринпис или Международная Амнистия, то для них характерно стремление к сохранению беспартийного положения, что также затрудняет их взаимосвязь с партиями.

По сравнению с новыми общественными движениями сопутствующие организации имеют свои преимущества. Под сопутствующими организациями автор понимает посреднические организации, которые формально или неформально взаимодействуют с политическими партиями и, таким образом, соединяют партийные элиты с целевым электоратом. Сопутствующие организации отбирают, артикулируют и агрегируют интересы своих членов и, соответственно, пытаются влиять на политику партии. Целевыми аудиториями сопутствующих организаций, как правило, являются определенные социальные группы, представляющие четко выраженные интересы. Это позволяет привлекать людей, не желающих вступать в политические партии, но симпатизирующие им (например, радикальные молодежные организации, критикующие партию за умеренность, но одобряющие ее деятельность в целом, или католики — члены религиозных организаций, не желающие вступать в партию непосредственно). Сопутствующие организации могут создаваться непосредственно партией, а могут и возникать независимо от партий. Некоторые подобные организации полностью независимы от партий, но в то же время многие значительно привязаны к партии через частично или полностью накладывающееся членство и взаимные права в определении кампаний. Последние входят в партийные организации и требуют, чтобы все члены вступили в партию, они, однако, способны к привлечению членов, которые

не были бы готовы вступать в партию. Такая унитарная структура типична для социал-демократических партий, в то время как у представителей других идеологических «семей» существует только частичное «наложение» членов партий и аффилированных организаций. Партии часто объединяют обе организационные модели или ослабляют требования членства. Таким образом, связь через корпоративное членство существенно отличается от связи между партией и посреднической организацией и предполагает коллективное членство.

И, наконец, последний тип организационного окружения партии — организация членов партии. Данный тип является достаточно эффективным типом взаимосвязи. Члены партии более внимательны к политическим действиям партии и, следовательно, более информированы о ее политике. Кроме того, члены партии — важные «датчики» общественных настроений, обеспечивающие обратную связь, что немаловажно для партий. Чтобы гарантировать мобилизацию и поддержку рядовых членов, национальная партийная элита должна выработать соглашения о тактике с элитами среднего уровня, иначе она рискует утратить часть своих членов, которые остаются пассивными в течение избирательной кампании или протестуют против политики, которая поддерживается национальными лидерами.

В целом организационная взаимосвязь эффективней прямой, особенно если она формализована.

Далее автор рассматривает проблему операционализации политической взаимосвязи. Наиболее распространенный способ операционализации — это стандартное измерение количества членов партии. Однако, по мнению автора, только меньшинство членов партии активно вовлечено в ее внутреннюю жизнь.

Существует еще одна важная характеристика партии — плотность членства, индикатором которой является доля членов партии в электорате партии. Однако данный показатель также не лишен недостатков, т.к. он не отражает активные действия партий по рекрутированию новых членов и уменьшение электората.

Как уже было сказано выше, формальная связь с сопутствующей организацией основывается на принципе проникновения. Члены одной организации (главным образом элита) имеют гарантированное право доступа к важным органам принятия решения другой. В целом, сила связи партии может быть измерена через количество и интенсивность таких

организационных связей партии с одной или несколькими сопутствующими организациями.

Автор представляет данные, полученные из уставов партий между 1960 и 1989 гг. Он отмечает, что, хотя партийные уставы не обязательно отражают достоверную информацию о деятельности партии, но, однако, представляют «решающие ограничения во внутренних играх власти». Кроме того, партийные уставы имеют тенденцию отражать существующее равновесие сил в пределах партии как политической системы и, следовательно, проявляются, в конечном счете, в изменении правил.

Далее автор переходит к рассмотрению взаимосвязи и плотности членства на основе эмпирического материала о конкретных партиях, представляя эмпирические данные о 78 партиях 11 западноевропейских стран (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Великобритания).

На основе эмпирических данных автор делает следующие выводы. Во-первых, в среднем, традиционные кадровые партии имеют более сильную организационную связь, чем массовые. Во-вторых, ожидалось, что процессы социальной модернизации ослабят роль партий в обществе, однако произошло увеличение их роли. В-третьих, в новых партиях заметен недостаток организационной взаимосвязи

Т. Погунтке отмечает, что взаимосвязь посредством членских организаций заметно ослабла с 1960 г., в результате этого процесса больше всего пострадали традиционные кадровые партии. Партиям без традиции массовости трудно поддерживать большое количество членов в период упадка института членства. Новые партии характеризуются очень слабой связью, а увеличение средней плотности членства в 80-х — лишь временное явление. Складывается парадоксальная ситуация с комбинацией стабильности и перемен. В то время как связь через параллельные организации была чрезвычайно устойчива, западноевропейские членские организации существенно уменьшились в размерах. С тех пор, как произошло увеличение доли голосов, поданных за новые партии, в западноевропейских партийных системах после 60-х политическая взаимосвязь пришла в упадок.

По мнению автора, одна из возможных причин упадка членства — неэффективность данного типа связи для ведения электоральных кампаний.

Оба типа взаимосвязи помогают партиям стабилизировать свое электоральное окружение. Безусловно, партийная организация имеет

значение и для связи с сопутствующими организациями, и для членства. Партийные элиты имеют мощный стимул поддерживать сильную организацию членства, поскольку оно представляет важный избирательный актив.

Автор выделяет три типа связей партийных элит с обществом:

1. *Связь через формальную организацию.* Посредством данного типа взаимосвязи партийные элиты устанавливают отношения, прежде всего, с традиционными сегментами общества, которые включают тех, кто готов вступить в партию, или членов сопутствующих организаций, защищающих относительно гомогенный социальный интерес. Роль этих организаций снизилась, но, тем не менее, ни партия, ни организационные элиты не заинтересованы в прекращении отношений. В то время как связь через сопутствующую организацию поддерживалась, кризис членства в партии был виден невооруженным глазом.

2. *Связь через новые социальные движения.* Данный тип коммуникации важен тем, что он обеспечивает взаимосвязь с современными индивидуализированными сегментами электората. Протестные движения отказались присоединяться к формальным организациям, но партии, сочувствующие новым инициативам, заинтересованы в установлении устойчивых отношений с «сектором протеста».

3. *Прямая связь.* Она помогает коммуникации с теми частями электората, взаимосвязь с которыми не может быть достигнута другим путем. Посредством данного типа связи вовлекается та часть электората, которая отчуждена от политики или которая интересуется политикой, но не хочет участвовать в коллективных формах политической деятельности.

Старые традиционные партии используют все способы связи. Они смогли сохранить свои связи с параллельными организациями, но в то же время оказались неспособны к снижению их собственной членской базы. На основе идеологической ориентации старые партии часто могли также объединяться с различными движениями (особенно это касается левых, которые особенно успешно поддерживали неформальные союзы с частями экологического движения и движения за мир). Новые партии, напротив, не заимствовали сильные организационные взаимосвязи. Старые партии могут положиться на относительно устойчивое ядро избирателей, которых они вовлекают через организационную взаимосвязь. Но в то же время сильные связи с мощными социальными интересами, подобно профсоюзам или региональным организациям, могут мешать политиче-

ским партиям отвечать на требования избирателей. Существует проблема «взаимного давления», когда партия пытается привлечь на свою сторону социальные группы с пересекающимися интересами.

Все партии без сильных связей (главным образом новые партии) зависят от эффективного действия прямых методов коммуникации. Поскольку число «одиноких» избирателей увеличилось в современных демократиях, их возможности возросли.

В настоящее время политические решения могут все более и более определяться результатами политического маркетинга. Это неизбежно будет вести к менее последовательному политическому позиционированию партий. Данный процесс отражает растущую разнородность в современном обществе, но, главным образом, он указывает на изменения в формулировке внутренней политики. Вслед за снижением организационной связи традиционные партии все больше зависят от их избирателей. Сталкиваясь со снижением устойчивых социальных союзов и снижающейся способности формулировать однозначные политические альтернативы, электоральная привлекательность традиционных партий все больше зависит от их лидеров как «медиа-исполнителей». Они могут воздерживаться от прямого популизма, но соблазн воспользоваться таким способом привлечения голосов сохраняется.

О.А.Каринцев

КИБЕРПАРТИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

(Реферативный обзор)

В последнее время в связи с интенсивным развитием Интернета и повышением его роли в политической коммуникации политологи столкнулись с новой проблемой трансформации институтов политического участия, вызванной влиянием сетевых технологий. Этот процесс в значительной степени затрагивает такие ключевые институты демократии, как политические партии, которые играют стержневую роль в политической системе, связывая органы власти с широкими слоями населения.

Современные партии являются объектом мощного воздействия со стороны новых информационных технологий и методов политической коммуникации. Учитывая быстрое увеличение числа пользователей Интернета во всем мире, многие из которых являются участниками политического процесса (хотя бы в качестве избирателей), все больше и больше политологов говорят о новой модели партийной организации, основанной на сетевой коммуникации и соответствующей технологии политического участия, получившей название «киберпартии».

Концептуальная модель «киберпартии» появилась в начале XXI в. Сам термин был предложен Элен Маргареттс из Лондонской школы публичной политики для характеристики «Интернет-ориентированных» политических партий, основывающих свою деятельность преимущественно на сетевых технологиях коммуникации. Концепция «киберпартий» была озвучена Маргеттс на семинаре Европейского консорциума политических исследований, посвященном проблеме организационных инноваций в европейских политических партиях (Гренобль 2001 г.). Модель

«киберпартий» претендует на продолжение традиций Дюверже — Киркхаймера — Катца и Мэйра, а Маргеттс отмечает ее сходство с «картельной» моделью.

Чем же характеризуются «киберпартии»? Процесс «интернетизации» политического пространства в конце XX — начале XXI в. Привел к возникновению в некоторых развитых демократиях (в частности, в Великобритании) прямых сетевых взаимоотношений между партией и ее избирателями. Данный тип связи заменяет институт формального членства в партии, что значительно преобразует саму ее структуру. В подобной организации «стирается» внутренняя иерархия — в ней не различаются ни члены, ни сторонники, ни симпатизанты, а в качестве этих трех категорий рассматриваются все потенциальные избиратели. Сетевая организация стирает статусные различия между единомышленниками, делая их связь с партией более прагматичной и индивидуализированной.

С точки зрения положения в системе «государство 3 гражданское общество», киберпартии расположены на границе этих двух категорий, обеспечивая связь между ними. Как подчеркивает Маргеттс, они действуют в этом случае как *организации*, а не как институты, что отличает их от «всеохватных» партий. Киберпартии обращаются ко всем потенциальным избирателям, предлагая им связь напрямую с руководством партии, без посредников.

Среди других преимуществ «кибертехнологий» для политических партий отмечаются следующие:

- относительно низкая капиталоемкость, доступность для партий с ограниченными ресурсами;
- простота, удобство и высокая эффективность связи;
- наличие особой «площадки» для политической конкуренции в виде веб-пространства;
- благоприятные возможности для артикуляции и агрегации интересов через виртуальные формулы и конференции;
- наличие возможностей для развития более тесных связей между партией и ее сторонниками (избирателями);
- предоставление для граждан партийных материалов в удобном формате;
- открытый и диалоговый стиль выработки стратегии и тактики;
- равноправие и равные возможности всех участников коммуникации.

Киберпартии играют немаловажную роль в обеспечении демократического управления и формировании публичной политики. Как полагают Маргеттс, они могут значительно усилить воздействие на правительство посредством формирования собственных сетей (особенно внутренних) и использования веб-технологий. В качестве примера Маргеттс приводит британские политические партии, которые инвестировали капитал в системы поддержки принятия решений, приспособленные исключительно для политической коммуникации. В результате граждане получили возможность «передавать информацию через специально предназначенные для этого сети коммуникации, используя e-mail и информационное табло для обмена информацией на форумах сторонников...»¹.

Как видно на примере Великобритании, развитие киберпартий способствует обеспечению прозрачности и открытости политического процесса. По мнению политолога П.Норрис, сайты политических партий во всемирной паутине являются эффективным механизмом для связи с заинтересованными гражданами².

Вследствие актуальности и востребованности киберпартий в условиях современного политического процесса ученые все больше и больше уделяют внимание этому феномену в своих исследованиях, что позволяет предположить наличие определенных перспектив у данного направления в рамках партологии.

О.А.Каринцев

---

¹ Margetts H. The cyber party / ECPR joint sessions of workshops; Paper to workshop «The causes and consequences of organisational innovation in European political parties». – Grenoble, 2001.

² Norris P. A digital divide: Civic engagement, information poverty and the Internet in democratic societies. – New York, 2001.

Я.-Э.ЛЕЙН, С.ЭРССОН

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО В ЕВРОПЕ
(Реферат)

Lane J.—E., Ersson S.

Politics and Society in Western Europe. — L.: Sage, 1987. —
P. 154—179.

Партийные системы

Главная гипотеза, на которой сосредоточивают свое внимание авторы данной работы и которую они берутся проверить, была сформулирована в работах Липсета и Роккана, Роуза и Урвина. Несмотря на все политические изменения, произошедшие в странах Западной Европы с 1920-х по 1980-е годы, структура социальных размежеваний, определяющих партийную систему, осталась прежней. Следовательно, в большинстве своем сохранились как сами партии, так и дистанции в политическом пространстве между ними. Констатация такой преемственности требует дополнительного теоретического обоснования и прояснения, недостаток которых в большинстве работ представляется для них очевидным. Для этого, прежде всего, требуется более детальная разработка аналитического инструментария. Построение теории изменений партийных систем предполагает проработку, во-первых, понятия «партийная система» и, во-вторых, понятия «изменение» или, иначе, «нестабильность».

Понятие «партийная система» описывает не просто сумму действующих в политическом пространстве той или иной страны партий, но и всю совокупность их взаимосвязей, а также характерных и устойчивых

атрибутов взаимодействия между ними. Следовательно, разработка теории изменения партийных систем должна, прежде всего, опираться на анализ «измерений» — специфического понятия, которое призвано обозначить свойства партийной системы, которые не могут быть сведены ни к составляющим ее частям, ни к взаимоотношениям между ними именно в силу ее «системности».

Можно выделить множество характеристик конкретных партийных систем. Задачей же любого анализа является выделение семантически релевантных характеристик — таких, которые, будучи свойственными для партийных систем конкретных стран, указывали бы на то общее и то различное, что есть между ними, позволяя, таким образом, делать обоснованные обобщения. Необходимо выделить такой минимальный набор характеристик для максимально расширенного множества вариаций современных партийных систем.

Большинство классических классификаций партийных систем являются одно- или двухмерными (согласно выделенным семантически релевантным характеристикам). Так, например, у М.Дюверже единственным измерением выступало количество партий. Дж.Сартори добавил к этому идеологические дистанции между партиями. Педерсен ввел измерение «изменчивости», а С.Липсет и С.Роккан — «значимые размежевания». Решение о том, сколько же измерений действительно необходимо учитывать для построения универсальной¹ модели анализа партийных систем, должно быть принято исходя из результатов факторного анализа индикаторов, представляющих числовое отображение определенного набора характеристик.

Принимая во внимание, во-первых, количество партий и, во-вторых, их устойчивость, авторы выделяют следующие индикаторы²:

1. общее количество партий;
2. количество влиятельных партий (устойчивых партий, обладающих коалиционным или шантажным потенциалом);
3. индекс фракционности ($F = 1 - p_i^2$, где p_i это доля мест, которыми обладает партия);

---

¹ Авторы сразу оговариваются, что универсальность критериев партийных систем понимается ими только в контексте стран Западной Европы и только на анализируемых ими отрезках времени (1920–1945; 1945–1984).

² Как вся система индикаторов, так и каждый индикатор в отдельности отражают показатели, соответствующие на момент тех или иных выборов.

4. агрегированный индекс (отношение между долей поддержки самой крупной партии и общим количеством партий);

5. шкала левый–правый, отражающая идеологическую фрагментацию на момент выборов;

6. индекс поляризации ($P = \sum f_i (x_i - X)^2$, где n – количество партий, f_i – доля голосов, полученных соответствующей партией, x_i – положение данной партии на шкале «левый–правый», X – разброс партий данной партийной системы на шкале «левый–правый»);

7. доля коммунистических, фашистских и «протестных» партий;

8. масштаб антисистемных партий;

9. неустойчивость партийных предпочтений – индикатор, отражающий изменения между долями поддержки всех партий от одних выборов к другим ($V_{i,t} = 1/2 * \sum |p_{i,t} - p_{i,t-1}|$, где n – количество партий, участвующих в выборах в момент t и/или $t-1$, дельта p_i – изменения в распределении голосов, поданных за одну партию от одних выборов к другим);

10. изменение количества партий, участвующих в выборах (аналогично предыдущему индикатору, сравниваются два идущих подряд избирательных цикла);

11. доля этнических или религиозных партий (т.е. артикулирующих соответствующие ценности);

12. показатель консервативности–либеральности (доля либеральных и консервативных партий);

13. доля партий рабочего класса (доля коммунистических, социалистических и лево-социалистических партий);

14. доля партий буржуазии (доля консервативных, либеральных и аграрных партий).

Далее, по результатам факторного анализа, примененного к этим индикаторам, авторы выделяют пять равнозначных факторов:

1. Мера фракционности партийной системы (отображает наложение индекса фракционности на общее количество партий);

2. Мера функционально-ориентированности партийной системы (показатель выше, чем больше доля консервативных, либеральных и аграрных партий, и, наоборот, показатель тем ниже, чем больше доля этнических и религиозных партий);

3. Мера поляризации партийной системы (учитываются индекс поляризации и доля коммунистических партий);

4. Мера радикальной ориентированности партийной системы (учитывается, с одной стороны, доля партий рабочего класса, а с другой, — показатель шкалы «левый—правый»);

5. Изменчивость партийной системы.

По мнению авторов, результаты факторного анализа свидетельствуют о том, что традиционные модели, основанные на одном или двух измерениях, не подходят для анализа вариаций партийных систем Западной Европы. Равнозначность факторов означает невозможность выделить один доминирующий фактор. Далее Лэйн и Эрссон приходят к важному выводу, что западноевропейские партийные системы могут быть описаны с точки зрения пяти ключевых измерений: 1) фракционность; 2) функциональная ориентированность; 3) поляризация; 4) радикальная ориентированность; 5) изменчивость.

Только теперь, когда каждому измерению соответствует аналогичная семантически релевантная характеристика, становится возможной проверка основной гипотезы. Для этого для каждого измерения указывается соответствующий индикатор, значимый по результатам факторного анализа, — это индекс фракционности, показатель партий буржуазии, индекс поляризации, показатель партий рабочего класса, индекс нестабильности партийных предпочтений.

Затем авторы переходят к разбору и выявлению тенденций эволюции партийных систем Западной Европы. По каждому из пяти измерений они описывают тенденции эволюции партийных систем всего региона с 1920 по 1984 г. Затем авторы в отдельной сводной таблице указывают специфику эволюции партийной системы каждой из стран до и после 1945 г.

Попытка дать определение понятию «изменение (нестабильность) партийной системы» сразу наталкивается на две проблемы. Во-первых, это понятие используется достаточно широко и каждый раз принимает контекстуальное значение. Во-вторых, это понятие достаточно фундаментально, поэтому его определение зависит и от теоретической, и от эмпирической верификации. При разработке понятия «нестабильность» и противоположного ему понятия «стабильность» партийной системы, авторы считают необходимым различать изменение как «тенденция» и изменение как «флуктуация».

В частности, для операционализации этого различения авторы предлагают составить уравнение регрессии и расположить его по временным рядам. При этом любое суждение по поводу частоты тенденции

или флуктуации как характеристики изменений партийной системы должно быть сделано на основе анализа измерений партийных систем, выделенных по результатам факторного анализа. Лэйн и Эрссон выводят специальное уравнение, решение которого позволяет сделать вывод о том, имеем ли мы дело с тенденцией или флуктуацией:

$$PSD_{it} = f(\text{Time})$$

где PSD_{it} – измерение партийной системы i на выборах t .

Е.Е.Гаврилов

Ж.-И.КАМЮ*

**«КРАЙНЕ ПРАВЫЕ» В ЕВРОПЕ: ГДЕ, КАК
И ПОЧЕМУ?**

Camus J.-Y.

**L'extrême droite en Europe: où, sous quelle formes, pourquoi?//
Pouvoirs. – P., 1998. – № 87. – P. 21–34.**

Мы уже давно предпочитаем не использовать термин «крайне правые», поскольку его часто употребляют в негативном смысле. Кроме того, он охватывает очень разнородные идеологические реалии. Поэтому при описании деятельности внепарламентских и националистических «крайне правых» движений мы чаще прибегаем к понятию, распространенному как в англосаксонской политической науке, так и среди немецких и итальянских ученых – «радикально правые». Однако мы наделяем его и другим смыслом. Нам кажется, что термин «крайне правые» не вполне правомерно объединяет на одном политическом континууме ультраправые движения с партиями, заявляющими о своей принадлежности к либеральным или консервативным силам и разделяющими ценности индивидуализма и философию Великой французской революции и Просвещения. Если использовать устоявшуюся классификацию Пьеро Игнати, то эти партии можно отнести к «традиционным» или партиям «постиндустриального экстремизма». Большая часть «крайне правых» отвергает либеральные ценности и заявляет о своем разрыве с другими правыми силами. Однако именно этот разрыв, которым они так гордятся

---

* Ж.-И. Камю – сотрудник Европейского центра изучения расизма и антисемитизма (Париж), автор работ о крайне правых политических силах.

и объясняют свои притязания на воплощение глобальной альтернативы «системе», оправдывает использование понятия «радикально правые». Другие политические движения, которые получают от выборов к выборам все больше голосов — например, популистские националистические партии в Скандинавских странах, наоборот, избегают проводить различия между собой и другими правыми движениями, и, в этом смысле, они, безусловно, являются «крайне правыми»...

«Крайне правые» в Европе: Обзор

В рамках Европейского союза французский Национальный фронт (le Front National) зачастую служит организационной и идеологической моделью для других партий националистического толка. Это проявляется даже в выборе названий («Frente Nacional» Бласа Пинара в Испании, итальянский Fronte Nazionale, созданный в 1997 г. Адриано Тильером). Для партий «постиндустриального экстремизма» он также играет роль партийного образца¹. Кстати, именно поэтому именно Национальные фронты выдвигают инициативы по созданию «интернационала» «крайне правых» партий, будь то идея Ле Пена о Евро-Нате или Хартия молодых европейских националистов, предложенная в июле 1998 г. молодежным отделением Национального фронта.

Германоговорящие государства

В Германии, Австрии и Швейцарии Национальные фронты не имеют никакого влияния. «Крайне правые» в Германии и Австрии имеют общую культуру, основанную на идее пангерманизма, принадлежности к народной (völkisch) модели национальной идентичности, территориальном ирредентизме и историческом ревизионизме. Националистический популизм республиканцев (Republikaner) и Австрийской партии свободы (Freiheitliche Partei Österreichs) Йорга Хайдера распространяется на «крайне правых» в Швейцарии, которые особенно активно действуют в германоговорящей части Швейцарии и в италоязычном кантоне Тичино (Тичинская лига (Lega dei Ticinesi) получает на уровне кантонов 18,6%

---

¹ В 1960–1970-е гг. эту функцию в среде традиционных экстремистских партий выполняло Итальянское социальное движение (MSI – Movimento Sociale Italiano).

голосов). Швейцарские демократы, возглавляемые Рудольфом Келлером, имеют трех депутатов в Федеральном совете и в среднем 3,1% голосов по стране; Партия свободы, протестное движение, отколовшееся от Партии автомобилистов, имеет семь депутатов и 4,5% голосов. Однако наиболее успешно основные пункты программ «крайне правых» в Швейцарии озвучивает возглавляемое Кристофом Блохером щорихское отделение Демократического союза, входящего в правительственную коалицию (14,9% голосов на федеральном уровне). К этим пунктам относятся борьба с иммиграцией и противодействие требованиям предоставления убежища (Швейцария предоставляет убежище значительной части беженцев из Косово), отказ от присоединения к Европейскому союзу и недоверие к международным организациям, пересмотр вопроса о возмещении денежных средств евреям, снятие с себя чувства вины за сотрудничество с фашистами во время Второй мировой войны.

«Крайне правые» в Германии, и в частности республиканцы, играют ключевую роль в выстраивании отношений между ультраправыми движениями в Европе. С одной стороны, между французским Национальным фронтом и республиканцами установлены связи, и Ле Пен часто прислушивается к советам Франца Шонхубера. С другой стороны, «крайне правые» партии в Нидерландах находятся под влиянием немецких экстремистов. Кстати, одна из причин провала Группы европейских «правых» на выборах в Европарламент состояла в том, что Итальянское социальное движение и республиканцы так и не смогли сотрудничать друг с другом, поскольку последние поддержали территориальные притязания Австрийской партии свободы на Южный Тироль.

Бенилюкс: Фламандский феномен

В странах Бенилюкса «крайне правые» добились влияния только в бельгийской части Фландрии. Бельгийский национальный фронт (БНФ)¹ наиболее активно действует в Валлонии и Брюсселе. Он был основан в 1985 г. Даниелем Фере по образу и подобию Национального фронта во Франции. БНФ получил 4,2% на парламентских выборах 1991 г. и 7,9% голосов среди валлонского населения на выборах в Европарламент. В 1995 г. он раскололся на многочисленные мелкие объединения, которые нача-

---

¹ О БНФ и других «крайне правых» партиях в Валлонии см. Manuel Abramowicz, *Les Rats Noirs. L'extrême droite en Belgique francophone*, Bruxelles, Ed. Luc Pire, 1996.

ли оспаривать право на роль центрального органа. Несмотря на слияние в 1997 г. с достаточно сильным на местном уровне движением «Действие» (Agir) из Льежа, Бельгийский национальный фронт лишился политического влияния. Новый фронт Бельгии, которым руководит Маргарит Бастьен, бывший член Реформистской либеральной партии (Parti Réformateur Libéral), в настоящее время является главным соперником БНФ. Обоим движениям, выступающим за монархию и единое бельгийское государство, недостает поддержки французского Национального фронта, который перестал ее оказывать под давлением Фламандского блока (Vlaams Blok – ФБ). Ввиду разобщенности и слабости франкоязычных партий влияние Фламандского блока усиливается: основанный в 1978 г., ФБ¹ имеет около 12% голосов фламандского населения. Сегодня во Фламандский блок пришло молодое поколение харизматических лидеров (Филип де Винтер, Франк Ванхэкке, Карим Ван Овермейер), которые считают себя преемниками фламандского националистического движения «Диназо» (Dinaso), основанного в довоенный период Ван Севереном², и поддерживают контакты с фламандскими националистическими группами («Voorpost», «Tal Aktie Komitee»), а также с другими маргинальными движениями («коллораборационистами»). Основные пункты программы Фламандского блока сводятся к требованиям независимости Фландрии (включая Брюссель), установления республиканской формы правления и объединения с Нидерландами. ФБ выступает против иммиграции и придерживается антилиберальных взглядов в экономике, за исключением группы «Нуклеус» Александры Колен, ориентированной на экономические курсы Р.Рейгана и М.Тэтчер.

Для «крайне правых» партий в Нидерландах 1998 год был неудачным: в мае они получили 0,6% голосов на парламентских выборах и не прошли в парламент. Ни Демократы центра (Centrumdemokraten) во главе с Хансом Янмаатом (который был депутатом с 1982 г.), ни неонацистская Партия центра'86 (Centrumpartij' 86), которая имела депутатов в местных законодательных органах, так и не смогли укрепиться в обществе, где повсеместно признается мультикультурализм. Принятый 1 января 1998 г. закон ограничивает возможности маленьких партий участвовать в выборах, а соответственно, делает будущее нидерландских на-

---

¹ О Фламандском блоке, а также о нидерландских партиях см.: Cas Mudde, *The Extreme Right Party Family*, university of Leyde, 1998, p.121–253.

² О Ван Северене и его движении см. журнал *TeKoS*, n° 81, Wijnegem, 1996, *De Dinaso Generatie*, p.1–48.

ционалистов еще более сумрачным. Экстремисты также провалились в Люксембурге. В 1930-е годы там существовало сильное католическое движение. Однако на выборах 1994 г. Национальное движение (National Bewegong) набрало всего 3 % голосов и в декабре 1995 г. объявило о самороспуске¹.

Скандинавские страны: Рост националистических настроений

Националистические партии в последнее время становятся все более популярными в Скандинавских странах. Они выступают против проводимой налоговой политики и социал-демократического государства. В Норвегии Партия прогресса (Fremskrittspartiet – ПП), возглавляемая Карлом Иваром Хагеном, на парламентских выборах в сентябре 1997 г. получила второе место после Норвежской рабочей партии, набрав 15,4% голосов (+9%) и проведя 25 депутатов в Стортинг (парламент). ПП пользуется наибольшим влиянием в Осло (20%) и на юго-западе страны, наименьшим – в центре и на севере (11,8% голосов она получила в провинции Финнмарк, где в основном проживают лапландцы, к которым ПП проявляет расизм). Партия борется с иммиграцией и высказывается против вступления Норвегии в Европейский союз. Единственным конкурентом ПП является неонацистская Партия родины (Fedrelandspartiet), которая получила 0,15 % голосов.

В Дании на мартовских выборах 1998 г. Датская народная партия (Dansk Folkeparti) Пия Кьерсгора доказала, что пользуется популярностью, получив 7,4% голосов, что на 5% больше голосов, набранных Партией прогресса Кима Бенке (2,4%), от которой она когда-то откололась. Чтобы вернуться на политическую сцену, Партия прогресса пытается вернуть в свои ряды своего основателя адвоката Могенса Глиструпа, который в начале 1970-х годов был организатором протестов против налоговой политики государства.

Что касается Швеции, то здесь «крайне правые» менее популярны². В 1994 г. антииммигрантская партия «Новые демократы» (Ny Demokrati) поте-

---

¹ «О крайне правых партиях» в Люксембурге см. Lucien Blau *Histoire de l'extrême droite au Grand-Duché de Luxembourg au xxe siècle*; Esch s/Alzette, Le Phare, 1998.

² О «крайне правых» партиях в Швеции см. Stieg Larsson & Anna-Lena Lodenius, *Extrem Högern*, Stockholm, Tidens Forlag, 1994, p.15–16.

рля семь депутатов, набрав только 1,2% голосов. Партия «Шведские демократы» (Sverigedemokraterna) Микаэла Янссона, образованная в 1988 г., по-прежнему является маргинальной политической силой и имеет только семь членов в региональных советах. На выборах в 1998 г. она получила около 0,1% голосов. Тем не менее «Шведские демократы» усиливают связи с немецкими республиканцами и французским Национальным фронтом. В июле 1998 г. молодежное отделение партии подписало Хартию молодых европейских националистов, предложенную молодежным филиалом Национального фронта¹.

В Финляндии ни одна партия не смогла прийти на смену фашистской организации Лапуа, которая была достаточно влиятельной до войны (8,3% в 1936 г.). Несмотря на постоянное противоборство «красных» и «белых», продолжающееся со времен гражданской войны 1918 г., политика стабильности и даже консерватизма, символом которой был президент Кекконен, препятствовала возникновению экстремистских политических движений. Партия «Истинные финны» (Perussuomalaiset), отколовшаяся от Аграрной партии, на муниципальных выборах 1996 г. набрала всего 1,3% голосов и имеет только одного депутата, избранного от провинции Вааса. Национальный патриотический союз, возглавляемый Матти Ервихарью и требующий возвращения Россией Карелии, не участвует в выборах, а некоторые из его членов избираются по спискам «Истинных финнов».

Бывшие диктатуры Южной Европы: Модернизация невозможна

В странах, где существовали авторитарные «корпоративные» режимы (в Испании, Португалии и Греции), «крайне правые» практически не имеют поддержки. Так, в Испании после исчезновения с политической сцены «палеофранкистов» Фуерцо Нуэвы партии, называющие себя «Фалангой», — неофранкисты из «Союза за национальное единство» и «модернизаторы» из партии «Национальной демократии» — вместе имеют около 30 тыс. голосов.

---

¹ О связях между «крайне правыми» в Швеции и французским Национальным фронтом см. *Bim Clinell, De hunsades revansch-extremhögern aterkomst i Frankrike, Stockholm, Bokförlaget DN, 1998.*

Как справедливо заметил Хосе Луис Родригес Жименес, несмотря на усилия национал-революционного движения, борющегося за расширение региональной автономии и заявляющего о себе в газете «Альтернатива Еуропа (Европейская альтернатива), журналах «Трибуна де Еуропа» (Трибуна Европы) и «Резистенсия» (Сопrotивление), а также поддержку военизированной группировки ЭТА, терроризирующей Испанию, крайне правые не смогут получить общенациональной поддержки, так как они продолжают занимать реакционные, консервативные католические позиции, которые мешают им вернуть поддержку электората, разочарованного в Народной партии (Partido Popular) и перешедшего к «франкистам».

В Португалии «крайне правые» находятся в ещё более изолированном положении: несмотря на участвовавшие нападения на португальцев африканского происхождения и расистское отношение милиции к цыганам, экстремистские партии (l'Accaao Fundacional Nacionalista или le Frente da Direita Nacional) даже не могут добиться участия в выборах. Электорат правых партий, выступающий против европейской интеграции, перешел к партии Народной партии Паоло Портаса (Le Partido Popular).

В Греции националистических позиций придерживаются как правые консерваторы, так и Всегреческое социалистическое движение. В итоге сторонники режима Пападопулоса потеряли свое влияние: Национальный политический союз (Ethiniki Politiki Enosis – EPEN), который до 1989 г. имел своего депутата в Европарламенте, на парламентских выборах 1996 г. получил лишь 0,24% голосов, а неонацисты «Золотой зари» (Chrissi Avghi) – 0,07%. В 1997 г. EPEN раскололась, и образовался «Греческий фронт» (Elliniko Metopo), близкий французскому «Национальному фронту» (FN).

Соединенное Королевство и Ирландия: Бремя избирательной системы и двухпартийности

В Великобритании, где до 1972 г. Национальный фронт имел около 15 тыс. членов, а на выборах 1974 г. получил 3,2% голосов, в настоящее время «крайне правые», как и все «третьи» партии, остаются

«не у дел» в связи с особенностями избирательной системы, основанной на принципе «полезного голосования» (vote utile). Правое крыло консервативной партии озвучивает свои позиции прежде всего через «Мондей Клуб» (Monday Club) и журнал «Райт Нав!» (Right Now!). Оно выступает за изоляцию от Европы и отказ от идеи построения мультикультурного общества. Экстремистские партии – Британская национальная партия Дж.Тиндэлла, Национальная демократическая партия Я.Андерсона и Национальный фронт – напрасно надеются привлечь избирателей консервативной партии или лейбористов, недовольных иммиграцией населения из других стран Содружества. На майских выборах 1997 г. эти партии добились сравнительно небольших успехов на местных выборах в восточных кварталах Лондона и западном Мидланде, получив менее 10% голосов. Ухудшения межрасовых отношений, на которое они рассчитывали, так и не произошло. Поэтому перспективы их существования выглядят весьма сумрачно.

В Ирландии вопросы иммиграции и права убежища стали особенно актуальными в 1997–98 гг., поскольку количество ходатайств о предоставлении убежища возросло с 39 в 1992 г. до 3880 в 1997. Хотя призывы к проведению жесткой миграционной политики и получили общественный резонанс, они несколько не усилили позиции «крайне правых»: закрытая политическая система, основанная на чередовании двух партий Файна Фейла и Файна Гаэла, регулирует вопросы национализма, разрешая функционирование лишь тех групп, которые выступают против иммиграции (например, Платформа по контролю за иммиграцией, основанная в январе 1998 г.) или ультракатолических движений по защите моральных ценностей («Youth Defence», «Family and Life»). Институциональная дискриминация продолжается лишь в отношении бомжей (Travellers) и небольшого еврейского сообщества, которое если и подвергалось, то очень умеренным вспышкам антисемитизма, вызванным теологическими расхождениями.

Страны, где нет «крайне правых»

В настоящее время «крайне правые» не представлены только в некоторых странах Западной Европы. Например, в Исландии националистические и антиамериканские настроения вызывает только военная база Кефлавик. Традиционно их выражают левые партии. «Крайне правых» партий также нет в микросоударствах Монако, Лихтенштейне,

Андорре и Гибралтаре, для которых характерны «замороженные» политические системы. Примечательно, что число иностранцев в этих странах значительно превышает число собственно граждан. Например, в Сан-Марино действует столько же партий, сколько и в Италии, однако при этом здесь никогда не существовало партий, подобных «Итальянскому социальному действию» или «Национальному альянсу» (l'Alleanza Nazionale). В ходе референдума о праве иностранцев на постоянное проживание в Сан-Марино, который проводился 26 октября 1997 г., не было ни одной националистической кампании или вспышки ксенофобии. В этих микросоударствах распространению национализма препятствует крайне жесткое законодательство по вопросу предоставления гражданства иностранцам (например, чтобы получить гражданство в Андорре, необходимо 25 лет постоянно проживать в этой стране).

Восточная Европа: Будущее «крайне правых»?

Помимо того, что «крайне правые» партии имеют значительный успех на выборах в посткоммунистических странах, они также устанавливают отношения с экстремистами на Западе, которые в свою очередь, без сомнения, полагают, что расширение Евросоюза даст им неожиданную возможность стать весомой политической силой на континенте. Так, Жан-Мари Ле Пен часто приезжает в Россию по приглашению лидера либерал-демократов Владимира Жириновского, в Словакию, где он имеет связи со Словенской народной партией, оппозиционной правительству Мечьяра, в Югославию, где он опирается на Сербскую радикальную партию Воислава Шешеля, в Венгрию для встреч с основателем Венгерской партии справедливости и жизни Иштваном Ксуркой, а также в Румынию — на съезды панрумьинской и антисемитской партии «Великая Румыния» (Romania Mare). Новые немецкие правые, используя расположение еженедельника «Юнге Фрайхайт» и лично его редактора Вольфганга Штрауса, установили прочные связи с прибалтийскими и украинскими националистами.

Это сближение необходимо принимать во внимание тем более потому, что националистические партии в Восточной Европе выступают с тех же позиций, что и правые крылья умеренных или консервативных местных партий, которые наиболее восприимчивы к ирредентистским и ревизионистским настроениям. Они отказываются говорить о принадлежности к народу и нации, если она определяется не происхождением, языком и религией, а свободным выбором индивида. Если взять пример Хорватии,

то здесь французский Национальный фронт сотрудничает с малочисленной проушташской Партией права (HSP) (четыре депутата), однако его программа также созвучна с позицией радикалов из партии Ф.Туджмана (HDZ), например депутата Владимира Секша.

«Крайне правые» укрепили свои позиции в Восточной Европе сравнительно недавно. В частности, вынужденными союзниками Федерации молодых демократов, партии премьер-министра Венгрии Виктора Орбана, стали явно антисемитская и антицыганская «Венгерская партия справедливости и жизни», которая получила в 1998 г. 14 мест в парламенте, и Партия мелких собственников Ж.Торгиана, в дискурсе которого четко обозначено расистское разграничение между «коренными венграми» и меньшинствами (48 депутатов). В Словакии Словенская народная партия (5,4% голосов), которая выступает за восстановление клерикально-фашистского режима Тисо, удерживает посты министров образования и культуры в правительстве Мечьяра. В августе 1995 г. румынские экстремистские партии «Великая Румыния» (4,46%), Социалистическая партия труда (2,16%) и Партия национального единства (PUNR – 4,36%) подписали «Протокол четырех партий», что дало им возможность заседать в правительстве даже тогда, когда они предпринимали попытки восстановить пронацистский режим Антонеско. Наконец, следует напомнить, как в 1998 г. сербский радикал В.Шешель был назначен вице-премьером после того, как он прошел во второй тур президентских выборов в 1997 г.

Ситуация, которая сложилась в России, создает серьезную проблему для «крайне правых» в Западной Европе: сначала они вступили в союз с Жириновским, который, после выборов в Думу в 1995 г., начал терять голоса (сейчас он имеет около 5% голосов). Затем западные радикальные партии поняли, что, несмотря на свои заявления, Жириновский чаще всего поддерживал решения Ельцина, а его роль заключалась в аккумуляции растущего потенциала русского национализма. По этой причине западные «национал-большевики», например из французского движения «Новое сопротивление» и Национального фронта, примкнувшие к новым правым, предпочитают сотрудничать с маленькими радикальными партиями, типа Национал-большевистской партии писателя Э.Лимонова и журналиста А.Дугина, которые распространяют в России идеи Ю.Эволы, Р.Генона и GRECE (Объединение по исследованию и изучению европейской цивилизации).

Формы организации «крайне правых»: Парламентская деятельность и логика мелких групп

В 1990-е годы в Европе «крайне правые» пережили серьезные изменения: из маргинального положения политического гетто они превратились в полноценных участников демократических и парламентских игр. Этим изменениям подверглись и Национальный Фронт во Франции, и итальянский Национальный Альянс. В то же время продолжают существовать и другие формы экстремистской деятельности. Значительное число «крайне правых» движений отказывается идти на компромисс с системой... Они не участвуют в электоральном процессе, однако сохраняют связи с другими партиями. Последние, в свою очередь, придают особое значение двойному членству своих сторонников. Так, во Франции в октябре 1996 г. движение «Новое сопротивление» приняло условную поддержку Национального фронта, в котором состояли многие ее члены. В Нидерландах сторонники Фронта национал-социалистов (Aktiefront Nationale Socialisten), Партии рабочих (FAP-Arbeiderspartij) и Jongerefront Nederland, а также неонацисты принадлежат к парламентским партиям «Демократы центра» и «Партия центра'86». Такая практика существует давно: так, костяк Итальянского социального движения в 60–70-е годы составляли члены «Ордине Нуово» (Ordine Nuovo) или «Авангардия Национале» (Avanguardia Nazionale), занимавшиеся «черным террором».

Политическая наука практически не занимается анализом деятельности внепарламентских образований. Однако этот анализ является ключевым для понимания внутренней структуры того, что принято называть «националистическим лагерем»: внутри «крайне правого» сектора не существует препятствий для взаимодействия между партиями и мелкими группами. Последние, в частности, воспитывают будущих членов парламентских партий, которые будут стремиться участвовать в политических играх на более конструктивных началах, нежели на поддержании культуры доносительства и ностальгии, свойственной маленьким радикальным группам. Лишь ничтожное меньшинство членов экстремистских движений по собственной воле полностью разрывает с парламентской политикой и отдает предпочтение террористической деятельности: между тем попытки немцев и австрийцев создать нечто вроде фракции «коричневых», пока RAF все более смещалась вправо, провалились. Террористические акты в Австрии, отправленные писем-бомб членами неле-

гального нацистского движения VAPO (Volkstreu Ausserparlamentarische opposition), покушения, организованные движением Combat 18 в Великобритании и Белым арийским сопротивлением (VAM) в Швеции, – это все, что осталось от «черного террора».

Некоторые группы отделились от политики и погрузились в новую деятельность – метаполитику. Так произошло в случае с «новыми правыми», которые по сравнению с 1970-ми годами потеряли свое идеологическое влияние и связи в СМИ. Французское движение GRECE (Объединение по исследованию и изучению европейской цивилизации) так и не оправилось от потери своих лучших кадров, вступивших в Национальный Фронт в 1984–1985 г., а также от независимого поведения своего идеолога Алэна де Бенуаста по отношению к другим партиям, в особенности после 1985 г., когда он резко заявил о формальном отказе от крайнего расизма. За границей «новые правые» остались маргиналами: в Италии Марко Тарчи продолжил свою карьеру в политической науке, начав издавать журнал «Трасгрессьони»; в Австрии, несмотря на усилия журнала «Цур Цайт», возглавляемого бывшим идеологом Австрийской партии свободы Андреасом Мольцером, идеи «новых правых» так и не получили распространения среди сторонников Йорга Хайдера; они оказались невостребованными и Народной партией (Partido popular) в Испании, несмотря на деятельность Хосе Хавьера Эспарца, являющегося одновременно сотрудником медиа-компании «Коррео», советником сенатора Луиса Фрага и главным редактором журнала «Эсперидес». В ходе идеологической эволюции... «новые правые» существенно отделились от «крайне правых». Некоторые из их идеологов, например, португалец Джейме Ногейра Пинто, бывший редактор журнала «Футуро Презенте», стали занимать позиции, близкие политическому консерватизму, католицизму и экономическому либерализму. Так, Ногейра Пинто стал одним из организаторов кампании против легализации абортов перед референдумом 28 июня 1998 г. В глазах самых консервативных сторонников «новых правых» такие действия выглядят отступническими.

Еще одной областью деятельности «крайне правых» является религия. Консервативный католицизм является благоприятной почвой для политической активности, особенно во Франции. Так, внутри Национального Фронта существует консервативное, верное Папе движение Христианской солидарности, возглавляемое депутатом Европарламента Бернардом Антонио, который является к

тому же главным редактором газеты «Презант». Кроме того, в Национальном Фронте представлены сторонники Братства Св.Пия X, однако они менее многочисленны (Роланд Гоше, Франсуа Бринё, Кристиан Бэкерут, Мартин Леидо). Зато значительное число лефбристов вовлечено в монархическую и контрреволюционную деятельность. Такая мистико-религиозная составляющая также свойственна «крайне правым» в Испании. Она проявляется в таких журналах, как «Фуерца Нуэва», «Ла Насьйон» и в «Мовимьенто Католико Эспаньйол»...

Факторы голосования за экстремистские партии

Было бы самонадеянным из этого чисто описательного обзора выводить теорию факторов, объясняющих электоральные успехи «крайне правых» в Европе. Тем не менее некоторые объяснения допустимы. Отторжение фашизма и близких ей идеологий, которое наблюдалось после 1945 г., спустя 50 лет прошло. Произошла переоценка исторических событий: например, Национальный альянс в Италии после того, как он официально отрекся от фашистской идеологии Муссолини и не признал расистские законы 1938 г., стал полноправным участником на политической сцене. Падение коммунистических режимов в Восточной Европе и приравнивание преступлений, вершимых при Сталине, к фашизму позволили переписать историю. На государственном уровне были предприняты некоторые символические шаги пореабилитации жертв: в Венгрии был переправлен пепел регента Хорти, в Румынии в честь маршала Антонеско были переименованы улицы, в Латвии прошли официальные торжественные поминания легионеров, состоявших на службе войск СС и реализовывавших проект президента Туджмана по захоронению на месте концентрационного лагеря Ясеновак еврейских и цыганских жертв Анте Павелича бок о бок с усташами, убитыми Движением Сопротивления.

Во-вторых, следует отметить глубокий и продолжительный кризис, который переживали традиционные партии. Этот кризис в ряде случаев (Бельгия, Нидерланды, Скандинавия) провоцировала замкнутость партийной системы, в которой третьи партии оставались в маргинальном положении. Характерным примером в данном случае является Австрия: роль Партии свободы, как и ее аналога в Германии, до прихода Йорга Хайдера сводилась ис-

ключительно к дополнению «большой коалиции» социалистов и консерваторов, что вызывало альтернативный запрос в обществе.

В-третьих, необходимо отметить, что в результате перехода от культурно однородных к открытым, мультикультурным и даже многорасовым обществам возникают сложности в процессе адаптации и даже отторжение других культур. Этим как раз и пользуются «новые правые», превращая иностранцев или иммигрантов в козлов отпущения и обвиняя их в экономических и социальных кризисах в Восточной Европе. Даже в странах, устойчивых к кризисам (например, в Скандинавии), осознание того факта, что миграционные потоки более не являются лишь транзитными, а предполагают закрепление в стране иностранцев, вызвало сильные популистские и националистические настроения, и даже социал-демократическая модель социальной защиты была поставлена под сомнение.

Также необходимо учитывать, что голосование за «крайне правых» как во Франции, так и везде, отражает вызов процессам европейской интеграции и глобализации. «Крайне правые» с тем большим успехом используют недовольство переходом к единой валюте и его последствиями, чем более «политкорректно» подается либеральная концепция единого рынка. Левые партии, поддержавшие глобализацию, могут рассчитывать на возвращение части своего электората, перешедшего к протестным антиинтеграционным движениям только в том случае, если они пересмотрят свое отношение к евро. Однако такая перспектива, впрочем, как и возможность идеологического возрождения правых консерваторов и либералов, маловероятны (скорее можно ожидать их распада). Все это позволяет сделать вывод, что «крайне правые» в Европе вступают в новую длительную фазу консолидации, которая может в конечном итоге привести их к власти.

Перевод *М.Нурланова,*
С.Зверева,
И.Чамова

С.С.КОЛЕМАН

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ОНЛАЙН*

(Реферат)

Coleman S.

Online campaigning // Parliamentary affairs. – L., 2001. –
Vol. 54, N 4. – P. 679–688.

Избирательная кампания 2002 г. в Великобритании, с использованием Интернета, была названа первой английской кампанией, проводимой в режиме онлайн. Она вызвала большие надежды, но результаты ее оказались разочаровывающими. На деле же еще в 1997 г. впервые в стране прошли интернетвыборы, хотя назвать их так можно только условно, поскольку только 2 % населения имело тогда домашний доступ к Интернету.

К 2001 г. треть населения получила к нему домашний доступ, миллионы англичан пользуются им на работе, в школе или в библиотеке. Правительство заявило о намерении перевести всю свою деятельность в режим онлайн.

В рамках избирательной кампании в режиме онлайн возникли четыре вида деятельности:

- 1) маркетинг партийной политики и кандидатов;
- 2) появление новых ресурсов, доступных избирателю, включая вебсайты, электронную почту для обмена мнениями;

---

* Реферат опубликован в реферативном журнале ИНИОН РАН, «Государство и право» за 2003 г.

3) некоторые традиционные СМИ переместились в Интернет с тем, чтобы поставлять информацию, которой избиратели не имели в прошлые предвыборные кампании;

4) новый, обеспечивающий большее участие, стиль политики.

Появившиеся в 2001 г. тактические вебсайты для голосования представляли собой самодельные версии пропорционального представительства. Эти сайты предлагали избирателям обмениваться своими головами (на деле же, они могли обмениваться только своими намерениями); так, например, какой-либо сторонник лейбористов в избирательном округе, где либеральные демократы соперничали с консерваторами, соглашался голосовать за первых, если какой-либо сторонник либерал-демократов соглашался, в свою очередь, голосовать за лейбористов в избирательном округе, где соперничали лейбористы и консерваторы. В сущности, цель этих манипуляций состояла в объединении левоцентристского электората для нанесения поражения консерваторам. Само по себе тактическое голосование уже давно присутствует в британских выборах, но только благодаря паутине оно позволило избирателям из различных районов договариваться об обмене голосами. В течение избирательной кампании в Англии на вебсайте тактического голосования было зарегистрировано 200 тыс. посещений, 8153 соглашения об обмене голосами. На двух избирательных участках (Чиди и Дорсет Саут) число этих сделок превысило количество голосов выигравшей стороны; можно предположить, что если бы заключенные соглашения выполнялись, то этот сайт мог бы оказать воздействие на результаты голосования.

Предвыборная информация в режиме онлайн является чем-то бóльшим, чем заголовки новостей. Паутина столь богата возможностями, что является самым содержательным источником информации. Например, вебсайт «Би-Би-Си ньюс-онлайн» давал детальные отчеты об основных политических проблемах и отношении к ним политических партий, служил гидом по маргинальным избирательным округам, анализировал результаты опросов, публиковал в режиме онлайн выборку мнений 100 человек, которых опрашивали по различным проблемам в течение предвыборной кампании, представлял раздел «убеди меня голосовать», где избиратели, уже определившиеся в своем выборе кандидата, пытались побудить не желающих голосовать принять участие в выборах; в нем был раздел «виртуальное голосование», позволявший проигрывать свои варианты колебаний результатов, публиковал архив Би-Би-Си обо

всех выборах с 1945 г. и путеводитель по электоральной системе и местным выборам, регулярные рейтинги ведущих политиков.

В Англии извлекли уроки из краха высококапитализированных сайтов («политических сайтов» американских выборов 2000 г.) и в предвыборной кампании 2001 г. не было признаков того, что какие-либо инвесторы попытались сделать деньги на предоставлении информации в режиме онлайн. Английская практика показывает, что люди хотят иметь прямой доступ к информации, но отнюдь не без посредников, как утверждали не так давно энтузиасты Интернета.

Обратная связь, характерная для цифровых медиа, разрушила традиционное различие между информацией и коммуникацией. Вебсайты с предвыборными новостями не только обеспечивают информационные преимущества тем, кто к ним обращается, но и открывают новые каналы для публичной дискуссии. И тем не менее от Интернета, как средства влияния на массы в период предвыборной гонки, нельзя было ожидать слишком многого, поэтому нет ничего странного в том, что он не оправдал надежд.

Основной политический интерес к Интернету проявился только на второй неделе избирательной кампании, когда министр внутренних дел заявил об ужесточении законодательных мер в отношении детской порнографии в Интернете.

Роль Интернета в избирательной кампании, скорее всего, второстепенная, но вместе с тем молодое поколение ориентировано на работу с новыми технологиями и в ближайшем будущем можно ожидать дальнейшего роста интереса к интернеттехнологиям. 2001 год для Интернета стал тем, чем 1959 год для телевидения, когда использование телевидения в избирательной кампании было таким же новшеством, как сегодня выборы по Интернету. В те далекие 50-е продюсеры не были уверены в действенности телевидения, и целых пять лет понадобилось для понимания потенциальных возможностей телевидения в политике. 2001 год стал своего рода генеральной репетицией, как бы предвещающей грядущие изменения. Будущая роль Интернета в Великобритании определяется развитием трех элементов – технологического, политического и культурного характера. Если, как утверждает правительство, следующие всеобщие выборы в последний раз пройдут по традиционной схеме, то в 2009–2010 гг. выборы будут проходить только с использованием цифровых средств. У партий и провайдеров остается менее десяти лет для разработки новых программ, в рамках которых будет осуществляться политическая комму-

никация. Необходимо создать условия для роста интереса среди населения к Интернету, организовывая на его страницах всевозможные дискуссии по наиболее актуальным проблемам современности, проводя референдумы, например по вопросу введения евро. Традиционно аморфной и вяло изменяющейся английской политической культуре просто необходимы радикальные изменения, иначе интерес граждан к политическим проблемам будет продолжать падать и это неминуемо отразится на будущих выборах. Планы адаптации британской демократии к потребностям общества в век информации могут положить начало реальной политической эпохе Интернета.

Я.А.Севастьянова

III. ПАРТИИ И ВЫБОРЫ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

А.РЁМЕЛЛЕ*

СТРУКТУРА РАЗМЕЖЕВАНИЙ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ В ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ Römmele A.

Cleavage structure and party systems in East and Central Europe // Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania / Ed. by Lawson K., Römmele A., Karasimeonov G. — Westport, Connecticut, L.: Praeger 1999. — P. 3–17¹.

Новые развивающиеся демократии Восточной и Центральной Европы дали ученым-обществоведам возможность исследовать процесс формирования размежеваний, реакции партий и распределения партийных предпочтений избирателей. В этих странах новые отношения между социальными группами и партиями, между партиями и их избирателями находятся еще на стадии развития. Создаются новые имиджи партий. Граждане учатся заново тому, как использовать выборы для консолидации представительной демократии.

---

* *А.Рёмелле* — известный немецкий ученый, научный сотрудник Центра Европейских социальных исследований в Маннхейме, автор и редактор многочисленных публикаций по проблемам партий и выборов в странах Европы.

¹ Copyright © 1999 by Kay Lawson, Andrea Römmele, and Georgi Karasimeonov. Публикуются главы из коллективной монографии с разрешения Greenwood Publishing Group, Inc., Westport, CT.

Для того чтобы воспользоваться этой уникальной возможностью, представляется полезным взять в качестве отправной точки понятие «размежевание» — *cleavage*. Однако оно далеко не однозначно. Это понятие — одно из тех, что порождают страстные дебаты, редко приводящие к согласию. Поэтому имеет смысл начать с его анализа и, в частности, с развития данного понятия за прошедшие 30 лет, и проследить за тем, как оно используется в исследованиях, посвященных выборам и партиям.

Существует огромный массив теоретических и эмпирических исследований, посвященных понятию «размежевание». По всеобщему признанию, начало им было положено монографией «*Партийные системы и предпочтения избирателей*», вышедшей под редакцией Сеймура Мартина Липсета и Стивена Роккана. В ней, в частности, представлен и их собственный материал: «Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей: Введение» (Lipset и Rokkan, 1967). В этой работе авторы делают акцент на происхождении системы размежеваний, в то время доминировавшей в демократиях Западной Европы. Они также отмечают условия, необходимые для развития устойчивой системы размежевания и оппозиций, и анализируют реакцию граждан на партийные системы, возникшие на ее основе. Более того, Липсет и Роккан инициируют одну из наиболее плодотворных теоретических дискуссий в общественных науках второй половины XX в.

Рамочная структура, разработанная Липсетом и Рокканом, служит хорошей отправной точкой для попытки применить понятие размежеваний в исследовании партийных систем, возникающих в странах Восточной и Центральной Европы. Но прежде чем продвинуться вперед, необходимо проанализировать трансформацию этого понятия со времени его возникновения и попытаться определить ключевые различия (и сходство) между условиями, которые существовали в странах Западной Европы и исследовались Липсетом и Рокканом, и теми, что существуют сегодня в Восточной и Центральной Европе. Это и является основной задачей данной работы.

Мы начнем с обзора литературы, анализирующей два ключевых момента: значение понятия «*размежевание*» и полезность гипотезы *замерзания*. Наш краткий обзор не может детально оценить позиции различных авторов, но он показывает диапазон значений, приписываемых термину, и эмоции, которые были вызваны наиболее провоцирующими утверждениями Липсета и Роккана. Третья часть посвящена ситуации, сложившейся в Восточной и Центральной Европе после падения комму-

нистических режимов, и сравнению этой ситуации с той, что существовала в Западной Европе 30 лет назад. Каковы ключевые различия ситуаций? Каково их сходство? На какие вопросы следует искать ответы при исследовании новых демократий сквозь призму теории размежеваний?

Значение понятия «размежевание»

Обширная литература не дает удовлетворительного определения того, что же в действительности является размежеванием. Не существует согласия ни относительно того, каковы необходимые и достаточные условия для его появления, ни относительно того, какой должна быть типология размежеваний.

Однако для начала следует отметить, что понятие «размежевание» содержит компоненты двух видов: структурные и сущностные. Имеются три структурных компонента: *разделительный* (дифференциация, существующая между социальными группами), *конфликтный* (осознание дифференциации) и *организационный* (организация в защиту групповых идентичности и целей) [см. Bartolini и Mair, 1990]. По сущностному признаку различаются *социальные* и *политические* конфликты. Эта категория может использоваться при анализе влияния социальной стратификации на институты и модели поведения или влияния политических институтов на социальные структуры и изменения (Allardt, 1964). *Социальные размежевания* обычно определяются в терминах социальных установок (attitudes) и моделей поведения и рассматриваются как отражающие традиционные деления социальной стратификации. *Политические* размежевания определяются обычно в терминах политических установок и моделей поведения.

Социальные размежевания. Когда Липсет и Роккан пытались идентифицировать критические линии размежевания, которые исторически структурировали партийные системы западных демократий, они идентифицировали четыре главных социальных деления (divisions) и тщательно проследили их возникновение и развитие. Реформация и Контрреформация и различные национальные революции послужили *критическими пунктами* (critical junctions) в развитии делений между *центром* и *периферией* и между *государством* и *церковью*. Большинство конфликтов, подхваченных партиями, представляющими этнически, лингвистически и религиозно различающиеся группы населения периферий недавно возникших наций-государств, можно проследить вплоть до этих критических точек в истории Запада. Подобным образом Липсет

и Роккан показали, что промышленная революция дала рост двум дальнейшим формам социального деления: *деревня / города* и *рабочие / собственники*.

Липсет и Роккан идентифицировали четыре «порога», которые должна преодолеть любая политическая организация на пути инкорпорирования в партийную систему страны (см. табл. 1.1). Однако при тщательном рассмотрении мы находим, что эти «пороги» в действительности являются барьерами, определяющими формирование размежевания (пороги 3 и 4) и вхождение организации в политическую систему в качестве нового образования (пороги 3 и 4), которые система может сохранять, а может и не сохранять.

Другие авторы акцентируют внимание на социальном измерении размежевания. Майкл Галлахер, Майкл Лаве и Питер Мэйр предлагают следующее определение: «Во-первых, раскол предполагает наличие социального деления в терминах ключевых социальных характеристик, таких как род занятий, статус, религия, этническая принадлежность... Во-вторых, группы, к которым относится это деление, должны осознавать свою коллективную идентичность — рабочих или работодателей, например, — и хотеть действовать на этой основе... В-третьих, размежевание должно иметь организационное оформление. Обычно оно возникает как результат деятельности профсоюза, церкви, политической партии или какой-либо другой организации, которая обеспечивает формальное институциональное выражение интересам тех, кто находится по одну сторону деления» (Gallagher и др., 1992: 91 ff; см. также Bartolini и Mair, 1990; Mair, 1997).

Для процитированных выше авторов, размежевание — это не просто деление внутри общества, которое может привести, а может и не привести к конфликту; это конфликт внутри общества, который *организован*. Как отмечают Адам Пшеворски Джон Спрал, размежевание нельзя сводить просто к дальнейшему росту социальной стратификации; скорее, «социальные различия становятся размежеваниями, поскольку они организуются в качестве таковых» (Przeworski и Sprague, 1977).

Таблица 1

Четыре порога по Липсету и Роккану:
Резюме

Порог легитимации	Существует ли право подавать петиции, критиковать власть и участвовать в оппозиции? Могут ли различия между социальными группами быть
-------------------	--

	открыто выражены и артикулированы?
Порог инкорпорирования	Все ли члены социальной группы допущены к участию?
Порог репрезентации	Должно ли новое движение присоединиться к более крупному или уже существующему, чтобы обеспечить себе доступ к представительным органам, или же оно само может добиться представительства?
Порог власти большинства	Существует ли встроенный в систему механизм сдержек и противовесов против численного большинства или же победа на выборах дает партии или альянсу власть внести важные структурные изменения в национальную систему?

Однако не все определения, акцентированные на социальном измерении, включают организационный аспект. Дуглас Рэ и Майкл Тэйлор в своей часто цитируемой работе *«Анализ политических размежеваний»* предлагают следующее: «Размежевания суть критерии, которые разделяют социальную общность (community) или субобщность (subcommunity) на группы, и релевантными являются те размежевания, которые разделяют группы со значимыми политическими различиями в определенное время и в определенном месте» (Rae и Talor, 1970: 1). Далее они выдвигают предположение о существовании трех основных типов размежеваний: 1) аскриптивный, или “черта” (trait), к которому относятся такие размежевания, как раса или каста; 2) установочный (attitudinal), или “мнение”, такие размежевания, как идеология или предпочтение; 3) поведенческий, или “действие” (act) – размежевания, представленные такими видами деятельности, как голосование или вступление в какую-либо организацию. По отношению к структурному измерению Рэ и Тэйлор не рассматривают ни конфликт, ни организацию как необходимое условие существования размежевания.

Ян-Эрик Лэйн и Свант Эресон соглашаются с Рэ и Тэйлором, что конфликт и организация не являются существенными элементами в определении размежевания. Однако они акцентируют внимание на возможности конфликта: «Размежевание есть деление на базе некоторого критерия индивидов, групп или организаций, между которыми может произойти конфликт. Понятие размежевания не является, таким образом, идентичным понятию конфликта: размежевание может привести к

конфликту, но вовсе не обязательно сопровождается конфликтом. Деление индивидов, групп или организаций конституирует размежевание, если существует некоторая вероятность конфликта» (Lane и Ersson, 1994: 53). В противоположность Рэ и Тэйлор это определение рассматривает *вероятность* конфликта как необходимое условие для возникновения размежевания. Но так же, как у Rae и Talor, организационный аспект размежевания не рассматривается как необходимое условие его существования.

Типология Рэ и Тэйлора была подвергнута критике Бартолини и Мэйром, которые увидели в таком использовании термина «размежевание» его превращение в (catch-all) понятие, способное охватить почти все мыслимые типы политического деления (Bartolini and Mair, 1990: 215). Тогда как Ре и Тэйлор рассматривают три типа в качестве взаимоисключающих классов различных размежеваний, Бартолини и Мэйр видят в этих типах просто различные аспекты размежевания. Они полагают, что «термин ‘размежевание’ должен быть сведен к указанию разделяющей линии в политике, которая относится ко всем трем аспектам и объединяет их, и ...что для объективных социальных различий или идеологических, политических и организационных делений должны быть приняты альтернативные термины» (Bartolini and Mair, 1990: 216; см. также Parpi, 1979).

Политические размежевания. Для других авторов ключевыми факторами в выявлении существования размежеваний служат политические установки и модели поведения. Эти ученые акцентируют внимание на относительно стабильных моделях политической поляризации, в которых некоторые группы поддерживают одни направления политики (policies) или партии, тогда как другие – противоположные направления политики или партии. Это группы могут быть, а могут и не быть *социальными* группами; существенно только то, что имеются деления, которым придана *политическая* форма.

Эмпирический анализ показал, что класс является одним из самых мощных оснований для политического размежевания (см. Rose и Urwin, 1970, и Rose, 1974). Однако социальные перемены последнего времени привели к появлению размежеваний, в основе которых лежат не классы и даже не социальные группы, а скорее ценности или идеологии. Трансляция социальных делений в политические оппозиции стала значительно слабее (Schmitt, 1987). Рональд Инглхарт Inglehart утверждает, что структура размежеваний, лежащая в основе политических процессов

в странах Запада, претерпела глубокие изменения за время, прошедшее после Второй мировой войны, так как произошел сдвиг ценностей индивидов от материальных к постматериальным (Inglehart, 1977, 1981, 1990). Постматериалисты, вопреки тому, что живут в обществах, которые по традиции превыше всего ставят экономическую выгоду, отдают предпочтение таким целям, как чувство социальной общности (community) и качество жизни, не имеющие материального выражения. Выдвижение на первый план постматериальных проблем (таких, как охрана окружающей среды, равенство полов, одностороннее разоружение, неприятие ядерной энергетики, проблема аборт, права гомосексуалистов) уменьшило, как заявляют Инглхарт и его последователи, остроту политической поляризации на классовой основе. Новые политические деления возникают не из социального неравенства, а из идеологических и ценностных различий. Эти различия могут принимать организационную форму новых политических партий и, что даже более вероятно, *социальных движений* (Merkl, 1988: 582). В то время как социальные размежевания представлены (массовыми) организациями и политическими партиями, политические размежевания представлены слабо организованными движениями одной проблемы.

Хотя одни определения (например, Лейна и Эрссона, Галлахера и др.) однозначно отдают предпочтение социальным размежеваниям, а другие (например, Инглхарт) политическим, различие между ними часто бывает стерто. Очень трудно отграничить определения, которые подчеркивают социальные элементы, но требуют организационного компонента, от тех, что делают упор на политические составляющие, но рассматривают традиционные социальные деления в качестве исходной точки. Подобно определениям многих исследователей, работы которых мы рассматривали, наше собственное лежит где-то посередине. Наше внимание сфокусировано на партиях, которые возникли в этих новых системах, и поэтому нам было бы разумно подчеркнуть политические элементы. С другой стороны, мы стремимся найти источник размежеваний в старых и новых социальных делениях, пытаясь обнаружить, какие из них, возможно, сохранились, а какие фактически получили политическую репрезентацию благодаря партиям. Определение, которое мы сочли наиболее полезным для этих целей, имеет смешанный характер: Размежевания – это долговременные структурные конфликты, которые приводят к появлению противоположных позиций, представленных состояющимися политическими организациями. Мы не предполагаем изначально, что все социальные деления создают размежевания и что все размежевания являются

социальными, а также что существующие размежевания представлены скорее партиями, чем другими формами организации. Мы не считаем априори, что партии, утверждающие, что они представляют важные, реально существующие в обществе деления, действительно делают это. Наше определение заставляет нас рассматривать как социальные, так и политические элементы. Это позволяет нам увидеть, каким образом данные элементы взаимодействуют и каким образом иногда – нет.

Гипотеза замерзания

Как представлялось Липсету и Роккану в 1966 г., партийные системы Западной Европы были «заморожены» (frozen). «Партийные системы 1960-х годов отражают, за немногими значимыми исключениями, – говорят Липсет и Роккан, – структуры размежеваний 1920-х годов» (1967: 50). Эволюция массовых партий и высокая степень электоральной мобильности оставляют мало возможностей, как они заявляют, для развития новых партий (51). Различия между политическими партиями можно проследить ретроспективно к социальным делениям, доминировавшим в обществе во время их основания. Эти структурные конфликты сформировали общую модель для всей Западной Европы и привели к появлению массовых организаций для электоральных действий. Партии представляли собой «альянсы в конфликтах относительно политики и ценностных предпочтений в более широком контексте политического процесса (politics)» (5). (См. табл. 1.2.)

Гипотеза замерзания предлагает теоретическое, а также историческое объяснение стабильности электорального поведения в Европе в 1950-е и 1960-е годы. Это был период, когда стабилизировалась потенциально уязвимая новая партийная система Западной Германии и политика Британской лейбористской партии стала почти неотличимой от политики центристского правительства консерваторов. Именно в эту эпоху в поляризованной партийной системе Италии был установлен долговременный контроль правоцентристских Христианских демократов, а Франция приняла квазипрезидентскую конституционную систему, которая во многом способствовала успокоению кипучей прежде партийной системы. В Скандинавии доминирование Социал-демократов осталось неизменным (Gallagher et al., 1992: 99).

Таблица 1.2

**Размежевания, критические точки, проблемы
и семейства партий: Резюме**

<i>Размежевания</i>	<i>Критические точки</i>	<i>Проблемы</i>	<i>Партийные семьи</i>
Центр – периферия	Реформация– Контрреформация (XVI–XVII вв.)	Национальная vs. наднациональная религия; Национальный язык vs. латынь	Партии на этнической и языковой основе
Государство – Церковь	Национальная революция, 1789 г. и позднее	Светский vs. религиозный контроль над массовым образованием	Религиозные партии
Деревня – город	Промышленная революция, XIX в.	Уровень тарифов для сельскохозяйственной продукции vs. свобода для промышленных предприятий	Аграрные партии; Консервативные и либеральные партии
Собственники – рабочие	Русская революция, 1917–1991	Интеграция в национальную политику vs. вклад в интернациональное революционное движение	Социалистические и коммунистические партии

Доказательство было настолько внушительным и гипотеза настолько провоцирующей, что идея «замерзания» вызвала огромную волну исследований партийных систем и выборов на протяжении последующих 30 лет. Первая широкомасштабная эмпирическая проверка гипотезы была осуществлена в 1970 г., и авторы исследования Ричард Роуз и Дерек Эрвин поддержали Липсета и Роккана: «Какой бы индикатор изменений ни использовать, – пришли они к заключению, – картина остается неизменной: электропотенциал большинства партий в странах Запада со времени окончания войны менялся очень мало от выборов к выборам, от десятилетия к десятилетию или на протяжении жизни поколения... Первостепенная задача ученых-обществоведов, изучающих развитие партий и партийных систем с 1945 г., – объяснить отсутствие изменений в далеко не стабильный период политической истории» (Rose и Urwin, 1970: 295).

Однако многие из исследований, выполненных на основе гипотезы замерзания за последние 30 лет, двинулись в противоположном направ-

лении. Если даже партии были действительно заморожены, то ледник, как полагали новые исследования, отступает и начинается великое таяние. Одно из наиболее ранних тщательных и подробных аналитических исследований электоральной изменчивости в Западной Европе было осуществлено Могенс Педерсен (1979, 1983). Его собственную работу стимулировали выборы в Дании в 1973 г., которые произвели эффект землетрясения. Педерсен обнаружил существенную оттепель европейских партийных систем, а последующие исследования (Dalton и др., 1984; Shamir, 1984; Wolinetz, 1979, 1988) подтвердили это заключение. Клаус фон Бойне (1982) обнаружил тенденцию к большей фрагментации западноевропейских партийных систем: число партий, получающих более 2% голосов, во многих странах значительно увеличилось (см. также Harmel и Robertson, 1985).

Исследование Рональда Инглхарта, посвященное ценностным ориентациям и смене ценностей (см. выше), убедило его в том, что постматериалисты преуспели в постановке нового набора проблем и в создании политического измерения, которое пересекало традиционную ось «левые—правые». Мощные новые политические организации (защитники окружающей среды, защитники мира, женские движения и т.д.), которые были сформированы ими, бросили, как утверждает Inglehart, вызов установившимся партийным системам и изменили их (Inglehart, 1990, 1981, 1977).

Оддбьорн Кнутсен пошел еще дальше в использовании постматериалистического аргумента против гипотезы замерзания. Он утверждал, что новые проблемы пересекали линии установившихся размежеваний, основанных на социальной принадлежности, и тем самым ослабили не только партии, которые обслуживали их, но и сами связи. Для индивидов, принадлежащих к среднему классу, которых привлекали политические программы, например защитников окружающей среды, классовая солидарность, естественно, становится менее значимой. Согласно Knutson, постматериалисты угрожали подорвать и олигархический контроль правящих партий над политическим представительством тем, что подчеркивали необходимость обеспечения больших возможностей для участия в принятии политических решений и для дальнейшей демократизации общества и политического процесса. Более того, новые проблемы привлекли внимание социальных групп, которые до этого были слабо интегрированы в традиционные структуры социальной организации: молодежь, новый средний класс, лучше образованных и атеистов (Knutson, 1989).

Позднее Бартолини и Мэнр использовали этот аргумент более широко — в анализе изменчивости классового размежевания на протяжении всего прошлого столетия. В результате они получили смешанную картину, которая все же больше поддерживает концепцию замерзания, чем некоторые более ранние исследования. «Из нашего анализа наиболее ясно возникает одно — столетие массового участия в политике в Западной Европе можно рассматривать как столетие электоральной стабилизации», — заключают они (Bertolini и Mair, 1990 : 287). Но Бартолини и Мэнр отнюдь не утверждают, что ничего не изменилось. Они признают, что избиратели действительно сменили партии. Однако при этом те, кто был слева, чаще двигались к другим левым партиям, тогда как правые избиратели перемещались к партиям правого крыла. В широком смысле, партийные системы в то время, как говорят Бартолини и Мэйр, оставались замороженными, даже если избиратели и меняли свои партийные предпочтения. Они правы в том, что обращают наше внимание на это существенное различие. Единица анализа в исследовании размежевания — не избиратель и не партия. Это все партии, представляющие ту или иную сторону существующего социального деления. Падение поддержки избирателями определенной партии не обязательно означает общее ослабление размежевания.

Тем не менее ясно, что связь между партиями и группами в партийных системах Западной Европы не осталась такой статичной, как предполагает термин «замерзание». Укоренившиеся в этих системах партии проявили готовность к расширению своих программных предложений с тем, чтобы привлечь избирателей, которые ранее не рассматривались как потенциальный источник поддержки; новые проблемы были представлены новыми возникшими партиями. Более того, вполне очевидно, что этот процесс уже происходил в то время, когда Липсет и Роккан формулировали свою гипотезу. В работе, опубликованной в том же году, что и *«Партийные системы и предпочтения избирателей»*, Отто Киркхаймер утверждал, что ослабление старых связей между партиями и социальными группами способствовало процессу возникновения нового типа партий — catch-all. Партии этого типа сознательно ориентировались на широкий электорат, который можно было привлечь смягчением и преодолением размежеваний прошлого (Kirchheimer, 1966; см также Epstein, 1967). В 1984 г. Рассел Далтен показал, что послевоенная решимость немецких христианских демократов преодолеть исторические религиозные различия между католиками и протестантами

Бад-Годесбергское решение немецких социал-демократов сдвинуться к центру привели вместе к значительному ослаблению в стране социальной напряженности и конфликта партийных предпочтений. Это позволило индивидам, которые были лишь маргинально привязаны к традиционным социальным сетям или тем, кто был сильно привержен новым политическим вызовам, формировать новые партийные связи (Dalton, 1984). Более поздние исследования соотнесли эти изменения в партийных программах с организационными изменениями внутри партий и новыми формами электоральных стратегий (Lawson, 1994; Katz и Mair, 1995; Ware, 1996).

Более того, тогда как многие старые партии отбросили то, что они теперь считали излишним идеологическим и программным багажом, новые организации продолжали создаваться вокруг постматериалистических и других недавно получивших актуальность проблем. Такие организации редко оформляются изначально в виде партий. Действительно, антагонизм, направленный против партий и других традиционных форм политической организации, часто оказывается сильным. Участие должно быть прямым, и лидеры должны следовать указаниям своих сторонников. Политика должна осуществляться движениями, но не партиями. Тем не менее возникли и заняли свое место в нескольких европейских парламентах партии зеленых (Poguntke, 1993; Muller-Rommel, 1993); в Исландии была учреждена женская партия Women's Alliance (Союз женщин), которая на выборах в парламент (Althing) получила 5,5% голосов в 1983 г. и 10% в 1987 г. (Styrkarsdottir, 1986; Knutsen, 1989).

Таким образом, совершенно очевидно, что партийные системы Западной Европы в последние годы подталяли в гораздо большей степени, чем можно было бы ожидать от простого сдвига избирателей к партиям того же самого идеологического спектра или замещением одной партии другой в той же самой группе. Гипотеза замерзания сейчас требует модификации; обстоятельства, влияющие на формирование партийных систем, могут определить их общие контуры на многие годы, пока партии не найдут лучшего способа привлекать избирателей, чем продолжать взывать к той же категории граждан, которая когда-то обеспечила им изначальный успех.

Перспективы формирования партий в соответствии с размежеваниями: Радикальное различие условий в Западной и Восточной/Центральной Европе

В заключение мы напомним о четырех ключевых различиях, определяющих формирование новых политических режимов и новых партий в Восточной и Центральной Европе, четырех условиях, которых не существовало в Западной Европе 20-х годов:

Ход и сложность транзита. Как указывает Клаус Оффе, посткоммунистическая Европа в действительности проживает «тройной транзит», предполагающий не просто демократизацию, но и масштабный переход к рыночной экономике, а также государственное строительство. То, на что Западной Европе понадобилось несколько столетий (от создания нации-государства до капитализма и затем демократии), посткоммунистические страны должны завершить одновременно и в течение максимально короткого периода времени (Offe, 1992: 14).

Различие электоратов. Хотя западные партийные системы, вероятно, больше не заморожены и западные электоральные альянсы демонстрируют все большую нестабильность (Franklin, Mackie и Valen и др., 1992), внутри сложившихся партийных систем Запада сохраняется сильная предрасположенность к преемственности и инерционности (Bertolini и Mair, 1990; Mair, 1997). С другой стороны, в Восточной и Центральной Европе электорат гораздо более открыт и восприимчив к влиянию, гораздо более нестабилен и неопределен. Старые размежевания могут появиться, а могут и не появиться вновь, но даже когда они появляются, они должны каким-то образом закрепиться в радикально изменившихся условиях. Первые годы этих систем и их только что демократизировавшихся электоратов неизбежно отмечены нестабильностью и непредсказуемостью.

Различия в типе партии. В том виде, как они сформировались, партии Западной Европы были способны мобилизовать коллективные политические идентичности. Когда они устанавливали полупостоянные связи с теми, кто находился по ту или другую сторону важных размежеваний, то использовали потенциал уже существовавших организационных сетей. Электораты были, следовательно, «эффективно сегментированы ... в относительно стабильные и закрытые блоки» (Mair, 1997: 183). Обстоятельства крушения коммунизма, повлекшие за собой широко-масштабный отказ от существовавших ранее идентичностей и сетей, не могли дать новым партиям Восточной и Центральной Европы таких преимуществ. Новые партии являются скорее харизматическими и клиентельными, чем программными. Харизматические партии, которые мало

чем отличаются от неструктурированных людских масс, собравшихся вокруг лидера, не требуют больших организационных расходов и построения политического консенсуса; клиентеллистские партии, в частности патронажные организации, лучше организованы и обязаны обеспечивать постоянный поток ресурсов своим последователям (Kitchelt, 1995: 449). Ни харизматические, ни клиентельные партии не способны создать своего рода социетальные и политические скрепы (например, коллективные идентичности и организационные сети, как в гипотезе Мэира), которые позволяют им установить тесную программную координацию между сторонниками партии и лидерами. (В действительности они могут быть просто не заинтересованы в этом.) Отсутствие такой координации делает мало вероятным, что партии осознают и ответят на разделение общественного мнения — размежевания, фактически присутствующие в их обществах.

Роль средств массовой информации. СМИ в странах Восточной и Центральной Европы подвергались жесткой цензуре и контролю при коммунистических режимах. Они выполняли роль инструмента правящей элиты, посредством которого популяризировались государственная политика и правящая идеология. Посткоммунистическая политика либерализации и приватизации все изменила (Splichal, 1994:29), и современные акторы очень быстро адаптировались к новой свободе. Получила распространение политика маркетинга, с присущими ей ростом стоимости кампаний, акцентом на кандидатов с высоким персональным рейтингом, спросом на проблемы, затрагивающие все слои общества («catchy» issues). Коммерциализация политики посредством СМИ, которая стала сильным фактором в ослаблении прежних связей между партиями и избирателями на Западе, проявилась с самого начала на Востоке. Связь между социальными делениями и политическими партиями ослабевает в той мере, в какой кампании используются больше для манипулирования общественным мнением, чем для того, чтобы соответствовать ему.

Условия, существующие сейчас в Восточной и Центральной Европе, позволяют предположить, что едва ли можно провести параллель между процессом формирования там политических партий и прошлым опытом Запада. Но, очевидно, не стоит полагаться на предположения. Чтобы найти ответы, которые мы ищем, следует обратиться к скрупулезным исследованиям политического развития в конкретных странах до, во время и после падения коммунистического правления, которые

выполнили десять ученых из пяти стран Восточной и Центральной Европы.

Примечания

1. Не все эти проблемы соответствуют постматериальной категории, предложенной Инглхартом. Например, вопросы экономических прав и физической безопасности, поднимавшиеся женскими движениями, по определению попадают под материалистическую категорию.
2. В настоящее время осуществляются два больших проекта. В исследованиях, проводимых в рамках серии *Учредительные выборы в Восточной Европе* (Берлин: Издательство Sigma Edition) под руководством Ханса-Дитера Клингеманна и Чарлза Льюиса Тейлора, анализируются ранние выборы и формирование власти в политических трансформациях, которые происходят в новых демократиях в Центральной и Восточной Европе. Ученые в каждой из новых демократий исследуют ранние демократические выборы в своих странах и документируют опросы общественного мнения, которые они проводили до и после выборов. Опубликован отдельный том с описанием и предварительным анализом по каждой стране. Главы включают такие темы, как обзор текущего транзита, история развития политических партий, исследование влияния электоральных систем на результаты выборов, анализ электорального поведения населения, исследование персоналий политиков, выставивших свои кандидатуры на выборах, а также процесса формирования правительства после выборов. Также включены законодательные акты, регулирующие создание и деятельность политических партий, и акты, которые определяют и конституируют избирательную систему. С 1991 г. Ричард Реуз ежегодно проводит в странах Центральной и Восточной Европы *New Democracies Barometer* (Барометр Новых демократий) – национальные опросы общественного мнения. Около тысячи респондентов в каждой из десяти стран – Чешской Республике, Словакии, Венгрии, Польше, Румынии, Болгарии, Словении, Хорватии, Белоруссии и Украине – интервьюируются по экономическим, политическим и социальным установкам и поведению. В каждой стране используются одни и те же вопросы, что позволяет провести кросс-национальные сравнения. А то что ключевые вопросы повторяются из года в год, позволяет анализировать тренды как для каждой страны, так и для всего разнообразия посткоммунистических обществ.

Список литературы

Alford, Robert R. 1963. *Party and Society: The Anglo-American Democracies*. Chicago: McNally.

- Allardt, Erik. 1964. *Cleavages, Ideologies and Party Systems*. Helsinki: The Academic Bookstore.
- Andersen, J. G. and T. Bjorklund. 1990. «Structural Changes and New Cleavages: the Progress Parties in Denmark and Norway». *Acta Sociologica* 33 : 195–218.
- Baker, Kendall, Russel Dalton and Kai Hildebrandt. 1981. *Germany Transformed. Political Culture and the New Politics*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bartolini, Stefano and Peter Mair. 1990. *Identity, Competition, and Electoral Availability*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ben-Rafael, E., H. Shteyer and E. Lewin. 1989. Israel as a Multi-Cleavage Setting. *Plural Societies* 19: 21–40.
- Berglund, Sten and Jan A. Dellenbrant, eds. 1991. *The New Democracies in Eastern Europe: Party Systems and Political Cleavage*. Aldershot: E. Elgar.
- Brown, Robert. 1995. «Party Cleavages and Welfare Effort in the American States». *American Political Science Review* 89: 23–33.
- Dalton, Russell J. 1996. «Political Cleavages, Issues, and Electoral Change». In Lawrence LeDuc, Richard G. Niemi, and Pippa Norris (eds.), *Comparing Democracies. Elections and Voting in Global Perspective*, 319–342. Thousand Oaks/London/New Delhi: Sage Publications.
- Dalton, Russell J., Scott C. Flanagan and Paul A. Beck. 1984. *Electoral Change in Advanced Industrial Democracies*. Princeton: Princeton University Press.
- Eckstein, Harry. 1966. *Division and Cohesion in Democracy. A Study in Norway*. Princeton: Princeton University Press.
- Epstein, Leon. 1967. *Political Parties in Western Democracies*. London: Pall Mall.
- Epstein, Leon. 1980. *Political Parties in Western Democracies*. New Brunswick: Transaction Books.
- Franklin, Mark N., Thomas T. Mackie, Henry Valen et al. 1992. *Electoral Change: Responses to Social and Attitudinal Structures in Western Countries*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gallagher, Michael Laver and Peter Mair. 1992. *Representative Government in Western Europe*. New York: McGraw Hill.
- Grove, John D. 1977. «A Cross-National Examination of Cross-Cutting and Reinforcing Cultural Cleavages». *International Journal of Comparative Sociology* 18: 217–27.
- Hallenberger, Gerd and Michael Krzeminski. 1994. *Osteuropa. Medienlandschaft im Umbruch*. Berlin: Vistas.
- Harmel, Robert and John D. Robertson. 1985. «Formation and Success of New Parties: A Cross-National Analysis». *International Political Science Review* 6 (4): 501–23.

Harmel, Robert and Lars Svasand. 1997. «The Influence of New Parties on Old Parties' Platforms: The Cases of the Progress Parties and Conservative Parties of Denmark and Norway». *Party Politics* 3: 315–40.

Hoel, Marit and Oddbjørn Knutsen. 1989. «Social Class, Gender, and Sector Employment as Political Cleavages in Scandinavia». *Acta Sociologica* 32: 181–201.

Howell, Susan and James Vanderleeuw. 1990. «A Social Cleavage Model of Ideological Identification». *Southeastern Political Review* 18:1–15.

Inglehart, Ronald. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Politics*. Princeton: Princeton University Press.

Indlehav, Ronald 1981. «Postmaterialism in an Environment of Insecurity». *American Political Science Review* 75 : 880–900.

Indlehav, Ronald 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.

Jahn, Detlef. 1993. «The Rise and Decline of New Politics and the Greens in Sweden and Germany: Resource Dependence and New Social Cleavages». *European Journal of Political Research* 24: 177–94.

Johnston, Richard and William Irvine. 1985. «The Reproduction of the Religious Cleavage in Canadian Elections». *Canadian Journal of Political Science* 18: 99–114.

Katz, Richard and Peter Mair. 1995. «Changing Models of Party Organization and Democracy: The Emergence of the Cartel Party». *Party Politics* 1: 5–28.

Kirchheimer, Otto. 1966. «The Transformation of the Western Party System», in Joseph La Palombara and Myron Weiner, *Political Parties and Political Development*. Princeton: Princeton University Press.

Kitschelt, Herbert. 1995. «Formation of Party Cleavages in Post–communist Democracies: Theoretical Propositions». *Party Politics* 1: 447–72.

Knutsen, Oddbjørn. 1989. «Cleavage Dimensions in Ten West European Countries: A Comparative Empirical Analysis». *Comparative Political Studies* 21: 495–534.

Knutsen, Oddbjørn 1990. «The Materialist/Post-Materialist Value Dimension as a Party Cleavage in the Nordic Countries». *West European Politics* 13: 258–74.

Körösenyi, András. 1993. «Stable or Fragile Democracy? Political Cleavages and Party Systems in Hungary». *Government and Opposition* 28: 87–104.

Lane, Jan–Eric and Svante O. Ersson. 1994. *Politics and Society in Western Europe*, 3rd ed. London/Thousand Oaks/New Delhi: Sage.

Laponce, Jean A. und R. Uhler. 1974. «Measuring Electoral Cleavages in a Multi-party System: The Canadian Case». *Comparative Political Studies* 1: 3–25.

Lawson, Kay, ed. 1994. *How Political Parties Work: Perspectives from Within*. Westport: Praeger.

Lijphart, Arend. 1971. *Class Voting and Religious Voting in the European Democracies: A Preliminary Report*. Glasgow: University of Strathclyde.

Lijphart, Arend. 1981. «Political Parties: Ideologies and Programs». In David Butler et al. (ed.), *Democracy at the Polls. A Comparative Study of Competitive National Elections*. Washington: American Enterprise Institute.

Zigphavt, Avend 1982. «The Relative Salience of Socio-Economic and Religious Issue-Dimensions». *European Journal of Political Research* 10: 201–11.

Lipset, Seymour M., 1959. *Political Man*. New York: Doubleday.

Lipset, Seymour M. and Stein Rokkan. 1967. «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction». In Lipset, Seymour M. and Stein Rokkan, *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, 1–64. New York: The Free Press.

MacHale, Vincent and Dennis Paranzino. 1975. «Development Change and Electoral Cleavage in France. Government and Opposition in the 5th Republic». *Canadian Journal of Political Science* 8: 431–53.

Maguire, Maria. 1983. «Is There Still Persistence? Electoral Change in Western Europe, 1948–1979». In Hans Daalder and Peter Mair (eds.), *Western European Party Systems. Continuity and Change*, 67–94. London: Sage.

Mair, Peter. 1997. *Party System Change: Approaches and Interpretations*. Oxford: Oxford University Press.

Menahem, Gila. 1992. «Social Cleavage and Political Divisions in Community». *International Journal of Contemporary Sociology* 29: 97–113.

Menahen, Cila «Social Cleavage, Political Division and Local Political Leadership Recruitment». *Journal of Theoretical Politics* 5: 375–95.

Merkel, Peter H. 1988. «The Challengers of the Party Systems». In Kay Lawson and Peter H. Merkel (eds.), *When Parties Fail: Emerging Alternative Organizations*, 561–588. Princeton: Princeton University Press.

Michel, Robert. 1966. *Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracies*. New York: Free Press.

Muller-Rommel, Ferdinand. 1993. *Grüne Parteien in Westeuropa: Entwicklungsphasen und Erfolgsbedingungen*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Offe, Claus. 1992. «Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East-Central Europe». In Gyorgy Lengyl, Claus Offe, and Jochen Tholen (eds.), *Economic Institutions, Actors and Attitudes: East Central Europe in Transition*, 11–22. Budapest: University of Economic Sciences.

Offerlé, Michel. 1987. *Les Partis Politiques*. Paris: Presses Universitaires de France.

Ostrogorski, Moisei. 1970. *Democracy and the Organization of Political Parties*. New York: Haskell.

- Panbianco, Angelo. 1988. *Political Parties: Organization and Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pappi, Franz U. and P. Mnich. 1992. «Social Structure and Party Choice in the Federal Republic of Germany since the 1960s». In Mark Franklin and Thomas T. Mackie et al., *Electoral Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pappi, Franz U. and M. Terwey. 1982. «The German Electorate: Old Cleavages and New Political Conflict». In Herbert Doring and G. Smith (eds.), *Party Government and Political Culture in Germany*, 174–96. London and Basingstoke.
- Pappi, Franz U. 1979. «Konstanz und Wandel der Hauptspannungslinien in der Bundesrepublik». In Joachim Matthes (ed.), *Sozialer Wandel in Westeuropa*. Verhandlungen des 19. Soziologentages Berlin, Frankfurt: Campus. 465–79.
- Pedersen, Mogens N. 1979. «The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility». *European Journal of Political Research* 7(1): 1–26.
- Pedersen, Mogens N. 1983. «Patterns of Electoral Volatility in European Party Systems: Explorations in Explanation». In Hans Daalder and Peter Mair, *Western European Party Systems: Continuity and Change*. London: Sage.
- Pizzorno, Allesandro. 1981. «Interests and Parties in Pluralism». In Suzanne Berger (ed.), *Organizing Interests in Western Europe: Pluralism, Corporatism, and the Transformation of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Poguntke, Thomas. 1993. *Alternative Politics: The German Green Party*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Powell, Bingham. 1976. «Political Cleavage Structure, Cross-Pressure Processes, and Partisanship: An Empirical Test of the Theory». *American Journal of Political Science* 20: 1–23.
- Przeworski, Adam and John Sprague. 1977. *A History of Western European Socialism*. Paper presented to the Annual Meeting of the American Political Science Association, Washington, D.C.
- Rae, Douglas W. and Michael Taylor. 1970. *The Analysis of Political Cleavages*. New Haven/London: University Press.
- Rae, Nicol. 1992. «Class and Culture: American Political Cleavages in the 20th Century». In *Western Political Quarterly* 45: 629–50.
- Ragin, Charles. 1977. «Class, Status, and 'Reactive Ethnic Cleavages': The Social Bases of Political Regionalism». *American Sociological Review* 42: 438–50.
- Rokkan, Stein. 1980. «Eine Familie von Modellen für die vergleichende Geschichte Europas». In *Zeitschrift für Soziologie* 9: 118–28.
- Rose, Richard and Derek W. Urwin, 1970. Persistence and Change in Western Party Systems Since 1945». *Political Studies* 18: 287–319.
- Rose, Richard, ed. 1974. *Electoral Behaviour: A Comparative Handbook*. New York: Free Press.
- Sartori, Giovanni. 1976. *Parties and Party Systems. A Framework for Analysis*.

- Cambridge: Cambridge University Press.
- Scase, Richard. 1977. *Industrial Society: Class, Cleavage and Control*. New York: St. Martin's Press.
- Schmitt, Hermann. 1987. *Neue Politik in alien Parteien*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Schneider, William. 1974. «Issues, Voting, and Cleavages: A Methodology and Some Tests». *American Behavioral Scientist* 18: 111–46.
- Scholten, IJla. 1987. *Political Stability and Neo-Corporatism: Corporatist Integration and Societal Cleavages in Western Europe*. London: Sage Publications.
- Seiler, Daniel. 1977. «Cleavages, Regions, and Political Science: Application of a Schema of Analysis to Switzerland and Belgium». *Canadian Journal of Political Science* 10: 447–72.
- Shamir, Michael. 1984. «Are Western Party Systems 'Frozen'? A Comparative Dynamic Analysis». *Comparative Political Studies* 12: 35–79.
- Smith, Gordon. 1976. «Social Movements and Party Systems in Western Europe». In Martina Kolinsky and William Patterson (eds.), *Social and Political Movements in Western Europe*. New York: St. Martin's Press.
- Sparks, Colin and Anna Readon. 1995. «Re-regulating Television after Communism: A Comparative Analysis of Poland, Hungary, and the Czech Republic». In Farrel Coccoran and Pachal Perston (eds.), *Democracy and Communication in the New Europe. Change and Continuity in East and West*, 31–50. Cresskill: Hampton, Splichal, Slavko. 1994. *Media Beyond Socialism. Theory and Practice in East–Central Europe*. Boulder: Westview.
- Styrkárdsdóttir, Audur. 1986. «From Social Movement to Political Party: The New Women's Movement in Iceland». In Drude Dahlerup (ed.), *The New Women's Movement*. London: Sage Publications.
- Stinchcombe, Arthur. 1975. «Social Structure and Politics». In Fred Greenstein and N.W. Polsby (eds.), *Maeropolitical Theory, Handbook of Political Science*, vol. 3, 557–622. Reading: Addison Wesley.
- Svallfors, Stefan. 1995. «The End of Class Politics? Structural Cleavages and Attitudes to Swedish Welfare Policies». *Acta Sociologica* 38: 53–74.
- Taylor–Gooby, Peter. 1986. «Consumption Cleavages and Welfare Politics». *Political Studies* 34: 592–606.
- Von Beyme, Klaus. 1982. *Parteien in westlichen Demokratien*. München: Piper Verlag.
- Voye, Liliane and Jean Remy. 1986. «Persistence of Traditional Cleavages and Differences in Priorities». *Tijdschrift voor Sociologie* 7: 165–87.
- Ware, Alan. 1996. *Political Parties and Party Systems*. Oxford: Oxford University Press.
- Wolinetz, Steven B. 1979. «The Transformation of Western European Party Systems Revisited». *West European Politics* 1: 4–28.
- Wolinetz, Steven B., ed. 1988. *Parties and Party Systems in Liberal Democracies*. London and New York: Routledge.

Wright, James and Daniel Holub. 1979. «Social Cleavage and Party Affiliation Revisited: A Comparison of West Germany and the United States». *Sociology and Social Research* 63: 671–97.

Zuckermann, Alan. 1975. «Political Cleavages: A Conceptual and Theoretical Analysis». *British Journal of Political Science* 5: 231–48.

Перевод *А.Н.Кулика*

СЕЙЛЕ Д.-Л.*

**ПРИМЕНИМЫ ЛИ РАЗМЕЖЕВАНИЯ РОККАНА
К ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ?**

(Реферат)

Seiler D.-L.

Peut-on appliquer les clivages de Rokkan à l'Europe centrale? // Partis politiques et démocratie en Europe centrale et orientale/ Ed. par J.-M. de Waele. – Bruxelles: L'Univ. de Bruxelles, 2002. – P. 115–144.

В статье Д.-Л. Сейле предлагает свой взгляд на проблему применимости концепции размежеваний к посткоммунистическим странам. Он считает, что спустя более трех десятилетий парадигма основных размежеваний, созданная норвежским политологом и социологом Стейном Рокканом, продолжает оставаться наиболее полной и аргументированной концепцией партийных систем в Европе. Поэтому логично, что сегодня многие политологи обращаются к ней, чтобы охарактеризовать партии новых демократий.

Автор напоминает, что модель Роккана, построенная исследователем в 1967 г., основана на теории Парсонса. Роккан структурирует размежевания по двум осям: функциональной и территориально-культурной. Он выделяет две революции: национальную и индустриальную, которым соответствуют четыре основных размежевания:

---

* *Даниэль-Луи Сейле* – профессор политологии Института политических наук в Бордо, исследователь партийной политики, автор многочисленных научных трудов о партийной политике.

центр/периферия, церковь/государство, первичный/вторичный сектор и собственники/рабочие.

Автор, вслед за Рокканом, выделяет несколько этапов формирования социально-политических размежеваний: социальные противоречия — борьба — конфликты — размежевания — консенсус, предполагая при этом, что для того, чтобы стать размежеваниями, социальные противоречия и конфликты должны быть объективированы политическими партиями.

Он подчеркивает эпохальность двух выделенных Рокканом революций и их важность для трансформации социальных противоречий в социально-политические конфликты: формирующаяся нация выступает в качестве отправной точки политической идентичности, а рынок — в роли экономического регулятора и источника ресурсов.

Социально-политические конфликты

Выдвинутое рядом политологов предположение о возникновении нового размежевания — между материалистами и постматериалистами — противоречит макросоциологическому и макроисторическому подходам, использованным С.Рокканом. Р.Инглхарт анализирует среднесрочную перспективу, а выделенная им революция ценностей по своим последствиям не сопоставима с национальной и индустриальной.

Необходимо отметить, что две основные характеристики, используемые в модели Роккана (оси конфликтов и революции), имеют разную природу. Оси представляют собой варианты одной из универсальных структурных характеристик человеческого ума — пространственно-временной.

Д.-Л.Сейле пишет, что национальная и агропромышленная революции определили историю капиталистического Запада, где имелись довольно специфические условия, определившие систему размежеваний. Ее нельзя безусловно использовать для изучения любого региона мира. В истории каждой конкретной страны нужно искать специфические условия, которые направляют развитие системы конфликтов и размежеваний.

Сейле видит основную задачу своего исследования в изучении не только современного состояния партийных систем, но и их развития до утверждения коммунистического или фашистского режимов, т.е. периода, когда могла быть применена модель Роккана. Нельзя забывать так-

же, какое огромное влияние на эти страны оказали 40 лет социализма. Поэтому Сейле также проводит анализ двойного перехода: сначала к социализму, а затем к западной системе, представлявшего собой революцию в роккановском понимании.

Страны Центральной и Восточной Европы были объектом русского экспансионизма и одновременно жертвой раздела мира между двумя супердержавами. Поэтому чтобы произвести анализ реалий Центральной и Восточной Европы с помощью теории Роккана, нужно переформулировать саму модель: «Отойти от ее буквы ради обретения смысла» (с.120).

По Роккану, считает автор, система размежеваний в странах Европы конца 60-х годов осталась такой же, какой она была после расширения всеобщего избирательного права после Первой мировой войны. Многие страны Восточной Европы до 1939 г. сформировались на обломках Германской и Австрийской империй. В Венгрии существовал такой же режим ограниченного представительства, как в Бельгии или Нидерландах. Представительные начала были существенно ограничены в период правления адмирала Хорти. Во второй Польской республике также присутствовали демократические начала, не более нестабильные, чем в Испании в 1918—1940 гг. Что касается Богемии и Моравии, то они были совершенно полноценными парламентскими демократиями, зародившимися еще во времена вхождения Чехии в состав Австро-Венгрии. Впоследствии они доказали свою эффективность и устойчивость. То же самое можно утверждать в отношении Словении, наследовавшей демократические традиции от Австрии. Попытки Румынии укоренить демократические порядки по западному образцу были неудачными.

Однако обе революции, сформировавшие совокупность четырех размежеваний, начались задолго до процесса демократизации, наблюдаемого в настоящее время в странах Восточной Европы. Национальная и агропромышленная революция происходили в разное время: в основном XVI век был охвачен национальной революцией, тогда как XIX—XX века — агропромышленной.

Для Роккана национальная революция соответствует размежеванию, существующему в рамках западного христианского мира. После этой революции в таких странах, как Эстония, Словакия, Трансильвания, укоренилось лютеранство, в Венгрии получил развитие кальвинизм. Эти серьезные изменения породили первые размежевания (церковь/государство и центр/периферия), на базе которых затем были созданы

многочисленные политические партии. Автор пишет, что в странах Восточной Европы промышленная революция произошла довольно поздно. Объясняется это отсутствием реформ в аграрном секторе, продолжительным существованием крепостного права и сохранением огромных латифундий. Кроме того, все эти страны вошли в состав крупных империй и почти не имели автономии.

Когда же там возникли представительные (недемократические) системы, сформировалась и многопартийная структура парламента, основывающаяся на пересечении четырех размежеваний Роккана: в них были представлены социал-демократические, христианско-демократические, либеральные и консервативные силы. Сейле пишет, что за период существования коммунистических режимов удалось выжить только трем организациям: Народной партии Чехии, Народной партии Польши и Венгерской партии мелких собственников.

Чтобы оценить возможности возрождения ранее существовавших партийных организаций, автор последовательно рассматривает все четыре размежевания Роккана.

Первое размежевание, порожденное национальной революцией, проходит между центром, формирующим национальную культуру, и сопротивляющимся населением подчиненных провинций, отличающимся по этническим, религиозным и лингвистическим характеристикам. Социализм усилил данное размежевание, породив новые партии, выражающие интересы центра и периферии. После падения советских режимов во многих странах Восточной Европы появились националистические организации, артикулирующие интересы центра, как правило, самой большой этнической общности, а также многочисленные партии периферии, защищающие интересы этнических и национальных меньшинств (например, партия венгров в Словакии).

Второе размежевание, также произошедшее в результате национальной революции, проходит между государством-нацией, централизующим и стандартизирующим институтом и корпоративными привилегиями церкви. До 1939 г. в Венгрии, Польше, Словакии и Словении существовали партии христианских демократов. После падения коммунистических режимов в Центральной Восточной Европе противоречия между церковью и государством чаще всего возникали по поводу недвижимости, конфискованной коммунистическими правительствами. В целом, эти противоречия не послужили серьезной основой для формирования политических размежеваний. Тем не менее в ряде стран это размежевание проявилось на уровне партийных структур. В частности, Избирательное объединение «Солидарность» в Польше было поддержано рели-

гиозным движением «Друзья Радио-Марии», профсоюзом рабочих-католиков «Солидарность» и епископатом.

Третьим конфликтом стало столкновение интересов сельских жителей с интересами промышленников и предпринимателей, усилившихся во время индустриальной революции. В Восточной Европе этот конфликт явился первоначальным структурирующим элементом партийной системы, а также основой размежевания, сходного с размежеванием, существовавшим в странах Бенилюкса, в Италии и в Швейцарии между государством и церковью. Однако, как пишет Сейле, размежевание город/село, существующее в странах Центральной и Восточной Европы, имеет как экономическую, так и культурную основу. Наиболее полно эта историческая традиция представлена в Венгрии, где и сейчас размежевание по этому принципу существует в партийной системе.

Четвертым размежеванием, существовавшим в странах Западной Европы, за исключением Ирландии, был конфликт между собственниками, работодателями, с одной стороны, и трудящимися, рабочими — с другой. В Восточной Европе 40 лет коммунистического режима оказали наибольшее влияние именно на это противостояние: коллективизация средств производства и обмена, экспроприация капитала уничтожили данное размежевание Роккана. Вместе с тем, как пишет автор, перераспределение ценностей осуществлялось в интересах государственных чиновников, бюрократов, т.е. номенклатуры. Однако надо заметить, что до прихода к власти коммунистов только в Чехословакии в полной мере существовало соответствующее западному уровню развития размежевание собственники/рабочие. Другие страны этого региона к моменту утверждения коммунистических режимов не имели достаточно развитой капиталистической системы, чтобы, основываясь на конфликтах между двумя основными классами, создавать партии.

В рассматриваемых странах «буржуазные» партии практически не имеют влияния. Там доминируют организации, представляющие интересы рабочих. Автор выделяет три типа социалистических партий. Первый тип (например, Социал-демократическая партия Чехии) отличается неустойчивостью и сложной структурой. Два других типа возникли на основе старых коммунистических партий и частично или полностью повторяют их идеологию. В качестве примера второго типа может быть приведена Венгерская социалистическая партия. Третий тип включает в себя партии, выступающие против демократизации, по крайней мере в ее полном виде. Примером такой организации может служить Коммунистиче-

ская партия Чехии, выражающая ностальгию своего электората по советскому прошлому. Эти партии не могут быть классифицированы в рамках модели четырех размежеваний Роккана.

Жан Шарло предложил выделять пятое размежевание — между государством и гражданским обществом. По мнению Шарло, это различие не характерно для западных стран, оно проявляется лишь на Востоке Европы. В странах советского блока коммунистические партии, поглотившие социал-демократические, были, если пользоваться терминологией Арона, монополистическими. При анализе партий-наследниц Сейле предлагает использовать синхронический и диахронический методы. При этом исследователь задается вопросами: выступала ли та или иная партия выразителем политической воли трудящихся? Какова была ее роль в процессе демократизации страны?

Рабочая гипотеза, предложенная автором, заключается в том, что партии, существование которых невозможно объяснить с помощью четырех размежеваний, выделенных Рокканом и которые могут быть классифицированы только с большими оговорками, появляются по другим причинам. Речь идет о третьей революции, произошедшей только в посткоммунистических европейских странах. Три соображения свидетельствуют в пользу этой гипотезы. Во-первых, партийные системы когда-то соответствовали конфигурации размежеваний, предложенной Рокканом. Во-вторых, нельзя отрицать тот факт, что коммунистические партии осуществили настоящую революцию, имеющую долгосрочный эффект. И, наконец, трудно спорить, что возврат к капитализму — это тоже своего рода революция. Д.-Л. Сейле предлагает употреблять термин «международная революция» в новом, не предполагавшемся С.Рокканом значении — перехода «от капитализма к капитализму через реальный социализм» (с. 131).

Сейле предлагает парадигму, состоящую из шести размежеваний: к четырем старым добавляются новые — территориальное и функциональное. Таким образом, реальный социализм оказался носителем более непреодолимых противоречий, чем либеральный капитализм. Территориальная ось появляется во время господства коммунистической партии, выступавшей от имени пролетариата, но не предоставлявшей ему слова. Как только народ вновь обретает свободу слова, на основе этой оси формируется политическое размежевание между посткоммунистами и демократами. Второе размежевание, возникшее в результате международной революции и транзита, касается эко-

номических аспектов, в частности скорости проведения реформ, и противопоставляет максималистов и минималистов.

Таблица 1

Результаты международной революции

Эффекты Оси	Противоречия	Конфликты	Размежевания
Территориальная	Политическое сообщество/гражданское общество	Тоталитаристы/диссиденты	Посткоммунисты/демократы
Функциональная	Экономические реформы/социальные завоевания	Максималисты/минималисты	Ультралибералы/сторонники социальной экономики

Анализ партийной политики в странах Центральной Европы, входивших в советский блок, предполагает использование модифицированной версии модели Роккана, состоящей из шести размежеваний.

Таблица 2

Модель шести размежеваний

Парадигматические оси Синтагматические оси	Национальная революция	Экономическая революция	«Международная» Революция
Территориальная	Центр/периферия	Город/село	Посткоммунисты/ демократы
Функциональная	Государство/ церковь	Собственники/ рабочие	Максималисты/ минималисты

Далее французский исследователь рассматривает партии, существующие в странах Юго-Восточной Европы. Эти страны не имели демократического прошлого, а потому не могут быть вписаны в модель Роккана. Они возникли на обломках православной византийской империи, затем долго находились под влиянием Оттоманской империи и мусульманского населения. По мнению Сейле, в Сербии – последнем «бастионе тоталитаризма» – демократия впервые была установлена только в 2000 г. Что касается Болгарии и Румынии, то короткие по времени демократические эксперименты первой половины XX в. не позволяют сделать вывод о стабилизации конфликтов в виде размежеваний, выделенных С.Рокканом. В отличие от стран Центральной Европы, потенциальные размежевания между максималистами и минималистами на юго-востоке не возникли. Автор объясняет это тем, что экономические изменения происходят медленно: минималистские взгляды представлены в по-

сткоммунистическом лагере, а максималистские идеи популярны среди демократов.

Применение модели С.Роккана для анализа современных партийных систем стран Юго-Восточной Европы требует еще большей осторожности, чем в случае Центральной Европы. Юго-восточные страны перешли к «реальному социализму» от посткрепостнической аграрной системы, где автокефальная церковь была подчинена государству, а традиции самоорганизации были слабы. В таких государствах, как Босния-Герцеговина и Македония, где существуют этнические партии, возникают такие же партийные связи, как и в странах третьего мира. Эти случаи, отличающиеся от Болгарии и Румынии, не могут быть объяснены с помощью модели размежеваний С. Роккана.

На конфигурацию партийной системы Болгарии в наибольшей степени повлияла международная революция, которая предопределила появление одного размежевания — между посткоммунистами и демократами. Партийная система Румынии, отличающаяся большим этническим и культурным разнообразием, более сложна и нестабильна. Размежевание между посткоммунистами и демократами пересекается с «досоциалистическим» размежеванием между центром и периферией.

А.С.Трошин

ДЖ.Т.ИШИЯМА*

ПАРТИИ–ПРЕЕМНИЦЫ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПАРТИЙ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Демократизация и становление партийной политики в странах посткоммунистической Восточной Европы и бывшего Советского Союза открывают уникальную возможность проследить процесс организационного развития партий и проверить справедливость некоторых устоявшихся положений теории партийных организаций. Хотя [в последние годы] появилась обширная литература по эволюции партийных систем и политических установок в посткоммунистическом мире, до сих пор мало что сделано в области систематического сравнительного анализа организационного развития политических партий. Конечно, имеется довольно много трудов, рассматривающих конкретные случаи...; есть также исследования, посвященные компаративному анализу нескольких стран Восточной и Центральной Европы.... Тем не менее работ, в которых бы сравнивались различные типы партийных организаций в посткоммунистическом мире *в целом*, крайне мало. Какие же факторы обуславливают возникновение одних или других организационных форм?

В настоящей статье предпринята попытка приблизиться к решению данной проблемы. С этой целью я сначала установлю теоретические рамки, определяющие континуум типов партийных организаций, и фак-

---

* Дж.Т.Ишияма – американский политолог, профессор политических наук Университета Трумэна (штат Флорида). Печатается сокращенный вариант перевода, опубликованного в журнале «Полис» (Полис. 19 №).

торы, способные стимулировать развитие партийных организаций того или иного типа. При исследовании организационного развития партий в посткоммунистической политике я буду руководствоваться прежде всего совокупностью общетеоретических положений, выработанных в западной литературе по вопросам партийной организации. Использование в качестве отправной точки исследования преимущественно западных теоретических работ по организационному развитию партий, а не зарождающейся описательной литературы по партиям и партийным организациям в Восточной Европе, обусловлено двумя обстоятельствами. Обращение к западным теориям, во-первых, позволит установить степень их применимости для объяснения посткоммунистического организационного развития партий и, во-вторых, откроет путь для более широкого, чем при изучении партийного развития одной или нескольких стран, компаративного анализа. Что касается эмпирических разделов статьи, то здесь внимание будет сфокусировано на подгруппе партий—преемниц коммунистических, т.е. на тех партиях *[чи предшественницы]* при коммунистических режимах являлись правящими и которые унаследовали преобладающую долю ресурсов и кадров бывших правящих партий.

Конкретно, я буду изучать организационные особенности десяти партий-преемниц. К ним относятся: Болгарская социалистическая партия (БСП), Коммунистическая партия Богемии и Моравии (КПБМ) в Чешской Республике, Словацкая партия демократических левых (СПДЛ), Эстонская демократическая рабочая партия (ЭДРП), Венгерская социалистическая партия (ВСП), Литовская демократическая рабочая партия (ЛДРП), Социал-демократическая партия республики Польша (СДРП), Партия социал-демократии Румынии (ПСДР), Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и Коммунистическая партия Украины (КПУ). Данные партии были выбраны по двум причинам. Во-первых, в отличие от «новых партий», партии—преемницы коммунистических — это не просто клубы нотаблей или «диванные» объединения (все члены которых могут уместиться на одном диване). Они представляют собой настоящие организации и относятся к «реальным» политическим партиям (какое бы определение партий мы ни использовали). Во-вторых, перечисленные партии удовлетворяют нескольким общим критериям, позволяющим сопоставлять их между собой: а) в период с 1992 по 1995 г. во всех десяти странах как минимум единожды проводились относительно конкурентные выборы, и все эти страны продолжили движение (хотя и с разной скоростью) по пути демократического

транзита и консолидации...; б) ни в одной из указанных десяти стран демократический переход не был прерван затяжной гражданской войной, в значительной степени меняющей политическую среду, в которой действуют ранее господствовавшие партии...; в) во всех десяти странах партии—преемницы коммунистических столкнулись с новыми конкурентными условиями и партийной системой на ранних стадиях развития последних... При эмпирическом анализе десяти партий-преемниц я проверил степень воздействия на их организационные характеристики нескольких установленных «независимых переменных» и попытался определить объяснительную способность каждой такой переменной.

Организационные модели партий

Значительная часть работ, посвященных исследованию организационного развития партий, исходит из постулата о том, что важнейшей целью партий является победа на выборах, поэтому изменения в партийной организации рассматриваются как следствие стремления партий к электоральному выживанию... Так, с появлением индустриального общества возникли массовые партии, которые вытеснили «кадровые», или «келейные» (caucus), в качестве господствующей организационной формы, поскольку были способны более эффективно мобилизовывать избирателей, лишь недавно получивших право голоса. В свою очередь, прежние кадровые партии, чтобы выжить, были вынуждены перенимать организационные черты массовых партий...

После Второй мировой войны, с началом экономического подъема, сопутствовавшего восстановлению, партиям пришлось подстраиваться под меняющуюся среду, в которой сократилось значение классовых политических расколов и усилилась роль проблем, чье влияние распространялось поверх границ между классами (связанных, например, с качеством жизни). Как отмечает О.Киркхаймер, такие изменения в послевоенной политической среде заставили массовые партии отказаться от апелляции исключительно к собственной классовой базе и расширить сферу своего обращения, что в конечном итоге привело к появлению «универсальных» (catch-all) партий... Аналогичным образом Р.Кац и П.Мэйр обращают внимание на то, что появление «картельных» партий (плодов слияния партии и государства) было следствием растущей апатии среди избирателей и потребности западных партий в новых политических ресурсах, которые бы могли придать им свежие силы.

Для того чтобы определить характер организационных изменений, произошедших в результате приспособления партий к новой политической среде, исследователи традиционно фокусируют внимание на «трех ликах партии»: *партия как аппарат* (party in office), *партия как организация* и *партия как электорат*... или, используя терминологию Каца и Мэйра, *партия в публичных структурах*, *партия в центральном аппарате* и *партия на местах*... Исторически соотношение между этими тремя ипостасями в разных моделях партийной организации, как правило, было разным... Для оценки значимости каждой из них ученые используют несколько индикаторов, наиболее важными из которых являются: относительная величина официального членства, соотношение между числом партийных функционеров в центре и на местах, соотношение между количеством функционеров и активистов в центральном аппарате партии.

Предпринимались также попытки использовать положения западной теории партийной организации для исследования восточноевропейских партий...

Наиболее основательное теоретическое исследование типов партийных организаций в Восточной Европе дано в работах П.Копецкого и Г.Китчельта. С точки зрения Копецкого, самой перспективной организационной формой являются *«образования с рыхлой электоральной базой, в которых относительно важную роль играет партийное членство, а ведущую — партийное руководство»*... Это связано с несколькими обстоятельствами: а) партии вынуждены обращаться к широкому кругу избирателей, главным образом потому, что не могут рассчитывать на поддержку электората с устоявшейся партийной приверженностью, поскольку при авторитарном правлении подобная приверженность индивидов партии попросту отсутствовала; б) партии, по-видимому, не стремятся к увеличению членства, так как их финансовые ресурсы не зависят от количества членов (в этом отношении они гораздо больше полагаются на государство), а при меньшем числе членов сокращается вероятность потенциально

мощных вызовов существующему партийному руководству; в) наконец, деполитизированные граждане посткоммунистических систем не проявляют особого желания идентифицироваться со всеохватывающими идеологиями и партийными символами, скорее, они склонны солидаризироваться с сильными личностями. Поэтому, утверждает Копецкий, наибольшие шансы в посткоммунистической политике имеют партии

наподобие «универсальных» или «электорально-профессиональных», где партийное руководство играет доминирующую роль, а партийная организация — второстепенную.

Ряд теоретических установок для анализа партийной организации в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе предлагает и Китчелт. Он выделяет три «идеалтипа» партий (*харизматический, клиентелистский и программный*) и определяет условия, при которых данные типы партий могут возникнуть. *Харизматические* партии представляют собой «немногим более чем неструктурированную массу людей, сплотившихся вокруг лидера»... Такие партии от природы нестабильны, поскольку, чтобы сохранить приверженность последователей [харизматические], лидеры должны рано или поздно обеспечить своему электорату избирательные стимулы и вступить на путь организационного развития, в результате которого харизматическая партия преобразуется в клиентелистскую или программную. Для *клиентелистских* партий характерен упор на персональный патронаж. Они вкладывают много средств в создание организации, которая эффективно снабжает ресурсами своих последователей. Подобные партии, однако, избегают расходов на координацию деятельности своих членов, так как от последних требуется не вера в некий набор идеологических целей, а личная лояльность. Со своей стороны, *программные* партии учреждаются для рекламы идеалов «желаемого общества как коллективного блага, которое они обещают обеспечить, и привлечения активистов и лидеров, готовых пропагандировать и воплощать в жизнь эти идеалы»... Программные партии относительно труднее создать, нежели другие типы партий, однако они «в большей степени способны усилить консолидацию и стабильность демократического режима, чем два альтернативных типа» партийной организации...

Помимо выделения особых организационных типов Китчелт предлагает эвристическую модель для объяснения причин формирования различных типов партий в посткоммунистической политике... В целом Китчелт считает, что степень вероятности появления программных партий определяется четырьмя факторами: а) давностью индустриализации; б) институциональными характеристиками, такими как наличие президентской или парламентской системы; в) особенностями демократического транзита и г) системным временем, прошедшим с момента первых свободных выборов (измеряемым числом такого рода выборов). Исходя из этой модели, ученый высказывает предположение, что шансы на появление программных партий наиболее высоки в Чешской Республике,

Венгрии, Польше и Словении и несколько меньше в Словакии, государствах Балтии и Хорватии. В Болгарии, Румынии, большинстве республик бывшего Советского Союза и Югославии гораздо вероятнее формирование клиентелистских или харизматических партий.

Каждому из описанных выше подходов к концептуализации организационного развития партий в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе присущи три общих недостатка. Во-первых, все они используют для идентификации партийных типов абстрактные категории, хотя не совсем понятно, в чем заключаются важнейшие организационные различия между «универсальными» и «электорально-профессиональными» или «клиентелистскими» и «программными» партиями (если таковые вообще имеются). Во-вторых, при проведении кросснациональных исследований стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза ни в одном из них (за исключением, пожалуй, концепции Китчельта) не принимаются во внимание организационные вариации. Складывается впечатление, что все они исходят из предположения, что наиболее вероятен единый (электорально-профессиональный) тип. В-третьих, в них практически отсутствует систематический сравнительный анализ возможных объяснений того, *почему* могут возникать различные организационные типы [партий].

Осмысление и оценка партийной организации

Хотя в литературе выделяются несколько видов партий, далеко не всегда понятно, чем они отличаются друг от друга... Поэтому для концептуальной ясности я предлагаю выстроить очень простую типологию, основанную на двух измерениях, почерпнутых из классических работ по партийной организации: значении членства и идеологической последовательности... Взятые вместе, названные измерения образуют таблицу, состоящую из двух строк и двух столбцов (см. *табл. 1*).

Таблица 1

Организационные типы партий

	Относительно высокая опора на членство	Относительно низкая опора на членство
Идеологическая последовательность	Массовая партия	Программная партия
Идеологическая непоследовательность	Клиентелистская партия	Кадровая партия

Прежде чем рассматривать приведенную типологию, важно отметить, что классические кадровые и массовые партии — это исторические типы, которые в настоящее время не существуют в «чистом» виде и которые... вряд ли возникнут в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Тем не менее их полезно использовать в качестве точек отсчета. *Кадровые*, или «элитные», партии XIX в. по существу представляли собой «комитеты людей, сообща конституировавших государство и гражданское общество»... Следовательно, партии были лишь «группами людей», которые «прикарманивали» (pursing) общественный интерес, и не нуждались в формальных или высокоструктурированных организациях либо в значительном официальном членстве. Парламентская составляющая партии или ее аппарат доминировали, а в число ресурсов, необходимых для выборов, часто входили местные связи и личная политическая известность.

В отличие от кадровых партий, для второго организационного типа, партий *массовых*, было характерно широкое, активное членство. Причина заключалась в том, что массовые партии возникали “прежде всего среди недавно активизировавшихся и зачастую лишенных избирательных прав элементов гражданского общества”... В то время как старые кадровые партии делали упор на качество (личностные свойства) своих сторонников, массовые партии полагались на количество приверженцев, пытаясь компенсировать численностью то, чего им не хватало в плане индивидуальной клиентуры. В массовых партиях, являвшихся политическим инструментом лишенных избирательных прав, естественно, доминировали те, кто обладал политической поддержкой не столько в правительстве, сколько в самой партии; кроме того, учитывая активистскую политическую направленность таких партий, а также жизненный опыт их сторонников, они были более склонны навязывать партийную сплоченность и дисциплину, чем партии кадровые. Иными словами, среди присущих массовым партиям черт наиболее важными были опора на массовое членство и идеологическая гомогенность, связывавшая лидеров с рядовыми членами...

Промежуточное положение между этими двумя идеальными типами занимают всевозможные смешанные формы, отражающие различные комбинации двух [описанных выше] измерений. Если массовые партии характеризуются опорой на широкое членство и идеологической гомогенностью, а кадровые — идеологической непоследовательностью и от-

носительной неважностью массового членства, то большинство других партий располагается где-то между ними. Путем измерения уровня членства и степени идеологической гомогенности можно, например, выявить отличительные особенности партийных типов, которые, согласно Китчелту, развиваются в посткоммунистической политике, а именно: программных и клиентелистских партий. Так, программная партия обладает некоторыми чертами партии массовой, к числу которых относится, прежде всего, сохраняющееся влияние партийной организации и партийных активистов. В то же время в программных партиях партийное руководство играет более важную роль, чем в классических массовых; кроме того, отношения между партийной организацией и политической элитой в таких партиях строятся на основе взаимной поддержки, в отличие от модели массовой партии, где партийный аппарат выступал лишь в качестве представителя партийной организации. Программные партии придают меньшее, по сравнению с массовыми, значение идеологической и программной последовательности, хотя такого рода последовательность там еще ценится. Однако роль членства, особенно как основного источника электоральной поддержки, в программных партиях существенно скромнее, чем в массовых.

Другой... организационный тип — клиентелистские партии — обладает чертами, которые по форме, возможно, напоминают черты массовых партий, но на практике подчеркивают независимость партийного аппарата. В таких партиях, как и в прежних кадровых, заправляет политическая элита, а партийная организация подчинена партийному аппарату. Клиентелистским партиям свойственно также относительно широкое членство, хотя привязывает членов к этим организациям не идеологическая программа, а наличие связей патрон—клиент и заинтересованность в электоральной победе...

Поэтому для оценки влияния типов возможных организационных конфигураций партий я измеряю степень «массово-» или «кадровоподобности» последних. Хотя определять организационные типы партий можно по нескольким параметрам, я свожу их к двум характеристикам «более массовоподобных» партий: а) относительно широкое членство, которое играет в партии важную политическую роль, и б) значительная идеологическая и программная последовательность. В свою очередь, «более кадровоподобные» партии отличаются небольшим, относительно незначимым членством и заметной идеологической и программной непоследовательностью.

Для оценки партийной организации я использую два основных индикатора, отражающих *важность партийного членства* и *уровень идеологической последовательности*. Первый индикатор — *организационная плотность*, т.е. соотношение между примерным количеством официальных членов партии и числом получаемых ею голосов. Этот показатель, впервые введенный Дюверже..., измеряет относительную важность партийного членства как доли электоральной поддержки партии. [Электоральная] поддержка партий, обладающих более «кадровоподобными» чертами, обычно в меньшей степени зависит от членства, чем у «массовоподобных» партий. При определении организационной плотности [рассматриваемых в настоящей статье] десять партий данные о примерной численности их членов делятся на среднее число голосов, полученных каждой партией в ходе последних двух выборов в законодательные органы.

Второй показатель устанавливает степень идеологической и программной последовательности партии. Как отмечалось выше, «массовоподобным» партиям, как правило, присущ относительно высокий (и подающийся идентификации) уровень идеологической последовательности. По справедливому заключению Китшельта..., идеологические характеристики чаще всего связаны с другими организационными характеристиками. Так, в посткоммунистической Восточной Европе партии с коллективистскими, авторитарными и антирыночными лозунгами «обычно создают клиентелистские массовые организации ... Напротив, либертариистские/прорыночные партии будут развивать рыхлые ассоциации политических профессионалов со слабыми позициями на местах и без каналов связи (transmission belts) с потенциальным электоратом»...

Хотя существует множество способов осмысления идеологической последовательности..., в настоящей работе используется «минималистский» подход — *идеологическая последовательность* концептуализируется как *степень, в которой партия демонстрирует распознаваемые и непротиворечивые предпочтения по поводу политического курса, с очевидностью принадлежащие к той или иной части идеологического спектра*... несмотря на то, что данный подход, наверное, далек от идеального, он все же позволяет использовать систему показателей, принятых в современной литературе по партийной идеологии, и применять их при исследовании посткоммунистической политики.

Один из таких показателей, измеряющий уровень проявленности в публичном облике партии распознаваемых и непротиворечивых предпоч-

тений по поводу политического курса, заимствован из работы Дж.Хьюбера и Р.Инглхарта. Идеологические баллы (колеблющиеся в интервале от одного для самых левых до семи для самых правых) подсчитывались путем «экспертного кодирования» различных партий из 42 стран... На основе такого кодирования было определено стандартное отклонение идеологических баллов. Этот показатель колебаний указывает на степень согласия экспертов относительно идеологического расположения [партий]. Чем меньше стандартное отклонение, тем выше согласие между привлекавшимися экспертами (и, предположительно, более проявлена идеологическая последовательность партий). Чем больше стандартное отклонение, тем меньше согласия между экспертами относительно расположения партии...

Для оценки различных типов партийной организации два описанных выше показателя (*организационная плотность* и *уровень идеологической последовательности*) каждой из исследуемых партий сведены в *табл.2*. В рамках этой таблицы показатели объединены в две строки и два столбца, так что каждая из получившихся в результате ячеек включает в себя один из четырех основных типов партий. Выделяются два уровня идеологической последовательности — высокий и низкий; партии, имеющие балл ниже 1,5, относятся к последовательным, те же, чей балл составляет 1,5 или выше, — к менее последовательным. Организационная плотность также подразделена на две категории: организационная плотность партий с показателем 0,05 и ниже считается низкой, а с показателем более 0,05 — высокой. Точкой разграничения стала отметка 0,05 (5%), поскольку именно на таком уровне во многих избирательных системах установлен заградительный барьер, который требуется преодолеть для получения мест в нижней палате парламента. Соответственно, в качестве «организационно плотных» в настоящем исследовании рассматриваются партии, которым для преодоления электорального барьера достаточно поддержки собственных членов. Полученные в результате описанной процедуры четыре ячейки примерно соответствуют четырем типам партий из *табл.1*. КПБМ и ЭДРП квалифицируются здесь как наиболее «массовоподобные» (и обозначены как тип 1). Они относительно последовательны (особенно КПБМ) и полагаются преимущественно на своих членов для получения электоральной поддержки. Другую крайность (нижняя правая ячейка) составляют партии, которые производят впечатление идеологически непоследовательных и которые не связывают свои надежды на электоральную поддержку *исключительно* с массо-

вым членством. К их числу относятся КПУ и КПРФ, которые по своим характеристикам более соответствуют «кадровоподобным» партиям (тип 4). В промежутке между этими двумя группами располагаются те партии, которые относительно идеологически последовательны, но не сильно зависят от широкого членства в плане электоральной поддержки — СДРП, ВСП и СПДЛ (тип 2); а также партии, которые идеологически менее последовательны, но чья электоральная поддержка определяется значительным числом членов — ЛДРП, БСП и ПСДР (тип 3).

Таблица 2

Измерения партийной организации (Показатели идеологической последовательности и организационной плотности)

Идеологическая последовательность	Высокая организационная плотность (0,051 и выше)	Низкая организационная плотность (0 — 0,05)
Высокая (<1,5)	КПБМ (0,47; 0,32) ЭДПР (0; 0,10)	СДПР (0,71; 0,02) ВСП (0,64; 0,02) СПДЛ (1,25; 0,02)
Низкая (1,5 и выше)	ЛДРП (2,24; 0,07) БСП (2,31; .)18) ПСДР (1,50; 0,08)	КПУ (3,77; 0,02) КПРФ (3,75; 0,03)

Источники: «Vocea Romaniei», 24.II.1995. — Foreign Broadcast Information Service — Eastern Europe. 1995, p. 60–61; Huber J., Inglehart R. Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies. — «Party Politics», 1995, vol. 1; Day A.J., German R., Campbell J. (eds). Political Parties of the World. L., 1996; Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States 1997; Глуботский А. Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия: Политические партии и организации. М., 1993.

Измерение независимых переменных

Некоторые ученые отмечают, что на партийную политику в Восточной Европе в целом и в государствах бывшего Советского Союза влияют уровень *общественного доверия к партиям* как институтам, *объем полномочий президентской власти*, *степень юнионизации труда*, *тип прежнего режима* и *идеологическая ориентация партий*. Таким образом, исследователи доказывают, что трансформация политического движения зависит от «структуры возможностей» (opportunity structure). Под «структурой возможностей» — термин С.Тэрроу... и Е.Шлезингера... — понимается «совокупность возможностей и ограничений, которые влияют на выбор движением своей линии поведения и заставляют его отдавать предпочтение тем, а не иным формам коллективного действия»... «Структура возможностей» определяется множеством факторов, но к числу тех, на которые чаще всего ссылаются [специалисты], относятся институциональные характеристики политической системы (такие как

парламентский или президентский режим и электоральное законодательство), а также «политическая среда», в которой функционирует партия.

Тип прежнего режима и организационный переход

Один из вариантов объяснения эволюции партий—преемниц коммунистических фокусирует внимание на наследии прежнего коммунистического режима... Согласно такому подходу, природа прежнего режима влияет на характер происходящего транзита, который, в свою очередь, определяет структуру политической жизни в постпереходный период. Х.Уэлш... обнаруживает такую связь в Восточной Европе, где тип режима воздействует на уровень использования в процессе перехода торга и компромиссов; в странах, прошедших через длительный период торга и компромиссов, соперничающие партии чаще располагают подготовленными кадрами политиков, научившихся играть по правилам демократической конкуренции и электоральной политики. Чем продолжительнее переходный период, тем выше вероятность того, что вырастающие из коммунистического режима партии (и, соответственно, партийные системы) будут более институционализированными и структурированными. Чем институционализированнее партии, тем выше вероятность того, что внутрипартийные отношения станут более структурированными и иерархическими, что в конечном итоге будет способствовать развитию партий скорее по «массово-», нежели по «кадровоподобному» пути...

Для измерения различий между разновидностями коммунистических режимов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе Китчелт... разработал удобную трехчленную типологию, выделив *патримониальный, бюрократическо-авторитарный* и *национально-консенсусный типы коммунизма*. Первый тип коммунистического режима — *патримониальный* (закодирован как тип 1) — опирался преимущественно на иерархические системы персональной зависимости между лидерами и последователями и характеризовался низкими уровнями внутриэлитной борьбы, артикуляции общественного интереса и рационально-бюрократической рационализации. Более того, при таком режиме огромную роль играл «демократический централизм», который хорошо согласовался с иерархической структурой зависимости между ведущими и ведомыми. К категории стран с подобным режимом Китчелт относит Сербию, Румынию, Болгарию, Россию, Украину, Беларусь и большинство других республик бывшего Советского Союза.

В режимах второго (*бюрократическо-авторитарного*) типа (закодирован как тип 2) межэлитная борьба и артикуляция интересов были поставлены в жесткие рамки, однако уровень рационально-бюрократической институционализации был довольно высок. В категорию стран с такого рода режимом Китчелът включает бывшую ГДР, Чешскую Республику, а также Словакию. В режимах третьего (*национально-консенсусного*) типа (закодирован как тип 3) в известных пределах присутствовали [межэлитная] борьба и артикуляция интересов и была относительно развита бюрократическая профессионализация. По сути дела, коммунистические элиты допускали некую толику разногласий и артикуляции интересов в обмен на принятие базовых характеристик существующей системы. Данный тип режима, по мнению Китчелъта, действовал в Польше и Венгрии, а также в Словении и Хорватии. К этой же категории в качестве «пограничных случаев» Китчелът относит три государства Балтии: Эстонию, Латвию и Литву. Хотя эти страны были поглощены Советским Союзом, в них сохранялась существенная доля внутрережимного соперничества и терпимости, во всяком случае гораздо большая, чем в других частях СССР...

Другой довод, имеющий отношение к воздействию прежнего режима, касается особенностей организационной трансформации каждой партии-преемницы. Подобная организационная трансформация сама по себе способна повлиять на тип возникших впоследствии партийных организаций. Действительно... каждая партия—преемница коммунистической претерпевает свою особую организационную трансформацию, характер которой зависит от того, какая из тенденций — «консервативная» (*standpatter*), «либеральная» или «демократическо-реформистская» (терминология С.Хантингтона) — возобладала в ходе внутренней перестройки руководства в 1990 — 1993 гг. Хантингтон... считает, что тип осуществленного [организационного] перехода во многом определялся внутренней борьбой демократических реформистов, либералов и консерваторов в коммунистической партии. Выделяя эти три группы, ученый исходит из специфики базовых позиций [коммунистических лидеров] по отношению к демократическому транзиту, общественному участию и политической конкуренции...

Президентская власть

Кроме [типа режима на партийное развитие] воздействуют факторы, связанные с объемом президентских полномочий. По заключению

Х.Линца..., наличие сильного института президентства стимулирует партии к борьбе прежде всего за пост президента, отодвигая на второй план другие политические цели. Данная закономерность проявляется не только в случае избрания президента прямым голосованием, но и тогда, когда его выборы опосредованы (например, когда он избирается парламентом). [Наличие полномочного института президентства], как отмечают М.Шугарт и Дж.Кэри, обычно снижает роль кампаний, основанных на идеологических принципах, и усиливает значимость кампаний, в центре которых стоят личности. Более того, концентрация власти в руках президента поощряет харизматических лидеров и в целом ослабляет идеологическую последовательность партий, поскольку конкуренция между личностями торжествует над «чувством локтя»... Соответственно, чем сильнее президентская власть, тем более вероятно развитие у партий «кадроподобных» черт.

Для измерения силы института президентства я использовал разработанный Дж.Хеллманом... *индекс официальных полномочий президента*. Индекс учитывает конституционные полномочия, предоставленные президенту, обеспечивая стандартный показатель, который позволяет осуществлять кросснациональные измерения относительной силы различных президентских режимов в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза... Чем выше значение показателя, тем сильнее президентская власть.

Средняя величина избирательного округа

Помимо типа прежнего режима и уровня полномочий президента имеется еще один фактор, который, по мнению исследователей, сказывается на организационном развитии партий. Этим фактором является характер избирательной системы и, особенно, *величина избирательного округа* (M) на выборах в нижнюю (и наиболее влиятельную) палату законодательного органа. Средняя величина избирательного округа, т.е. число мест, в среднем распределяемых в избирательном округе, квалифицируется как наиболее важный из элементов избирательной системы, воздействующих на эволюцию партийной политики. Для определения средней величины избирательного округа общее число мест в нижней палате парламента делится на количество избирательных округов. Наименьшая средняя величина избирательного округа ($M=1$) бывает в тех случаях, когда все депутаты нижней палаты парламента избираются по

одномандатным округам, наибольшая — в ситуации, когда вся страна представляет собой единый избирательный округ (как, например, при использовании списочной пропорциональной системы в ее «чистом» виде)...

Уровень недоверия к партиям

На развитие политических партий теоретически воздействуют... степень общественного доверия (недоверия) к партиям, которая создает условия, более благоприятные для развития одних видов партий по сравнению с другими. В целом, «массовоподобные» партии обычно преуспевают там, где граждане оценивают политические партии позитивно или, по крайней мере, не негативно.

Для измерения отношения к политическим партиям я использую показатель не уровня доверия, а уровня недоверия к ним, поскольку и те, кто относится к партиям нейтрально, как правило, склонны рассматривать их в качестве важнейших каналов артикуляции и агрегации интересов (даже если не выказывают к ним выраженных симпатий). Кроме того, уровень недоверия указывает на то, насколько враждебно население относится к политическим партиям. Если уровень недоверия высок, повышается вероятность того, что население *не* считает партии главным каналом артикуляции интересов и, соответственно, уменьшается вероятность появления «массовоподобных» партий.

Общий уровень недоверия к партиям определялся путем вычисления среднего процента отрицательных ответов на вопрос о доверии к ним в каждой из исследуемых десяти стран в 1993 — 1996 гг...

Уровень недоверия к профсоюзам и примерная доля юнионизированного населения

Дополнительной переменной, характеризующей состояние окружающей среды, является сила профсоюзного движения. Как отмечает Дюверже., в прошлом массовые партии вырастали из профсоюзного движения, и профсоюзы составляли постоянный источник поддержки массовых партий. Данный факт явился одним из важнейших аргументов, предложенных М.Уоллером... для объяснения того, почему в Восточной и Центральной Европе партии—преемницы коммунистических добились таких политических успехов. По мнению исследователя, этим партиям

удалось установить прочные связи с посткоммунистическими профсоюзами, которые обеспечили им бесценную организационную и электоральную поддержку... Такие партии, как ВСП и СДРП, по сути дела обязаны своим успехом организационной и электоральной поддержке, мобилизованной профсоюзами на местном уровне. Конечно, подобное заключение справедливо только по отношению к тем странам, где рабочие союзы относительно сильны. Из этого, в свою очередь, вытекает, что в системах с сильными тред-юнионами партии имеют стимулы для вступления с ними в политический союз, что способствует выработке у партий «массовоподобных» организационных черт.

Для оценки относительной силы тред-юнионов использовались два показателя. Первый — примерная численность профсоюзов... Второй показатель — уровень недоверия к профсоюзам... Использование второго показателя обусловлено тем, что численность членов тред-юнионов не обязательно коррелирует с общественной поддержкой этих организаций. Так, например, хотя, по имеющимся оценкам, численность профсоюзов в посткоммунистической России велика, это, вероятно, связано не столько с их поддержкой, сколько с сохраняющимся воздействием обязательного членства в профсоюзах в коммунистический период...

Анализ

Исходя из вышесказанного, можно выдвинуть следующие гипотезы:

Гипотеза 1. В странах, прежним коммунистическим режимам которых в наибольшей степени были присущи межэлитное соперничество и открытая артикуляция интересов, партии-преемницы коммунистических скорее всего будут обладать более «массовоподобными» характеристиками.

Гипотеза 2. Партии, процессом трансформации которых руководили демократические реформисты, должны заметно отличаться от тех, чье преобразование осуществлялось под контролем либералов и консерваторов.

Гипотеза 3. Чем сильнее конституционная президентская власть, тем значительнее роль личности политика и, соответственно, менее вероятно появление «массовоподобных» партий—преемниц коммунистических.

Гипотеза 4. Чем больше средняя величина округа, тем серьезнее давление в направлении развития у партий-преемниц «массовоподобных» черт.

Гипотеза 5. Чем сильнее недоверие к политическим партиям, тем меньше условий для формирования «массовоподобных» партий.

Гипотеза 6. Чем значительнее сила рабочих союзов, тем благоприятнее условия для развития «массовоподобных» партий.

Для элементарной проверки справедливости этих гипотез была построена матрица двухмерных коэффициентов корреляции Спирмана для восьми выделенных выше переменных...

...к числу независимых переменных, демонстрирующих высокую и статистически значимую корреляцию с *типом партии*, относятся: *президентские полномочия* (0,92), *тип режима* (-0,69), *средняя величина округа* (-0,66) и *уровень недоверия к профсоюзам* (-0,72). Отрицательное значение соотношения между типами *партийной организации* и *прежнего режима* подтверждает гипотезу 1, согласно которой, более открытые и конкурентные (т.е. национально-консенсусные) режимы порождают более «массовоподобные» партии, характеризующиеся большей идеологической последовательностью и организационной плотностью. В свою очередь, системам с более сильной *конституционной властью президента* обычно сопутствуют... более «кадровоподобные» партии с меньшей идеологической последовательностью и организационной плотностью, что соответствует предположению, высказанному в гипотезе 3.

Подтвердилась и гипотеза 4. Значение показателя корреляции со *средней величиной округа* (как и предсказывалось) оказалось отрицательным. Это означает, что при большей величине округа возникают более «массовоподобные» партии... В то же время, подобной корреляции между зависимой переменной и *типом организационного перехода* и *уровнем недоверия к партиям* не обнаружилось... Иными словами, гипотеза 2 не получила подтверждения, поскольку нет устойчивых данных, свидетельствующих о том, что процесс организационного перехода, особенно если говорить о силах, контролировавших этот процесс, имел отношение к характеру эволюции партий-преемниц как организаций.

Что касается *уровня недоверия к партиям*, корреляционный анализ показывает: значительное общественное недоверие к партиям сочетается с партиями, обладающими более «массовоподобными» чертами (это следует из отрицательного значения коэффициента...) — результат,

прямо противоположный предполагаемому интуитивно. Это, однако, может означать, что организационная эволюция партий—преемниц коммунистических не зависит от массового отношения к политическим партиям и, скорее, является функцией других структурных факторов. Данный вывод противоречит исходным посылкам значительной части работ по политическим партиям, чьи прогнозы относительно развития последних строятся исключительно на результатах [социологических] обследований. Как бы то ни было, гипотеза 5, согласно которой общественное восприятие партий устойчиво связано с типом партийной организации, не подтвердилась.

Наиболее интересными оказались сведения о соотношении между организационным типом партий и силой рабочих союзов. Как уже говорилось, для измерения силы тред-юнионов использовались два индикатора: примерная доля юнионизированной рабочей силы и уровень недоверия к профсоюзам со стороны населения. Выяснилось, что, похоже, существует довольно сильная зависимость между негативным отношением к рабочим союзам и организационной формой партии—преемницы коммунистической. В то же время отрицательное значение коэффициента... свидетельствует о том, что эта зависимость противоположна той, которая постулировалась в гипотезе 5: исследование показало, что негативное общественное восприятие профсоюзов ассоциируется с появлением более «массовоподобных» партий—преемниц. Оказалось также, что, в отличие от показателя общественного отношения к тред-юнионам, примерная доля юнионизированной рабочей силы не влияет на организационный тип партий. Тем не менее знак коэффициента корреляции между *долей юнионизированной рабочей силы* и *типом партии* противоположен тому, который следовало бы ожидать. Чем большая доля рабочей силы юнионизирована, тем менее «массовоподобной» является партия—преемница коммунистической. Хотя это представляется противоречащим тезису о том, что сила тред-юнионов влияет на организационное развитие партий, данная проблема еще требует дополнительных исследований. Вполне возможно, что важна не столько сила профсоюзов, сколько характер связей, установившихся между ними и партией (такое предположение уже высказывалось по отношению к ВСП и СДРП). Но если оно справедливо, это будет означать, что объяснения, фокусирующие внимание на связях между партией и юнионами, могут оказаться менее универсальными при выходе за пределы Восточно-Центральной Европы.

Обсуждение и выводы

Проведенный выше анализ представляет собой лишь первое приближение к исследованию развития различных типов партийных организаций на примере формирующихся в Восточной Европе и России партий—преемниц коммунистических. Главная цель настоящей статьи состояла в проверке некоторых положений западной теории партийной организации на основе данных о партиях—преемницах коммунистических в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Выяснилось, что вопреки представлению о том, что партии-преемницы коммунистических должны были бы относиться к одному типу, при их сравнении выявляются значительные расхождения. Более того, было обнаружено, что среди факторов, о влиянии которых на организационное развитие партий чаще всего пишут [ученые], наибольшими прогностическими возможностями при определении организационного типа партий в плане их идеологической последовательности и организационной плотности обладают структурные факторы, особенно тип прежнего коммунистического режима, сила конституционной президентской власти и средняя величина [избирательного] округа.

Эти заключения позволяют выделить несколько различных моделей организационного развития партий—преемниц коммунистических. Прежде всего, можно отметить, что Венгерская социалистическая партия представляет собой разновидность программной партии. Подобно массовой партии, ВСП в определенной мере сохраняет идеологическую последовательность и, хотя партийная элита, безусловно, доминирует, а число официальных членов партии относительно невелико (если измерять его с точки зрения организационной плотности), когда речь идет о базе кандидатов, партийное руководство зависит от поддержки партийных активистов и низовых (ancillary) организаций. Однако, в отличие от более идеологически жесткой (и «массовоподобной») Коммунистической партии Богемии и Моравии, ВСП показала себя довольно гибкой и способной адаптироваться к новым электоральным условиям. До некоторой степени такая модель сложилась благодаря особенностям национально-консенсусной системы, существовавшей в Венгрии до крушения государственного социализма. Наличие такой системы обеспечило организационный инкубационный период, в ходе которого в рамках старой Венгерской социалистической рабочей партии (ВСПР) сформировался широ-

кий слой европеизированной реформаторской интеллигенции, равно как и соответствующая массовая база... В результате преемница ВСРП — ВСП — оказалась хорошо укомплектованной (как на общенациональном уровне, так и в регионах) индивидуальными лидерами, обладавшими организационными навыками и политическими знаниями. В целом ВСП, вероятно, ближе всего к «программной» партии.

Примером другого партийного типа может служить Литовская демократическая рабочая партия. В случае Литвы мы сталкиваемся с организацией, где доминируют партийная элита и партийный аппарат, где правилом являются не столько связи через партийную организацию или «гражданское общество», сколько персональные клиентелистские связи между партийным руководством и рядовыми членами... успех, достигнутый ЛДРП в 1992 г., был обусловлен не тем, что она смогла выдвинуть четко сформулированную политическую альтернативу Саюдису, но ее попыткой создать себе имидж партии технократов и специалистов и способностью привлечь под свои знамена группу кандидатов, обладающих высокими профессиональными и личностными качествами, которые не входили прежде в коммунистическую партию... В то же время, для электорального успеха партии необходима поддержка ее членом. Из этого следует, что ЛДРП ближе всего к «клиентелистской» партии, в которой ведущую роль играет партийный аппарат, но которая опирается на присоединившихся к ней членом для получения широкой электоральной поддержки. Соответственно, для ЛДРП характерны: доминирование элиты; значительное, но пассивное официальное членство и относительно меньшая идеологическая последовательность, чем у электорально-профессиональной партии, хотя и большая, чем у партии кадровой.

Еще одна [организационная] модель представлена КПРФ, которая, как и «кадровоподобная» партия, для достижения успеха полагается на свои «тесные связи с элитными группами», но при этом обладает довольно сильной организацией... Хотя после 1993 г. КПРФ приняла нечто вроде универсалистской (catchall) стратегии не только в своей программе, но и в практике рекрутирования кандидатов, партийные кандидаты-«новобранцы» менее независимы, чем в ЛДРП... Более того, несмотря на упор на личные связи и вербовку элит, КПРФ по-прежнему во многом зависит от *активного* массового членства для поддержки своих кампаний. Своим электоральным успехом, особенно на региональных выборах, партия в значительной степени обязана способности местных партийных организаций мобилизовать поддержку избирателей....

Короче говоря, КПРФ, возможно, представляет собой современную модификацию кадровой партии; но является неустойчивым соединением, состоящим из двух партий, фактически выступающих под одним знаменем. Это создает трения между различными частями КПРФ, одна из которых стремится приспособиться к реалиям постсоветской политики, а другая мечтает о возврате к прошлому... Итоги парламентских выборов 1995 г., похоже, усилили тенденцию к внутреннему расколу между «умеренным» партийным руководством и более радикальными местными партийными организациями. Безусловно,.. партии выживают и даже могут процветать, несмотря на расхождения между партийным руководством и партийными организациями, так что нельзя исключить вероятность того, что равновесие между центральной и местными партийными организациями будет найдено и в КПРФ. Однако на сегодняшний день предметом разногласий между руководством и местными организациями являются вопросы, касающиеся базовых принципов партийной идентичности, поэтому маловероятно, что эти противоречия будут разрешены в обозримом будущем.

События в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе открывают перед исследователями партийных организаций огромные возможности для уточнения и проверки теоретических положений, столь кропотливо выведенных на основе западного опыта... как иллюстрируют данные, относящиеся к рассмотренным выше партиям-преемницам, даже партии, которые в организационном плане были по большей части сделаны «из одного теста», эволюционируют в посткоммунистической политике в совершенно разных направлениях. Исследование этих партий позволит не только гораздо лучше понять, почему партии развиваются именно в те организации, которыми становятся, но и предугадать будущие очертания политической жизни и демократии в посткоммунистическом мире...

Г.В.ГОЛОСОВ*

ФОРМАТЫ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В НОВЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ И ФРАГМЕНТАЦИИ¹

Под «форматом партийной системы» обычно понимают совокупность ее внешних (т.е. не имеющих прямого отношения к расстановке политических сил в данном обществе) характеристик. Основными такими характеристиками являются степень электоральной неустойчивости и политической фрагментации. Неустойчивыми считаются те партийные системы, где велика доля избирателей, меняющих свои предпочтения в промежутках между выборами, а фрагментированными — те, которые состоят из значительного числа элементов, т.е. партий. Именно таковы, в большинстве своем, партийные системы новых демократий.

Пытаясь объяснить этот феномен, исследователи чаще всего ссылаются на воздействие институциональных факторов. К настоящему времени уже выделено несколько подобных факторов. Во-первых, показано, что при становлении партийных систем новых демократий велика роль институционального наследия авторитарных режимов, прежде всего так называемых артий-преемниц, воспринявших идеологические позиции этих режимов и/или их организационные ресурсы..., а также партий, сложившихся на базе массовых движений за демократию... Во-вторых, выяснено, что серьезный отпечаток на формирующиеся партийные системы накладывает такой специфический институт, как «учредительные

---

* *Голосов Григорий Васильевич* — доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор работ, посвященных партиям в России и некоторых других стран.

¹ Сокращенный вариант статьи, опубликованной в журнале «Полис» №1 за 1998 г.

выборы»... В-третьих, установлено, что формат партийных систем нередко связан с институциональным строем самих новых демократий — в особенности избирательной системой... и формой правления...

Понятно, что приведенный список причин неустойчивости и фрагментации не является исчерпывающим. И все же, думается, в сложившейся познавательной ситуации гораздо важнее не дополнять его, а попытаться разобраться в том, каким образом взаимодействуют между собой различные институциональные факторы, каждый из которых в отдельности уже идентифицирован в качестве важной детерминанты формата партийных систем. Речь идет о том, чтобы от анализа воздействия отдельных факторов перейти к выработке общего представления о механизмах, делающих партийные системы новых демократий в той или иной мере неустойчивыми и фрагментированными. Для решения этой задачи я использовал данные по формированию партийных систем в четырех странах — Испании, Бразилии, Венгрии и России.

... сперва необходимо ответить на вопросы более общего порядка: правомерно ли сравнивать столь разные политические системы? Не приведут ли подобные сравнения к потере существенно важной информации, что полностью обесценит полученные результаты? К положительному ответу на последний вопрос склоняется В. Банс, ссылающаяся на коренные различия между культурными, социально-экономическими, международными и прочими контекстами, в которых протекают процессы демократизации на «востоке» и на «юге»...

В методологической литературе предлагаются два пути частичной нейтрализации проблемы разницы контекстов. Один из них состоит в ограничении числа независимых переменных за счет так наз. редукции данных... Другой, якобы противоположный, путь заключается в том, чтобы как можно глубже «контекстуализировать» исследование, отказаться от «анонимных» переменных в пользу «аналитической глубины подхода, ориентированного на изучение отдельных случаев»... В настоящей статье я попытался совместить элементы «редукции данных» и «контекстуализации», использовав ограниченное число независимых переменных, общая оценка воздействия которых давалась, однако, по результатам качественного анализа, проведенного по унифицированной методологической схеме...

Методология исследования

Выбор институциональных факторов, которым уделено преимущественное внимание в настоящем исследовании, обусловлен как степенью изученности проблемы, так и соображениями, связанными с необходимостью максимизировать эвристическую полезность полученных результатов. Рассматривая институциональное наследие авторитарных режимов, я, например, ограничился «партиями-преемницами», оставив за скобками другие виды партий, возникших (или продолжавших существовать) в условиях авторитаризма. Дело в том, что «партии-преемницы» — чаще всего встречающийся в новых демократиях вид подобных соревновательных акторов..., и, стало быть, их роль заслуживает особо пристального анализа. По сходной причине в качестве фактора, «отвечающего» за новый институциональный дизайн, я использовал форму правления, а не избирательную систему: в демократизирующихся странах крайне редко применяются системы большинства, тогда как президентские и парламентские системы распределены по совокупности новых демократий почти равномерно.

Думается, что необходимость обращения к результатам «учредительных выборов» для достижения целей исследования очевидна. Здесь, однако, возникает сложность иного рода. Понятно, что электоральная неустойчивость может быть выявлена лишь на основе результатов по меньшей мере двух выборов. Но какие выборы следует считать «вторыми»? Обязательно ли руководствоваться простой хронологической последовательностью событий — или же «вторые» выборы должны обладать какими-то специфическими чертами? Я склоняюсь к последней версии ответа. На мой взгляд, в качестве «вторых» целесообразно рассматривать «критические выборы» (понятие введено В.О.Кеем..., т.е. выборы, которые кардинально меняют карту избирательских предпочтений, в результате чего существенно модифицируется формат партийной системы и возникает новое соотношение политических сил. Правда, в большинстве случаев электоральная неустойчивость в новых демократиях столь высока, что хронологически вторые выборы оказываются также и «критическими». Но, как нам предстоит убедиться, иногда это не так (Испания)...

Операционализация зависимых переменных — неустойчивости и фрагментации — не представляет особого труда. Хотя ранее в электоральных исследованиях применялись различные методики определения уровня фрагментации..., наибольшей популярностью пользуется предложенный М.Лааксо и Р.Таагеперой показатель, известный как «эффек-

тивное число партий».... Вычисляется он по довольно простой формуле: $N = 1 / \sum p_i^2$, где p_i — доля голосов, полученных i -той партией. Разумеется, эффективное число партий статично. Динамический показатель (D) можно получить путем деления N , рассчитанного по данным «критических выборов», на первоначальное эффективное число партий. $D > 1$ будет указывать на рост фрагментации, $D < 1$ — на ее падение, $D = 1$ — на отсутствие динамики в уровне фрагментации.

При вычислении неустойчивости чаще всего применяется «индекс Педерсена» (P). Для его получения нужно сложить все изменения в долях парламентских мест или голосов, полученных партиями на двух выборах, а сумму разделить на два. Если, например, $P = 15$, это означает, что на рассматриваемых выборах какие-то партии в сумме набрали на 15% голосов или мест больше, чем на предыдущих, а другие столько же потеряли...

В принципе, фрагментация и неустойчивость — системные качества, а значит, введенные численные показатели характеризуют партийную систему в целом. К сожалению, полученные на их основе характеристики оказываются малосодержательными, поскольку не позволяют судить о том, кто именно из соревновательных акторов «несет ответственность» за динамику неустойчивости и фрагментации. А выяснить это важно, ибо логично предположить, что доли такой «ответственности» неравны. Для решения поставленной задачи требуется выделить во всех партийных системах сопоставимые «блоки» партий... и попытаться выявить воздействие, оказываемое каждым из «блоков» на системную динамику неустойчивости и фрагментации. Соответственно, я счел целесообразным ввести серию дополнительных индексов, позволяющих, на мой взгляд, учитывать многосоставность политического спектра.

Прежде всего на базе тех же данных и по сходным методикам, что и описанные выше, определяется эффективное число партий для каждого из «блоков». Сумма этих показателей не будет, разумеется, ни равняться общесистемному эффективному числу партий, ни выводиться из него... Однако «внутриблоковую» динамику фрагментации таким образом выразить можно...

Для измерения неустойчивости можно использовать более элегантную процедуру. Сперва вычисляется значение P для системы в целом. Далее, внутри блоков, в целом улучшивших свои позиции, выделяются партии, «потерявшие» голоса или места, а внутри блоков, чьи общие показатели ухудшились, — партии, «приобретшие» их. Если сумми-

ровать эти «потери» или «приобретения» по отдельным «блокам», а затем сложить полученные суммы, мы определим показатели совокупной «внутриблоковой неустойчивости» (P_i), а если вычтуть P_i из P — показатели «межблоковой неустойчивости» (P_e). В результате описанных выше операций мы получим возможность вычислить процентную долю P_i в составе P (S) и, что еще более важно с точки зрения целей данного исследования, представить P_i как сумму показателей по отдельным блокам, а значит — измерить процентную долю каждого из них в составе совокупной внутриблоковой неустойчивости. Ясно, однако, что обе названные операции осуществимы лишь в том случае, когда число выделенных «блоков» превышает два. И это создает серьезную методологическую проблему...

Политические игры, основными акторами в которых выступают правительство и оппозиция, по определению биполярны. Это значит, что самая простая из доступных нам процедур выделения «блоков» с неизбежностью ведет к дихотомическому распределению. Любое усложнение этой процедуры, будучи отступлением от принципа «бритвы Оккама», нуждается в серьезном обосновании. На первый взгляд, легче всего такому обоснованию поддается представление о наличии «центра», располагающегося между полярными «блоками», тем более что оно хорошо согласуется с обыденными взглядами на политику и присутствует в политическом дискурсе многих новых демократий. Но легкость этого подхода обманчива.

В качестве подтверждения справедливости тезиса о политическом «центре» иногда используется сформулированная Э.Даунсом «теорема среднего избирателя», согласно которой в биполярных партийных системах возникает тенденция к сближению артикулированных предпочтений основных акторов с предпочтениями гипотетического избирателя, занимающего среднее место в общем распределении предпочтений по данному электорату. Нетрудно, однако, доказать, что «теорема» Даунса не только не обосновывает, но и прямо опровергает существование «центра» как отдельного политического «блока». Если рассуждения Даунса верны, то в конечном итоге логика развития биполярных систем должна привести к полному исчезновению различий между основными акторами и, тем самым, к подрыву самих основ выбора при голосовании. В любом случае, по мере сближения позиций акторов для гипотетического «центра» просто не остается места. И действительно, именно к тем системам, в которых преобладают универсальные («catch-all») партии, лучше всего

подходит определение «биполярные». Стало быть, в известной теоретической перспективе «центра» в политике нет и не может быть.

Тем не менее биполярное видение политики совместимо и с более содержательными моделями структуры политического спектра. Прежде всего, любое внутренне дифференцированное дихотомическое распределение может быть представлено как континуум. Тогда оказывается, что разные его элементы в разной степени приближены к средней точке. Само по себе это, конечно, не создает представления о «центре» как об отдельном «блоке». Но, по крайней мере, определяется его гипотетическая локализация. Следующий шаг можно сделать на основе допущения о том, что в данной политической системе структура политического соревнования имеет не одномерный, а многомерный характер — иными словами, что одни и те же акторы распределяются по нескольким континуумам одновременно. Из этого следует, что приближенность к средней точке на любом из них — вовсе не обязательно признак абсолютной неопределенности позиций данного актора. Ведь вполне вероятно, что на каком-то другом континууме он занимает место, близкое к полюсу, и именно по этой причине позиция в первом распределении просто не имеет для него значения. Таким образом, понятие «центра» наконец обретает собственное содержание и может быть использовано при анализе форматов партийных систем.

Осталось определиться с тем, какой из возможных континуумов наиболее целесообразно — с точки зрения поставленных в настоящей работе задач — выделить в качестве базового. Мировая исследовательская практика однозначно свидетельствует в пользу социально-экономического, «право-левого» континуума. Его ведущее значение в подавляющем большинстве устойчивых либеральных демократий признается даже теми учеными, исходные теоретические позиции которых вполне согласуются с «многомерным» видением политической действительности... Общеизвестно, что основой распределения партий на «право-левом» континууме служат различия по таким вопросам, как объемы государственного вмешательства в управление экономикой, степень поддержки экономически непривилегированных слоев населения и уровень государственной редистрибутивной политики... Нет нужды обстоятельно доказывать, что все перечисленные вопросы занимают далеко не последнее место в повестке дня новых демократий, где политические преобразования обычно сочетаются с экономическими реформами. Это сочета-

ние, собственно, и обуславливает формирование специфических констелляций политических сил, характерных для новых демократий.

Исходя из сказанного выше, можно, наконец, в общем виде определить, какие политические силы следовало бы отнести к трем основным «блокам», т.е. к «правым», «центру» и «левым», в новых демократиях. «Правыми» считаются партии, выступающие за радикальное сокращение государственного вмешательства в экономику и «свободную игру рыночных сил», против редистрибутивных функций государства. «Левые» занимают противоположные позиции. Что касается «центра», то здесь предпочтения по данным вопросам не определены или слабо артикулированы. Это — партии, для которых важнее отстаивать некие иные позиции. Какие именно? Во-первых, центральную роль в системе приоритетов таких партий может играть сам процесс перехода к демократии. По существу, это означает, что в данной партийной системе помимо «право-левого» существует по меньшей мере еще одно измерение — «за» смену режима или «против» него. Во-вторых, иногда на политическую арену выходят акторы, обеспечивающие представительство регионов, отдельных социальных, этнических, профессиональных и демографических групп, разного рода лобби. В-третьих, не исключена ситуация, когда в новой демократии формируются специфические измерения идеологической конкуренции, не сводимые ни к проблемам экономической реформы и демократизации, ни к корпоративному представительству.

Выделение трех «блоков» политических сил в партийных системах новых демократий позволяет использовать представленные выше показатели электоральной неустойчивости и политической фрагментации для более диверсифицированного, чем обычно, анализа. Наряду с уже охарактеризованными величинами P_e , P_i и S , а также долями отдельных «блоков» в общей внутриблоковой неустойчивости, для каждого из рассматриваемых случаев будут вычислены индексы политической фрагментации по каждому из блоков (NR — «правые», NC — «центр», NL — «левые»), а на этой основе — определена динамика внутриблоковой фрагментации (DR , DC и DL).

Следует подчеркнуть: употребление понятия «блоки» применительно к выделяемым описанным образом «правым», «центру» и «левым» чрезвычайно условно. Речь идет лишь о совокупностях партий со сходными позициями по определенному (и далеко не всеобъемлющему) кругу политически релевантных в данном обществе вопросов. Само по себе наличие подобных «блоков» ничего не говорит о перспективах коалици-

онной политики, в частности, о вероятности формирования «замкнутых минимально выигрышных» или иных «политически осмысленных» коалиций... Более того, в рамках одного и того же «блока» могут оказаться непримиримые политические противники. В первую очередь это относится к гетерогенному «центру», объединяющему партии с экстремальными предпочтениями по разным континуумам. У «правых» и «левых», где такая возможность связана с пространственными закономерностями межпартийной конкуренции..., подобные ситуации складываются относительно редко, хотя общая неопределенность электоральных шансов, характерная для периода перехода к демократии, «работает» именно в этом направлении.

Совокупность изложенных выше соображений и определила критерии, которыми я руководствовался при отборе сравнительных референтов. Первый из этих критериев – наличие сколько-нибудь значимого «центра». Между тем, такого рода «центр» присутствует далеко не во всех новых демократиях. Не сложился он, например, в Чили, где на политической арене доминируют две основные коалиции..., а также в Болгарии, Чешской Республике и Польше... Другим критерием послужило существование влиятельных «партий-преемниц» (которые действуют почти повсеместно в посткоммунистическом мире, но на «юге» добились заметного электорального успеха лишь в Испании, Бразилии и Чили). Разумеется, те новые демократии, где политические партии так и не стали структурирующим фактором даже в стенах парламента (например, Украина или Беларусь), тоже не могли использоваться в качестве сравнительных референтов.

Таким образом, универсум пригодных для данного исследования случаев включает в себя помимо четырех рассматриваемых стран (Испании, Бразилии, Венгрии и России) лишь Словакию, некоторые республики Балтии и бывшей Югославии, а также, возможно, ряд государств СНГ. К сожалению, отсутствие необходимой информации о позициях отдельных организаций, составляющих весьма сложные партийные системы этих небольших стран, препятствует интеграции соответствующих электоральных данных в поле анализа.

Презентация электоральных данных

В качестве массива эмпирических данных по Испании использованы результаты парламентских выборов 1977 и 1982 гг. (в % голосов). Пропущены выборы 1979 г., которые с очевидностью не были «критическими», ибо почти ничего не изменили ни в расстановке политических сил, ни даже в объемах голосования за отдельные партии. К партиям «левого блока» я — по не нуждающимся в особом обосновании причинам — отношу Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП) и Коммунистическую партию Испании (КПИ). Последовательно правые позиции по социально-экономическим вопросам отстаивал лишь Народный альянс (НА), являвшийся одновременно «партией-преемницей». «Центр» распадается на две части. С одной стороны, это партии, в предвыборной риторике которых доминировали темы, связанные с процессом демократизации страны, Союз демократического центра (СДЦ) и возникший позднее Демократический и социальный центр (ДСЦ), а с другой — многочисленные региональные партии (прежде всего, каталонские и баскские), выступавшие за расширение полномочий своего региона...

Массив электоральной статистики по Бразилии образуют результаты выборов 1986 и 1990 гг. в палату депутатов конгресса страны. (Опущены президентские выборы 1989 г.) Полученные партиями и «блоками» результаты приводятся в процентах мест, так как распределения голосов в общенациональном масштабе в Бразилии не публикуются. Разумеется, это дает основания усомниться в сопоставимости данных по Бразилии с остальными. Тем не менее, как представляется, в рассматриваемом случае такое отступление от формальной сопоставимости не только вполне допустимо, но и целесообразно. Выборы в Бразилии проводятся по пропорциональной списочной системе с низким заградительным барьером в отдельных штатах, образующих избирательные округа большой величины. Это обеспечивает чрезвычайно высокий уровень пропорциональности, т.е. приближения процентов мест к процентам голосов, поданных за партии. Иное решение — скажем, использование распределения мест во всех анализируемых случаях — было бы менее удовлетворительным, поскольку некоторые избирательные системы (например, российская) могут давать крайне диспропорциональные результаты.

Картина распределения партий по «блокам» в Бразилии близка к испанской, хотя композиция партийного спектра значительно более сложная... К числу «левых» отнесены Демократическая трабалистская партия (ДТП), Партия трудящихся (ПТ), Бразильская социалистиче-

ская партия (БСП), возникшая позднее Партия бразильской социал-демократии (ПБСД), а также ряд более мелких организаций, включая несколько коммунистических партий. «Правыми», помимо «партии-преемницы» – Социально-демократической партии (СДП), я считаю Партию либеральный фронт (ПЛФ), Христианско-демократическую партию (ХДП), Либеральную партию (ЛП), Бразильскую трабальстскую партию (БТП), Партию национальной реконструкции (ПНР) и Партию национальной мобилизации (ПНМ). В «центр» вошла лишь Партия бразильское демократическое движение (ПБДД), чья предвыборная риторика, как и у СДЦ в Испании, концентрировалась на процессе демократизации и вкладе в него самой партии...

Данные по Венгрии представлены результатами парламентских выборов 1990 и 1994 гг. в % голосов, поданных за территориальные партийные списки... В качестве «левых» рассматриваются «партия-преемница» – Венгерская социалистическая партия (ВСП), а также еще более тесно идеологически связанная с прежним режимом Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСПР), воссозданная Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ), венгерский аналог Аграрной партии России – Аграрный союз (АС) и левопопулистская Венгерская народная партия (ВНП).

Сложнее обстоит дело с «правыми» и «центром». Демократическая Венгрия унаследовала от прежних авторитарных режимов не только «партию-преемницу», но и глубоко укорененное противостояние между «западничеством» и «популизмом» – идейными течениями, с трудом укладывающимися в «право-левый» континуум... В условиях демократизации наследниками первого из них выступили Союз свободных демократов (ССД), Федерация молодых демократов (ФМД), а также возникшие позднее Республиканская партия (РП) и Либеральный альянс – Партия предпринимателей (ЛА – ПП), а второго – Венгерский демократический форум (ВДФ) и отколовшаяся от него Партия венгерской жизни и справедливости (ПВЖС), Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) и Партия мелких хозяев (ПМХ). Какой из этих «блоков» – наличие у них отдельных «идентичностей» ни у кого в Венгрии сомнений не вызывает... – следует отнести к «правым», а какой – к «центру»? Риторика многих венгерских политиков (в т.ч. и принадлежащих к соответствующим «блокам»), равно как и наблюдаемая модель коалиционного поведения, наталкивают на мысль, что в «центре» находится ССД, вошедший после выборов 1994 г. в правительство, воз-

главляемое социалистами. Но будет ли такой вывод верным с точки зрения сопоставимости данных?

Думается, нет. На выборах как 1990, так и 1994 г. социально-экономическая программа ВДФ и его союзников была весьма умеренной и предполагала лишь очень постепенное снижение регулирующей роли государства в экономике в сочетании с социальной поддержкой депривированных слоев населения. Достаточно сказать, что отколовшаяся от Форума ПВЖС была единственной партией, выступившей в 1994 г. за пересмотр итогов приватизации. И напротив, ССД и в особенности ФМД отстаивали концепцию «рыночного радикализма» и требовали ускорения экономических реформ. Именно этот «западнический блок» следует, стало быть, признать «правым» в том смысле, который вкладывается в данное понятие в настоящем исследовании. Другое дело, что ВДФ и его союзники придерживались наиболее последовательно антикоммунистических позиций. Но фокусировался этот антикоммунизм не на экономическом аспекте «левизны», а на авторитаризме прежнего режима и его «антинациональном» характере. А это — проблемы, не имеющие прямого отношения к «право-левому» континууму, в рамках которого «популистский блок» оказывается «центром»...

Электоральные данные по России представлены результатами думских выборов 1993 и 1995 гг. по партийным спискам... В отличие от Венгрии, наиболее простой для определения категорией здесь оказываются «правые». Это — партии, либо поддерживавшие социально-экономическую политику правительства, либо выступавшие за «более последовательное» проведение рыночных реформ. К «правому блоку», таким образом, могут быть отнесены Выбор России (ВР, 1993)/Демократический выбор России — Объединенные демократы (ДВР — ОД, 1995), ЯБЛоко, Партия российского единства и согласия (ПРЕС), Российское движение демократических реформ (РДДР), Партия самоуправления трудящихся (ПСТ) и девять мелких организаций, участвовавших в выборах 1995 г.

На первый взгляд, не составляет труда и идентификация «центра»: помимо «партий», лидеры которых действительно не удосужились хоть как-то определить собственную социально-экономическую программу и не имели четко сформулированных позиций по иным вопросам (вроде Гражданского союза в 1993 г.), это — многочисленные группировки, основанные на принципе «простого» представительства. В 1993 г. главной такой «партией» были Женщины России (ЖР), но в 1995 г. чис-

ло их резко увеличилось, придав партийной системе довольно экзотический вид. Беспрецедентную пролиферацию подобных образований в России можно объяснить как отсутствием институциональных каналов корпоративного представительства..., так и особенностями функционирования партий в условиях ограниченной политической конкуренции...

Основная сложность связана с выявлением «левых». Более или менее ясно, что к их числу следует отнести основную «партию-преемницу» — Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ), а также Аграрную партию России (АПР), «Коммунистов — Трудовую Россию — за Советский Союз» (КТРСС) и «Власть — народу!» (ВН). Но как быть с Либерально-демократической партией России (ЛДПР), которая, напомним, выиграла «учредительные выборы» в стране, и с идеологически родственными ей образованиями вроде «Державы», участвовавшими в выборах 1995 г.? Как быть, наконец, с Демократической партией России (ДПР) образца 1993 г. и с Конгрессом русских общин (КРО) образца 1995 г.?

Моя позиция — которая, предвижу, разоидется с оценками многих читателей — заключается в том, что все «националистические» партии, независимо от степени их декларированной оппозиционности, следует относить к «центру». Дело не в том, что сами лидеры этих партий, начиная с В.Жириновского, обычно именно так и характеризуют собственные идеологические предпочтения, но в том, что любое иное решение не обеспечило бы сопоставимости данных. В связи со специфическими обстоятельствами возникновения современной государственности в России образовалось двухмерное поле межпартийной конкуренции, в котором раскол по социально-экономическим проблемам пересекается с не менее глубоким расколом по вопросам стратегии национально-государственного строительства. Очевидно, что именно второе измерение и было той осью, вокруг которой концентрировалась предвыборная риторика Жириновского. А это значит, что положение ЛДПР на «правом-левом» континууме просто не имело значения в глазах потенциального электората партии. Важнее были другие проблемные позиции. Иными словами, мы сталкиваемся здесь с той познавательной ситуацией, выход из которой ранее уже был намечен и обоснован теоретически...

Таким образом, во всех рассматриваемых случаях удастся выделить по три сопоставимых (с точки зрения их идеологических предпочтений) «блока» политических сил, что открывает возможность проведения

количественного анализа электоральной статистики по единым методологическим основаниям.

Результаты количественного анализа

Показатели электоральной неустойчивости в анализируемых странах представлены в табл. 5. Они заметно превосходят средние показатели по Западной Европе... Из таблицы видно, что общая неустойчивость значительно выше всего в России. Она более чем в 6 раз превышает средний западноевропейский уровень и почти вдвое выше, чем в Венгрии. Однако в целом по группе посткоммунистических демократий венгерский случай показательнее российского... В Испании и Бразилии уровни неустойчивости почти одинаковы, и их числовые значения — примерно средние по выборке, используемой в данном исследовании. В то же время следует отметить, что в широкой перспективе значения P в названных странах оказываются весьма высокими — даже по сравнению с аналогичными показателями в новых демократиях Латинской Америки, где средний показатель — немногим превышает 24 ...

Таблица 5

Показатели электоральной неустойчивости

	Испания	Бразилия	Венгрия	Россия
P	37,2	39,4	26,6	51,7
P_e	28,3	32,2	15,2	11,9
P_i	8,9	7,2	11,4	39,8
S	23,9	18,1	43,0	76,9

Таким образом, по результатам анализа общей неустойчивости, казалось бы, можно заключить, что венгерский и российский случаи — далеко отстоящие друг от друга экстремумы, тогда как бразильский и испанский сходны между собой. Однако выявленный характер межблоковой и внутриблоковой неустойчивости заставляет усомниться в правомерности такого вывода. В Испании и Бразилии мы действительно находим очень сходные распределения. Но при этом выясняется, что близки между собой и значения P_e в Венгрии и России, причем в последнем случае оно ниже, а необычайно высокий уровень общей неустойчивости более чем на две трети объясняется внутриблоковой динамикой. Противоположностью России в данном отношении ока-

зывается Бразилия, где процентная доля внутриблоковой неустойчивости ниже более чем вчетверо.

При анализе долей отдельных блоков в общей внутриблоковой неустойчивости картина оказывается еще сложнее и многообразнее (см. табл. 6). Как показывают вычисления, по данному критерию «сгруппировать» рассматриваемые случаи просто невозможно, ибо каждая модель имеет весьма своеобразный, национально-специфический характер. В Испании совершенно отсутствует неустойчивость в рамках «правого блока», а основными ее носителями выступают «центр» и, в особенности, «левые». В Бразилии – прямо противоположная ситуация. Динамика внутриблоковой неустойчивости полностью сконцентрирована здесь в «правом блоке». Чуть равномернее распределения в Венгрии и России, но и тут картины существенно разнятся: если в первом случае самым неустойчивым оказывается «левый» блок, то во втором он, напротив, устойчивее остальных.

Таблица 6

Доли отдельных блоков в общей внутриблоковой неустойчивости (в %)

	Испания	Бразилия	Венгрия	Россия
Правые	0	100	28,1	49,3
Центр	41,6	0	18,4	40,2
Левые	58,4	0	53,5	10,5

Как явствует из табл. 7, показатели общей политической фрагментации по использованной выборке довольно высоки. Лишь в случае бразильских выборов 1986 г. такой показатель имеет значение, которое в широкой сравнительной перспективе можно признать средним... Остальные значения превышают среднее, причем уровни фрагментации, достигнутые на обоих выборах в Венгрии и на выборах 1990 г. в Бразилии, весьма велики, а российская партийная система постоянно демонстрирует чрезвычайно высокие значения N. В 1995 г. она могла рассматриваться как наиболее фрагментированная в мире. Распределения фрагментации по блокам опять-таки своеобразны. В Испании самой фрагментированной частью политического спектра неизменно был «центр», тогда как

в Бразилии — «правые» и «левые». В Венгрии картина распределения фрагментации по «блокам» претерпела кардинальные изменения: если в 1990 г. высшей степенью фрагментированности отличался «левый блок», а за ним следовал «центр», то четыре года спустя значение NC оказалось наибольшим, а NL — наименьшим. «Перемена мест слагаемых», хотя и более ограниченная, произошла и в России: по уровню фрагментации здесь сначала «лидировали» «правые», а потом — «центр» (причем общее распределение приблизилось к венгерскому).

Таблица 7

Показатели политической фрагментации

	Испания		Бразилия		Венгрия		Россия	
	1977	1982	1986	1990	1990	1994	1993	1995
N	4,3	3,4	2,8	8,7	6,7	5,5	8,3	11,1
NR	1	1	2,1	4,7	1,7	2,0	3,2	5,0
NC	2,1	6,5	1	1	2,3	3,2	2,7	6,1
NL	1,6	1,2	2,8	4,7	3,2	1,3	1,9	1,9

Весьма разнообразны и показатели фрагментации в динамике (табл. 8). В Испании и Венгрии наблюдается довольно заметное снижение значений D, в России — примерно такой же прирост, тогда как в Бразилии фрагментация возросла более чем втрое. Впрочем, относительные значения D по отдельным «блокам» распределены несколько равномернее. В трех случаях — испанском, венгерском и российском — самая динамичная фрагментация наблюдается в «центре», а самая медленная — в «левом блоке». Отклоняется лишь случай Бразилии, где ниже всех как раз значение DC, хотя и здесь DR превышает DL.

Таблица 8

Динамика политической фрагментации

	Испания	Бразилия	Венгрия	Россия
D	0,8	3,1	0,8	1,3
DR	1,0	2,2	1,2	1,6
DC	3,1	1,0	1,4	2,3
DL	0,8	1,7	0,4	1,0

Подводя итоги количественному анализу, приходится констатировать, что полученные по каждому из рассмотренных случаев результаты весьма разнятся между собой. Их нельзя свести к единой модели. Напротив, можно говорить о четырех существенно различных форматах партийных систем, каждый из которых обладает специфическим набором идентифицированных выше характеристик. Выявить институциональные факторы, «ответственные» за кросснациональную вариацию по этим параметрам, позволит качественный анализ отдельных случаев. Его методологическая гомогенизация будет достигнута как за счет обоснованного в первом разделе статьи унифицированного видения независимых переменных, так и за счет единообразия нарративных экспозиций анализа: сначала будут обсуждаться итоги «учредительных выборов» в контексте национально-специфических процессов демократизации, затем — роль «партий-преемниц», а в последнюю очередь — институциональный дизайн новых демократий. Выводы будут базироваться на анализе итогов «критических» выборов. Такое построение нарратива обусловлено методологией исследования и, разумеется, отнюдь не означает, что каким-то факторам а priori приписывается ведущая роль.

Исследования отдельных случаев

[...]

Венгрия

«Учредительные выборы» 1990 г. в Венгрии стали итогом довольно длительного по восточноевропейским меркам процесса либерализации режима... Его инициаторами были лидеры «реформаторского крыла» правящей партии, ВСРП, во главе с И.Пошгаи. Тем не менее у власти это крыло оказалось относительно поздно — в конце июня 1989 г. До самого последнего момента «реформаторам» приходилось делить рычаги контроля с «консервативным крылом», и в качестве одного из доступных сторонникам преобразований средств давления выступали внесистемные, более или менее оппозиционные группы. Отсюда — сравнительно ранняя легализация венгерского «демократического движения». Понятно, однако, что «диссиденты—западники» мало подходили на роль умеренно-оппозиционной силы, готовой к сотрудничеству с Пошгаи и его фракцией ВСРП. В качестве такой силы могли выступить лишь «популисты», организация которых — ВДФ — создавалась при непосредственном участии Пошгаи...

ВДФ стал костяком «центристского» политического лагеря в Венгрии, к которому позднее присоединились ХДНП и ПМХ. «Правые» организации – ССД и ФМД – возникли позднее и были менее влиятельными. Именно ВДФ рассматривался, таким образом, в качестве главного партнера ВСРП на переговорах, решивших проблему перехода страны к демократии... Последовавшая дезинтеграция правящей партии и создание на ее руинах ВСП, а также осуждавшей всякие перемены ВСРП, имели двойкий эффект. С одной стороны, ВДФ выдвинулся на роль лидирующей политической силы страны. С другой – произошла фрагментация левой части политического спектра: идеологически близкие к ВСП политики предпочитали дистанцироваться от обреченной на поражение бывшей правящей партии. Помимо «партий-преемниц» за голоса левых избирателей конкурировали СДПВ (которая пыталась возродить «незамутненные коммунизмом» традиции венгерского рабочего движения), АС и ВНП.

Все эти обстоятельства сказались на итогах «учредительных выборов». Безусловную победу одержал «центр», принадлежавшие к которому партии и образовали правительство страны. Роль оппозиции отошла к «правым» ССД и ФМД, а также к единственной «левой» партии, добившейся парламентского представительства – ВСП. В течение некоторого времени экономическая политика правительства, сочетавшая в себе элементы осторожных рыночных реформ и социальной защиты населения, казалась успешной. Вскоре, однако, выяснилось, что установка на «постепенность» преобразований себя не оправдывает. Высокий уровень инфляции и стремительный рост числа безработных привели к быстрому падению уровня жизни населения... В результате «центр» оказался «невыйгрышной» частью политического спектра. Ведущие «центристские» партии – ВДФ и ПМХ – раскололись, а идеологическая привлекательность официальных «христианско-национальных ценностей» становилась, по данным опросов общественного мнения, все более сомнительной.

Обсуждавшийся выше случай Испании подсказывает, что в такой ситуации в выигрышном положении должны были оказаться прежде всего силы, оппозиционные правительству, но активно поддерживавшие процесс демократизации, – следовательно, «правые». Именно об этом и свидетельствовали данные опросов общественного мнения до лета 1993 г. Но затем влияние «правых» стало неуклонно падать. Думается, что шансы ССД на победу в «критических выборах» были в значительной

мере подорваны неадекватностью идеологических ориентиров. Полагая, что депривация населения заставит его обратиться к организациям, предлагающим более «мягкую» экономическую политику, лидеры ССД фактически отказались от своих первоначальных установок в пользу «социально ориентированной» стратегии. На этом поле, однако, им предстояло конкурировать с ВСП. Руководство ФМД, напротив, заняло последовательно жесткую «неоконсервативную» позицию, что позволило партии на короткий срок выйти в лидеры общественного мнения. В то же время подобная идеологическая эволюция вызвала противодействие части активистов партии. Произошел скандальный раскол, нанесший непоправимый урон организационной стабильности и электоральной привлекательности ФМД.

Можно предположить, что все описанные события способствовали повышению потенциала ВСП, несомненным преимуществом которой был значительно более высокий, чем у испанской и бразильской «партий-преемниц», уровень организационной стабильности. Лишившись власти, ВСП в основном утратила членскую базу, но зато сохранила заметную долю своих активистов — профессиональных политиков, оказавшихся не у дел в результате смены режима. Основная проблема состояла в том, чтобы заставить избирателя признать социалистов партийей, полностью отказавшейся от авторитарных методов руководства и от коммунистической идеологии.

Учитывая, что коммунисты-«реформаторы» действительно сыграли важную роль в процессе демократизации, а идеологически ангажированные активисты в массе своей предпочитали «восстановленную» ВСП, названная проблема оказалась технически разрешимой... На выборы 1994 г. ВСП пришла сплоченной, стабильной в организационном плане партией, ассоциированным членом Социалистического Интернационала. Предвыборная программа ВСП отдавала дань традиционной левой риторике, и все же основными ее пунктами были эффективная макроэкономическая регуляция, ускорение приватизации и сокращение государственных расходов.

Результаты «критических выборов» можно охарактеризовать как полную победу ВСП и катастрофическое поражение «центра» при сохранении уровня поддержки «правых». Доля голосов, поданных за ВДФ, уменьшилась почти вдвое... Сократилась и электоральная поддержка ПМХ. Единственной партией «центра», несколько улучшившей свои позиции, стала ХДНП, чья предвыборная риторика концентрировалась на

интересах специфического субэлектората — верующих жителей сельской местности. Общая фрагментация «центра» возросла за счет более равномерного распределения голосов между составлявшими его партиями. Немного возросла и фрагментация «правой» части политического спектра, где отсутствие явного лидера сделало возможным увеличение числа конкурирующих партий. Однако на общесистемном уровне тенденции к нарастанию фрагментации «справа» и в «центре» были полностью сnivelированы ее падением «слева».

Действительно, к 1994 г. превосходящие организационные ресурсы ВСП сделали положение партий, конкурировавших с социалистами на «учредительных выборах», по сути дела безнадежным. СДПВ и ВНП фактически прекратили существование и выбыли из борьбы, а ВСП и АС лишь ухудшили свои показатели. Именно этим и можно объяснить два феномена, которые мы наблюдали при формальном анализе электоральных исходов в Венгрии — значительный уровень неустойчивости на «левом» фланге политического спектра, несомненно связанный с переходом голосов от выбывших из борьбы и проигравших партий к ВСП, и обусловленный тем же самым довольно высокий общий уровень неустойчивости в стране.

Межблоковая неустойчивость в Венгрии оказалась почти вдвое ниже, чем в Испании и Бразилии: разгром «центра», от которого в основном отходили голоса к другим блокам, не был здесь таким сокрушительным. С чем это связано? Думается, возможное объяснение состоит в том, что, в отличие от испанского СДЦ и бразильской ПБДД, целиком концентрировавших свою предвыборную риторику на процессе перехода к демократии (т.е. на совокупности целей, уже реализованных к моменту «критических выборов»), венгерский «центр» обладал глубоко укорененной в истории страны идеологической идентичностью, сохранившей притягательность для известной части электората даже на фоне экономических неудач.

Случай Венгрии не привносит ничего принципиального в понимание роли «учредительных выборов», результаты которых и здесь задали исходную диспозицию политических сил. Но зато именно на венгерском материале особенно отчетливо высвечивается значение «партии-преемницы» как фактора, определяющего формат партийной системы. Выясняется, что наличие сплоченной, организационно стабильной партии такого типа способно противодействовать фрагментации партийной системы. Однако условием, при котором подобные эффекты становятся возможными, слу-

жит способность «партии-преемницы» к идеологической трансформации, ее готовность принять демократические «правила игры».

Россия

Российский переход к демократии во многом отличался от аналогичных процессов в других странах, причем не только на «юге», но и на «востоке». Две особенности заслуживают специального упоминания в контексте настоящего анализа. Во-первых, «учредительные выборы» в стране были проведены более чем через два года после фактической смены режима. В промежутке же между этими двумя событиями политическая соревновательность в России имела весьма ограниченный характер. Это блокировало процесс становления политических партий и, более того, самым негативным образом сказалось на устойчивости организаций, возникших в 1990–1991 гг....

Во-вторых, сразу же после смены режима у власти в стране оказались политические силы, в терминах настоящего анализа квалифицируемые как «правые». Сентябрьско-октябрьские события 1993 г. усилили позиции этого «блока» до такой степени, что его ведущие представители не осознали необходимость консолидации даже в преддверии парламентских выборов. Напротив, создается впечатление, что предвыборная стратегия правительственных сил строилась на пролиферации партий сходной политической ориентации. Отсюда — такой уникальный феномен, как присутствие на политической арене двух партий, возглавлявшихся членами действующей администрации — ВР и ПРЕС, а также близкого к ним РДДР. «Правую оппозицию» представляло лишь ЯБЛоко.

В этих условиях, разумеется, «центр» не мог быть образован за счет партий, чья электоральная риторика концентрировалась на их собственных заслугах в деле демократизации. Эту часть политического спектра составили, с одной стороны, объединения, основанные на принципе «простого представительства», ярким примером которых стал блок под неприязнительным названием «Женщины России», а с другой стороны — организации, осознавшие появившуюся стратегическую возможность выступить в качестве «центристской оппозиции» правительству.

Главная проблема «центра» заключалась, однако, в том, что его оппозиционность нуждалась в сильной идеологической артикуляции, осью которой не могли стать ни целесообразность смены режима, ни направление экономических реформ. Этим, думается, и объясняется фе-

номен ЛДПР — партии, которая не противопоставляла себя правительству ни по одной из упомянутых позиций, но сфокусировала свою предвыборную риторику на проблемах национально-государственного строительства, образовывавших, как уже говорилось, дополнительную ось идеологической поляризации в России. Именно на такой основе и стала возможной реализация «опозиционно-центристской» стратегии.

Разумеется, наибольшим оппозиционным потенциалом обладали «левые» в лице КПРФ и связанной с ней АПР. Но, как мы видели, шансы на реализацию этого потенциала прямо зависят от идеологической гибкости «партии-преемницы». В данном отношении российский и венгерский случаи существенно разнятся между собой. С институциональной точки зрения, эта разница объясняется таким фактором, как запрещение КПСС в 1991 г., а в более широкой перспективе — моделями развития элит в двух странах... Если в Венгрии смена элит подталкивала активистов ВСРП к оппозиционной деятельности в составе реформированной партии, то российская модель «репродукции» делала такой способ политической реадaptации излишним, а запрет на деятельность КПСС — даже рискованным. В результате костяк руководства и актива КПРФ составили идеологически ангажированные оппозиционеры. Правда, в специфическом контексте кампании 1993 г. предвыборная риторика, построенная на артикуляции ценностей партийного актива КПРФ, была едва ли возможна. В целом она имела вялый, неопределенный характер, контрастировавший с наступательным стилем лидера ЛДПР. Еще менее ярко была выражена оппозиционность стратегического партнера коммунистов — АПР.

Результаты выборов 1993 г. показывают, что именно «центру» — и прежде всего ЛДПР — удалось добиться электорального поощрения избирателей, не удовлетворенных экономической политикой правительства. Высокий уровень фрагментации партийной системы, достигнутый по результатам этих выборов, объясняется совокупностью причин. Фрагментация «правого блока» — это, в значительной мере, артефакт, связанный с наличием нескольких «правительственных партий». Что касается «центра» и «левых», то здесь сказалось сосуществование ЛДПР — с ДПР и ЖР, а КПРФ — с АПР. Наконец, немаловажную роль сыграло относительно равномерное (в пропорции примерно 4 : 4 : 2) распределение голосов между «блоками». Следует отметить, что фрагментация «центра» была бы, по всей вероятности, еще более высокой при отсутствии ограничений на регистрацию оппозиционных националистических партий...

В условиях парламентской системы подобный исход выборов привел бы, очевидно, к формированию коалиции с обязательным участием «центра». В России, однако, правительственная ответственность оставалась за «правыми», и это — основное обстоятельство, определившее партийные стратегии на этапе подготовки к «критическим выборам» 1995 г. Ассоциация с правительством превратилась в фактор, заведомо ухудшавший электоральные шансы любого политика. Думается, что именно этим — а не только эффектами избирательной системы... — следует объяснять пролиферацию «правых» партий, каждая из которых стремилась представить себя как «демократическую оппозицию» правительству, а также организационный коллапс ВР. Наскоро созданная новая «правительственная партия», НДР, уже в силу своей идеологической неопределенности не могла привлечь на свою сторону большинство «правого» субэлектората. Отсюда — чрезвычайно высокая доля «правых» в общей внутриблоковой неустойчивости, а также повышение фрагментации данной части политического спектра.

Положение «центра» — и прежде всего ЛДПР — осложнялось тем, что в промежутке между выборами он не состоялся как сила, оппозиционная правительству. В то же время, победа на «учредительных выборах» при неизменной правительственной ответственности делала «центр» чрезвычайно притягательным для новых партий — как националистических (КРО, Держава, Национально-республиканская партия и др.), так и корпоративных. Конstellляция этих двух обстоятельств привела к тому, что, хотя по итогам выборов 1995 г. именно «центр» понес наиболее ощутимый относительный урон, он же подвергся и крайнему раздроблению, во многом определившему чрезвычайно высокую общесистемную фрагментацию в России. Если в 1993 г. на ЛДПР пришлось более половины «центристских» голосов, то в 1995 — лишь около трети.

Единственной частью политического спектра, не подвергшейся интенсивной фрагментации, оказались «левые». Как показал анализ венгерского случая, это можно связывать с наличием организационно устойчивой «партии-преемницы». Пределы доступной КПРФ идеологической мобильности по-прежнему оставались достаточно узкими. Однако исход «учредительных выборов» определил направление, в котором КПРФ могла переориентироваться, не теряя организационной сплоченности руководства и актива — национализм и «державность». Правда, подобная переориентация могла стоить КПРФ голосов идеологически ангажированного субэлектората, для которого более рациональным ста-

новилось голосование за КТРСС. Но эти потери были перекрыты приобретением части субэлекторатов других блоков (вероятнее всего, «центристского»), а также АПР. Мало повлияло на общую картину и появление маргинального «левонационалистического» избирательного объединения ВН. В итоге «левые» стали единственным «блоком», фрагментация которого в 1995 г. не возросла, а внутриблоковая неустойчивость оказалась достаточно низкой.

Особенностью российского случая является чрезвычайно высокий уровень общей неустойчивости, объясняемый, преимущественно, внутриблоковыми перемещениями голосов. Сходство с Венгрией состоит в том, что фактором, «ответственным» за внутриблоковую динамику, служит электоральный успех «партий-преемниц». Однако если в Венгрии партии противостоявших социалистам «блоков» сохранили известную степень организационной устойчивости, в результате чего значительная часть внутриблоковых перемещений сконцентрировалась «слева», то в России рост влияния КПРФ происходил на фоне коллапса других «блоков». Объяснительным фактором в данном случае служит исход «учредительных выборов»: в Венгрии они принесли успех партиям, которые достигли значительно более высокого уровня организационного развития, чем российские «демократы» и «националисты». Другое важное различие между двумя случаями состоит, очевидно, в том, что венгерская парламентская система адекватно трансформировала избирательские предпочтения, выраженные на «учредительных выборах», в политический курс. В России же итоги выборов 1993 г. мало отразились на проводимой политике. С этим можно связать сравнительно низкий уровень межблоковой неустойчивости в России.

Российский случай в целом подтверждает сделанные выше выводы о роли «партий-преемниц» в становлении партийных систем. Как в Венгрии, так и в России им удалось стать наиболее устойчивыми организационными акторами, образующими ось межпартийной конкуренции. Однако общесистемные эффекты противоположны: сокращение фрагментации — в одном случае, ее колоссальный рост — в другом. Как явствует из анализа, формат российской партийной системы подвергся решающему воздействию крайне неблагоприятной констелляции факторов, имеющих отношение к институциональному дизайну новой демократии. Это — президентализм (негативные эффекты которого уже отмечались при анализе бразильского случая), несвоевременное проведение «учредительных выборов», ограниченность политической конкуренции на на-

чальном этапе демократизации, а также, возможно, избирательная система.

Заключение

Исследование показало, что форматы партийных систем нельзя объяснить на основе какого-то одного из институциональных факторов. Скорее, речь должна идти об их национально-специфических констелляциях. Как мы видели, по итогам «учредительных выборов» бразильская партийная система была наименее фрагментированной по использованной выборке. Под действием других институциональных факторов она, однако, достигла весьма высокого уровня фрагментации. Наличие организационно стабильных и идеологически гибких «партий-преемниц» в целом может рассматриваться как фактор, преодолевающий фрагментацию и неустойчивость, но и здесь, как показывает кросс-национальный анализ, влияние других факторов может оказаться сильнее. Наконец, принятый в условиях демократизации институциональный дизайн действительно способствовал высоким уровням фрагментации и неустойчивости в Бразилии и России. Однако форматы партийных систем Испании и Венгрии, сделавших выбор в пользу парламентской формы правления, во многом различны.

Таким образом, в каждом случае возникает необходимость выделения специфики политического «фона», на котором протекают взаимодействия между соревновательными акторами. Думается, что один из подходов к решению этой принципиально важной задачи состоял бы в теоретической реконструкции структуры политических возможностей, открывающихся перед соревновательными акторами в переходных обществах. На этой основе можно было бы представить взаимодействия между ними как последовательности «игр», ведущихся в условиях структурных (в данном случае, институциональных) ограничений, а стало быть — поддающихся описанию и объяснению в рамках теории рационального выбора. С методологической точки зрения, такие описания и объяснения тяготели бы к моделям «неоинституционального подхода»... Но предпосылкой этого служит выделение политических целей, к достижению которых стремятся участники процесса демократизации. Как показывает проведенное исследование, цели соревновательных акторов специфицируются путем ретроспективного анализа, берущего в качестве

отправной точки характер авторитарного правления в той или иной стране.

Тогда оказывается, что исход «учредительных выборов» — это результат наложения одного из базовых демократических институтов на политическую реальность, характер которой уже задан потерпевшим крах авторитаризмом. Именно в таком качестве «учредительные выборы» детерминируют исходную структуру политической конкуренции, а значит — первоначальный формат партийной системы. Другой элемент авторитарного наследия — «партии-преемницы», способность которых институционализироваться в качестве соревновательных акторов существенно модифицирует этот первоначальный формат. И лишь затем в ход вступают условия, непосредственно вытекающие из дизайна новой демократии. Несколько парадоксальный вывод состоит, таким образом, в том, что конstellации институциональных факторов, каждый из которых имеет демократический характер (исходный, как в случае с выборами, или приобретенный, как в случае с «партиями-преемницами»), в целом обусловлены не спецификой демократического правления в той или иной стране, а авторитарным наследием.

В современной дискуссии по проблемам демократизации уже высказывалась точка зрения, что политическая фрагментация в посткоммунистической Восточной Европе — прямое следствие «ленинского наследия»... Данную постановку вопроса следует признать не совсем адекватной, поскольку в ней явно заложен постулат об однородности унаследованных политических характеристик. Настоящее исследование показывает, что формат партийной системы есть продукт взаимодействия соревновательных акторов «на фоне» авторитарного — «ленинского» или какого-либо иного — наследия, протекающего «в рамках» институтов демократии. Можно предположить, что, становясь элементом нового институционального дизайна, партийные системы включаются в процесс этого взаимодействия в качестве одного из факторов, способствующих или препятствующих консолидации демократии. Роль «наследия» как детерминанты системных целей при этом сокращается. Так — постепенно, шаг за шагом — демократия приобретает собственную основу для дальнейшего развития.

А.В.ЛИХТЕНШТЕЙН

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И РОССИЙСКИЙ
ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМ:
ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИЙ***

**Влияние партийной системы на президентализм:
Два варианта объяснения**

Для ряда исследователей вопрос о недостатках президентской (полупрезидентской) формы правления формулируется, однако, исходя из иного основания. Критика президентализма заключается в проблемах не столько в сфере исполнительной, сколько в сфере законодательной власти. «Опасности президентства», с этой точки зрения, проистекают не из-за того, что глава государства обладает большими полномочиями и следует авторитарным практикам управления. Напротив, они являются результатом его слабости и невозможности проводить свои инициативы через парламент. Как пишет Сартори, парадокс президентской формы правления именно в том и состоит, что исполнительная власть, будучи независимой от власти законодательной, в то же время на ней основывается и без нее теряет свою силу... Для смешанных форм правления этот вывод приобретает еще большую значимость. Наличие двойной структуры исполнительной власти, одна из составляющих которой в значительной степени зависит от доверия парламента, еще более

---

* *А.В.Лихтенштейн* – к.полит. н., ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге. Мы печатаем сокращенный текст статьи, опубликованной в сборнике научных трудов ИНИОН РАН «Политическая наука» (2003 г., №1).

усиливает взаимозависимость между ветвями власти, делая поиск компромисса необходимым для обеспечения жизнеспособности системы.

Как следует из данных рассуждений, полнота президентской власти и способность президента влиять на законодательный процесс истекает из двух основных источников... — конституционного и партийного... Конституционные полномочия президента, такие как право накладывать вето на законопроекты, издавать указы и т.д., позволяют ему формировать результат процесса принятия решений безотносительно того, поддерживает ли его парламентское большинство или нет. «Партийный» же источник президентской власти, в свою очередь, обусловлен позицией президента по отношению к партийной структуре парламента, которая и определяет степень влияния главы государства на законодательный процесс. Именно этот аспект и является предметом дальнейшего анализа. Сначала я остановлюсь на концепциях, связывающих функционирование президентализма с *фрагментацией* партийной системы, затем внимание будет уделено влиянию *характеристик* самих *политических партий* на процесс принятия решений.

Фрагментация партийной системы и президентское правление

Начало исследованию влияния партийной системы на функционирование президентских режимов было положено работой американского ученого С.Мэйнуоринга, ...в которой он пришел к выводу, что недостатки президентализма обусловлены во многом тем, с какой партийной системой он сочетается. Результаты его анализа показывают, что высокий уровень партийной фрагментации значительно повышает вероятность конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти в странах с президентскими формами правления... Напротив, биполярный формат партийной системы способствует ее большей стабильности и снижению конфликтности... В качестве одного из главных аргументов в пользу данного заключения выступал опыт США...

Несовместимость президентализма и многопартийности связана с тем, что в подобных условиях президентской партии практически невозможно получить большинство мест в парламенте. Действительно, данные Мэйнуоринга подтверждают, что по мере увеличения фрагментации партийной системы и увеличения эффективного числа партий в стабильных президентских демократиях снижается средняя доля мест в

ассамблее, которые контролируются президентской партией. Это ведет к тому, что президент лишается возможности работать с лидерами сильных парламентских фракций. Поэтому он вынужден взаимодействовать с отдельными законодателями, что способствует распространению практики патронажа и тем самым снижает стабильность взаимоотношений между ветвями власти... На основе изучения бразильской партийной системы Мэйнуоринг пришел к заключению, что «...комбинация президентизма, фрагментированной многопартийной системы и недисциплинированных партий затрудняет работу президента через партийные каналы и поощряет антипартийные практики»... Отсутствие стимулов к повышению значимости политических партий объясняется также тем, что в условиях фрагментированной и слабой партийной системы кандидаты в президенты не испытывают потребности обращаться к партиям за поддержкой. Персональное лидерство и харизма кандидата приобретают гораздо большую политическую ценность в ситуации «циничного отношения избирателей к партиям», «отчужденным на периферию электральной политики»...

Напротив, в условиях низкой фрагментации партийной системы значимость партий в политическом процессе резко повышается, что ведет к большей стабильности президентизма... С этой точки зрения двухпартийность, как наиболее желательная ситуация, оказывается способной устранить «опасности президентства», на которые указывал Линц, и, в частности, снизить вероятность противостояния ветвей власти, устранить тенденцию к идеологической поляризации, облегчить достижение межпартийных коалиций...

Партийная дисциплина и президентское правление

Предположение Мэйнуоринга и других авторов о том, что для успешного функционирования президентизма необходимо совпадение партийной принадлежности президента и парламентского большинства, справедливо для большинства стран Латинской Америки. Но оно не подтверждалось частыми периодами так называемого «разделенного правления» в США, когда американский президент был вынужден работать с парламентским большинством, не принадлежащим к его партии. Теоретически это должно было привести к противостоянию ветвей власти и вылиться в затяжной кризис. Однако на практике ничего подобного не происходило. Действительно, ряд исследователей предсказывали крайне

негативные последствия «разделенного правления», которые должны были привести к неэффективности и неработоспособности самой формы правления и, кроме того, к «распылению» ответственности правителей из-за отсутствия ясности по поводу того, кто принимает решения и контролирует управленческий процесс. Так, например, Дж.Сандквист пишет, что оппозиционное президенту большинство в Конгрессе США имеет все основания отвергнуть инициативы исполнительной власти; принять их — означает подтвердить власть президента и, следовательно, способствовать его переизбранию. Аналогичным образом, президент не сможет конкурировать с парламентской партией большинства на следующих президентских выборах, если он согласится с Конгрессом сейчас. С этой точки зрения, «разделенное правление» создает институциональные стимулы к тому, чтобы ветви власти находились в оппозиции друг к другу по законодательным вопросам (тем самым, ведя к неэффективности правления), ради перспектив своего будущего переизбрания...

Однако проведенный Д.Мэйхью анализ предлагаемых и принимаемых законодательных инициатив в Конгрессе США показал, что причин для сильного беспокойства нет: «разделенное» ли правление или «объединенное», это никак не влияет на ход законодательного процесса... Вместе с тем, выбранная Мэйхью методология анализа часто становилась предметом критики, что стало поводом к сомнению в достоверности полученных этим исследователем выводов... Более убедительное объяснение того, почему частые ситуации «разделенного правления» не вылились в политический кризис, предлагают работы, посвященные характеристикам самих американских политических партий. Так, Ф.Риггс пришел к выводу, что работоспособность и долговечность американской государственной системе обеспечивают особые «пара-конституционные» практики, важнейшим элементом которых является слабая внутрипартийная сплоченность... Несмотря на негативные стороны такого положения дел, а именно, неспособности президентской партии значимо влиять на принятие решений и отсутствие стимулирующей оппозиции, низкая дисциплина политических партий оказывается, как ни удивительно, благоприятным фактором функционирования системы в целом. Объяснение состоит в том, что, с одной стороны, такая характеристика американской партийной системы снижает вероятность формирования в парламенте дисциплинированной оппозиционной фракции, что впоследствии могло бы привести к развитию конфликтной ситуации, и даже вылиться в диктатуру (как произошло, например, в Чили в 1973 г.). Эта

потенциальная возможность уже сама по себе делает нежелательным наличие сильных парламентских партий в президентской системе. Вместе с тем, даже если президентская партия оказывается в меньшинстве в Конгрессе, вероятность создания пропрезидентских коалиций значительно повышается, если фракции не придерживаются жестко установленных партийными лидерами правил парламентского поведения. В подобных условиях решение конгрессменов о голосовании за тот или иной проект закона не связано с их партийной принадлежностью и строгим следованием идеологическим принципам. Это позволяет президенту взаимодействовать с парламентом, исходя из индивидуальных предпочтений конгрессменов, не принимая во внимание партийную композицию легислатуры. Как утверждает Риггс, именно поэтому особое значение приобретает центростремительная, ...а не центробежная динамика партийной системы, облегчающая коалиционные взаимодействия между основными соперниками. В результате рыхлость организации политических партий и отсутствие жестких идеологических принципов позволяют президенту «торговаться» с Конгрессом, тем самым обеспечивая нахождение компромиссных решений в проблематичных ситуациях. Центром принятия решений в легислатуре в такой ситуации оказываются не парламентские фракции, а сильные комитеты...

Соглашаясь с размышлениями Риггса, Сартори заявлял, что американская система работает, *несмотря* на конституцию... В действительности президентализм, по его мнению, является заведомо неэффективной системой, и ее работа может быть обеспечена только при выполнении определенных условий. Они заключаются, во-первых, в отсутствии идеологической жесткости, слабости и недисциплинированности политических партий (на что указывал Риггс), а во-вторых, в регионально ориентированной политике, ведущей к стимулированию голосования за личности, а не за партии, а также институционализации практик патронажных сделок (*poik-barrel politics*). Сартори отмечает, что это постепенно приводит к тому, что парламентские партии становятся все более и более фрагментированными, а поведение отдельных законодателей все больше напоминает поведение лоббистов своего округа, а не членов политической организации. Коалиции в такой ситуации все более представляют собой заключенные по отдельным вопросам соглашения, которые после проведения нужного закона сразу распадаются, делая похожими межпартийные взаимодействия скорее на беспорядочное вращение калейдоскопа, чем поиск надежного компромисса. Именно эти

особенности американских политических партий, по мнению Сартори, и стали причиной того, что Мэйхью не удалось обнаружить видимых различий между ситуациями «разделенного» и «объединенного» правления: ведь рыхлость и атомизация американских партий делают понятие партийного большинства бессмысленным. «Объединенное» правление в такой ситуации никак не может повлиять на эффективность американского законодательного процесса, как, впрочем, и правление «разделенное».

Фрагментация и партийная дисциплина: Взаимодополняющий эффект

Как видно из рассмотренных выше двух групп теорий среднего уровня, характер функционирования президентской формы правления связывается с влиянием многопартийности и партийной дисциплины. Ниже приводится таблица, в которой делается попытка объединить оба направления анализа и представить возможные комбинации факторов «фрагментация – партийная дисциплина», и их влияние на способность президентской системы к преодолению кризисных ситуаций и эффективному принятию решений.

Знак «+» в ячейке показывает, что сочетание факторов является благоприятным для президентского правления, «-» показывает неблагоприятное воздействие комбинации, «-/+» говорит о том, что однозначного вывода о сочетаемости комбинации факторов с президентализмом сделать нельзя, либо отсутствуют достаточные основания для какого-либо заключения.

Таблица 2

Возможные сочетания факторов «фрагментация – партийная дисциплина» и их влияние на президентализм

	Высокая фрагментация (отсутствие стабильного большинства)	Двухпартийность (сформировано однопартийное большинство в парламенте)
Высокая партийная дисциплина	-	-/+
Низкая партийная дисциплина	-/+	+

Так, высокая партийная дисциплина, мало подходящая для президентализма, во фрагментированных системах ухудшает возможности построения коалиций, тем самым еще более затрудняя работу президента с парламентом и препятствуя эффективному правлению. С другой стороны, как утверждает М.Коппедж, ошибкой было бы полагать, что партийная система с доминирующей партией и высокой партийной дисциплиной была бы решением проблемы... Основным аргумент, однако, связан не столько с неэффективностью процесса принятия решений (эта проблема возникает лишь в том случае, если президент и парламентское большинство принадлежат к оппозиционным партиям), сколько с нарушением демократического принципа разделения властей и угрозы авторитарного правления, если президент и парламент принадлежат к одной партии... Низкая партийная дисциплина, как можно ожидать, положительно влияет на функционирование президентской формы правления: именно этот фактор и обеспечивает отсутствие кризисов американской двухпартийной системы. Возможность убеждения законодателей персонально, провоцирование расколов во фракциях или распределение благ и формирование клиентелистских альянсов позволяют президенту работать с парламентом без лояльного большинства... Однако полное отсутствие дисциплины также нежелательно, и... также может иметь критические последствия для демократического правления. Сходной точки зрения придерживаются С.Мэйнуоринг и М.Шугарт. Авторы пришли к выводу, что партии в президентских системах не должны быть слишком дисциплинированными (чтобы сохранялся демократический принцип разделения властей). В то же время, полное отсутствие дисциплины также нежелательно, т.к. крайне затрудняет стабильные взаимоотношения между исполнительной и законодательной властью. Умеренная же дисциплина политических партий представляется им наиболее приемлемым вариантом...

Как можно видеть, наиболее желательным вариантом является двухпартийность, когда политические партии не являются дисциплинированными (по американской модели). В этом случае нет опасности того, что будет сформирована сплоченная оппозиция в парламенте. В то же время президент получает возможность эффективно работать с законодательной властью, даже если большинство в ней не принадлежит к его партии. Вариант, когда фрагментация в парламенте высокая, а дисциплина низкая, также является приемлемым, хотя существует опасность нестабильности партийных коалиций и потери управляемости законодательного ор-

гана. Допустимым также является и вариант, при котором низкая фрагментация сочетается с высокой дисциплиной, хотя в данном случае возможно развитие авторитарных тенденций при несоблюдении принципа разделения властей либо формирование сплоченной оппозиции, что может привести к кризису принятия решений. Наконец, наименее привлекательным вариантом оказывается сочетание многочисленных, но сплоченных партий.

Российский президентализм и двухпартийность сквозь призму теорий

Итак, в соответствии с представленными выше концепциями, президентализм наилучшим образом сочетается с двухпартийной системой. Принимая во внимание взаимоотношения между президентом, премьер-министром и парламентом, этот вывод остается справедливым и для смешанных форм правления с сильной президентской властью. Однако справедлив ли он для российской системы? Такая постановка вопроса допускает наличие неких особенностей российского президентализма, которые не позволяют однозначно ответить «да» на этот вопрос.

Конституция 1993 года определяет российскую государственную систему как смешанную (или, по классификации Шугарта и Кэри, как президентско-парламентскую). Главной особенностью такой формы правления является двойная структура исполнительной власти, которая допускает сосуществование всенародно избираемого президента и назначаемого премьер-министра, который возглавляет правительство. Президент является независимой политической фигурой, избираемой на фиксированный срок, на изменение продолжительности которого парламент не может повлиять никаким образом. В свою очередь правительство зависит от поддержки парламента... Вместе с тем, в России возможности влияния парламента на состав правительства достаточно ограничены...

Как можно видеть, Конституция формально закрепляет доминирующее положение президента в системе разделения властей. Однако принципиальное отличие формы правления, сложившейся в России и ряде других стран бывшего СССР, состоит не столько в обширных конституционных полномочиях президента, сколько в его «внепартийном» положении. Объяснение тому можно обнаружить в особенностях трансформационного периода. Исторически сложилось так, что партии не играли значимой роли в выборах российского президента, причем сам глава

государства всячески подчеркивал свое стремление быть выше партийной политики и представлять «интересы всех россиян», а не ограниченного круга сторонников какой бы то ни было политической организации. Это привело к тому, что исполнительная власть в стране формировалась исходя из других, отличных от партийных, принципов.

Отсутствие у президента заявленных партийных предпочтений дает ему большую свободу при выборе партий-сторонниц в парламенте, для которых поддержка со стороны сильного инкумбента имеет значимые выгоды. В условиях неустойчивых электоральных предпочтений избирателей такое «надпартийное» положение главы государства открывает для него дополнительные возможности целенаправленного конструирования формата партийной системы. На практике примерами подобного конструирования и стали попытки создания «партий власти». Но при этом сами партии, без возможности участвовать в выработке важнейших государственных решений и нести за них ответственность, были обречены оставаться слабыми и неустойчивыми... В то же время, однако, они часто демонстрировали бескомпромиссность и неконструктивную идеологическую непримиримость в парламенте.

Как трансформируется идея формирования двухпартийной системы в ситуации, когда исполнительная власть не связана партийными обязательствами? С точки зрения разработанных в сравнительной политологии теорий создание в России двухпартийной системы в этом случае могло бы повлечь за собой два варианта развития событий. Первый, наиболее близкий к опыту США, сценарий – это формирование крупных, идеологически близких между собой партий, способных к компромиссу в процессе выработки и принятия решений. Именно такой вариант, как представляется, и был положен в основу проекта строительства «партий власти» на думских выборах 1995 г. «Беспартийный» президент при таком сценарии получал бы возможность работать с парламентом на основе тактических альянсов между законодателями, чьи партийные предпочтения, возможно, отошли бы на второй план, уступив место профессионализму и компетентности в конкретной области законотворчества. Однако, как доказали выборы, реализация такого проекта невозможна в условиях нестабильной партийной системы и неустойчивых предпочтений избирателей.

Второй сценарий, который предлагают нам рассмотренные теории, подразумевает формирование в парламенте сплоченного однопартийного большинства. Этот вариант является более рискованным, т.к.

существует вероятность того, что в условиях двухпартийной системы парламентское большинство не будет принадлежать к партии сторонников президента. Стратегией, минимизирующей риск для президента, может стать конструирование такой системы, где одна партия (поддерживающая президента) значительно превосходит по силе партию оппозиции. В этом случае возникновение «разделенного правления» становится практически невозможным, а исполнительная власть получает надежную поддержку в законодательном органе для проведения своих инициатив. Такая расстановка сил сложилась в России в ходе работы третьей Государственной Думы, и вполне допустимо, что по такому сценарию будет эволюционировать российская партийная система после выборов 1999 г., что подтверждается развитием последней «партии власти». Не стоит, однако, забывать, такой вариант опасен нарастанием авторитарных тенденций, причина которых кроется в нарушении принципа разделения властей и отсутствии стимулирующей оппозиции. Об этом предупреждают нас теории, разработанные на материале сравнительных исследований. Хотелось бы, чтобы эти опасения оказались напрасными.

